

Журнал творческой мастерской
«Московский салон литераторов»

№ 2 (32)

МОСКОВСКИЙ BAZAR

МОСКВА, 2020

Колонка главного редактора

О межвременье и счастье

Рано или поздно в жизни каждого человека происходят события, которые заставляют посмотреть на мир иначе. Как говорят – другими глазами. И тогда все превращается в иную реальность. И эта иная реальность не всегда оказывается приятной. И мы вдруг начинаем осознавать и ценить то, что раньше казалось таким обычным и не имело никакой стоимости. Сколько уже было на эту тему сказано, написано, снято фильмов! Все это происходило где-то и с кем-то, но только не с нами. И вдруг это коснулось нас всех.

Запертые в квартирных резервациях, мы с удивлением обнаружили, что чашка кофе в летнем кафе под цветущим каштаном – это такое счастье!

Или бокал холодного белого вина, который предложат вам виноделы в жаркий летний вечер после долгой прогулки по виноградникам, простого недорого вина, в котором пляшет солнце, то тонет, то всплывает на поверхность и искрится, пронизывая вино золотистыми лучами. Или просто разговоры с друзьями на даче – о детях, о работе, о личных проблемах. Еще месяц назад это считалось чем-то обычным, не имеющим значения. А сегодня, в связи с известными событиями, мы неожиданно поняли, что большое счастье может вполне уместиться в маленькой чашке кофе.

Мир стремительно преобразуется и меняется, мы уже не успеваем эти изменения отследить. Нам все еще кажется, что живем в прежней реальности, но ее больше нет, она поблекла и выцвела. Она как старая фотография, долго висящая на стене, куда падает солнце, стала терять былую четкость. Скоро она и вовсе сотрется с карты истории и останется только памятью. Однажды мы снова окажемся в привычном для нас мире. Вот только будет ли он таким же? Узнаем ли мы его? Конечно, к нам снова вернутся друзья и теплые посиделки на залитых солнцем верандах, но мы уже никогда не будем прежними. И мир никогда не будет прежним.

А пока мы в межвременье. И в это межвременье мы предлагаем вам изменить себя, подготовиться к тому новому и незнакомому миру, который встретит нас, когда мы откроем двери и выйдем наконец из наших квартирных резерваций. Давайте запасаться мудрыми мыслями и оптимизмом, пополнять интеллектуальный багаж новыми знаниями и открытиями. Пришло время реформатирования и переосмысления

Сегодня многие журналы, музеи, театры предлагают на своих сайтах интерактивные возможности. Мы можем побродить по Лувру и по Третьяковской галерее, посмотреть спектакли в Венской опере в Большом театре, почитать журналы и полезные статьи. Вот и мы тоже предлагаем прогулку по нашему сайту, где вас ждет много открытий. Он только начинает жить, он еще в самом начале своего пути. И мы сделали его для вас.

Мы надеемся, что новый номер «Московского BAZARa», который вы найдете на сайте, поможет вам поднять настроение, отвлечься от неприятных мыслей, проблем и забот и получить удовольствие.

Ведь почитать журнал утром за чашечкой кофе – это такое счастье!

Ваша Светлана Сударикова

СОДЕРЖАНИЕ

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

НЕ БУДЕМ ЗНАТЬ КОРНИ И ТРАДИЦИИ, МЫ ДЕВАЛЬВИРУЕМСЯ КАК НАРОД – БУДЕМ БЕЗ РОДУ И ПЛЕМЕНИ. *Интервью с писателем Ольгой Грушевской (МОССАЛИТ, Москва) о создании книги «Внуково. “Московский писатель” В тени больших деревьев»*

6

ПРОЗА

СВЕТЛАНА КУЛИКОВА (МОССАЛИТ, Москва)

- ЗАМОРОЖЕННЫЙ ДОЖДЬ
- КАМЕНЬ С ДУШИ, или КАК МЕНЯ УЧИЛИ МУЗЫКЕ

13

20

ЕЛЕНА ХИСМАТУЛИНА (Екатеринбург)

- ПОДОБНОЕ В ПОДОБНОМ (ПО-ПО)
- ТРАМВАЙНЫЙ ГИД
- СЕРЫЕ КРЫШИ ПАРИЖА

24

29

55

НАТАЛЬЯ КОЗАЧЕНКО (Москва)

- ЖУРАВЛИ И СИНИЦЫ

24

41

ПОЭЗИЯ

АНДРЕЙ БАРАНОВ (МОССАЛИТ, Москва)

ГЕОРГИЙ БОЙКО (Москва)

АЛЕКСЕЙ КАЗАРНОВСКИЙ (МОССАЛИТ, Москва)

ПОЛИНА ОРЫНЯНСКАЯ (Балашиха, МО)

СВЕТЛАНА ОС (Москва)

ЕВГЕНИЙ СТАРОВЕРОВ (Пермь)

ОЛЕГ ИВАНОВ (Москва)

52

55

58

61

64

67

69

ГОРОДСКОЙ АЛЬБОМ

ЕЛЕНА ГАЛУСТОВА (МОССАЛИТ, Москва)

- УЛИЦА НОВОПЕСЧАНАЯ. Альтернативный путеводитель

71

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

НАТАЛЬЯ АБРАМЦЕВА (Москва)

- КАБЛУЧКИ
- СКАЗКА О ВЕЧЕРЕ
- НУ ЧТО ТЫ, КОШКА!

79

81

82

ИГОРЬ КАЛИШ (Дядя Игорь) (Нью-Йорк, США). Стихи

84

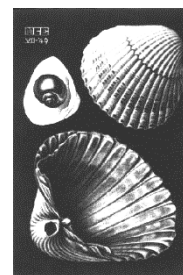
НИНА АГОШКОВА (Краснодар). Стихи

86

ФОТОЛАБОРАТОРИЯ

ОЛЬГА РЫБАКОВА (МОССАЛИТ, Москва)

- *ВОПРОСЫ ИЗ ПРОШЛОГО. Эссе*

89

VazArt

ИГОРЬ БУРДОНОВ (МОССАЛИТ, Москва)

- *水墨最为上。ТУШЬ ПРОСТАЯ ВЫШЕ ВСЕГО*

СВЕТЛАНА СУДАРИКОВА (МОССАЛИТ, Москва)

- *ВАРВАРА СТЕПАНОВА И ЛЮБОВЬ ПОПОВА – АМАЗОНКИ РУССКОГО АВАНГАРДА*

92

100

СОБИРАЕМ ЧЕМОДАНЫ

ЗИНАИДА КОКОРИНА (МОССАЛИТ, Королёв)

- *ПАРИЖСКИЕ СТАРТЫ*

109

В оформлении журнала использованы репродукции картин М. Эшера, В. Степановой, Л. Поповой, И. Бурдонова, фотографии А. Савельева, фотографии из авторских архивов, с мероприятий. На обложке: Л. Попова. Композиция с фигурами. 160x124 см. Холст, масло. 1913 г. ГТГ

**Журнал выходит в рамках проекта творческой мастерской «МОССАЛИТ»,
руководитель проекта Ольга Грушевская**

Главный редактор Светлана Сударикова

Редактор-корректор Ирина Чижова

Художественный редактор Ольга Грушевская

Кураторы рубрик:

«Проза» – Светлана Сударикова, Всеволод Круж

«Поэзия» – Евгений Агуф, Ольга Уваркина, Алексей Казарновский

«Культурное наследие» – Светлана Сударикова, Ольга Грушевская

«Частная территория» – Наталья Орлова

«Городской альбом» – Елена Галустова

«VazArt» – Ольга Грушевская

«Записки на манжете» – Ольга Рыбакова, Ирина Чижова

«Детское чтение» – Зинаида Кокорина, Ольга Уваркина

www.mossalit.ru

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

О создании книги «Внуково. «Московский писатель». В тени больших деревьев»

Интервью с Ольгой Грушевской
(МОССАЛИТ, Москва)

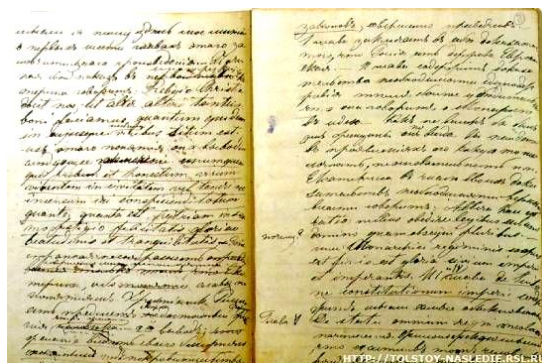
«НЕ БУДЕМ ЗНАТЬ КОРНИ И ТРАДИЦИИ, МЫ ДЕВАЛЬВИРУЕМСЯ КАК НАРОД – БУДЕМ БЕЗ РОДУ И ПЛЕМЕНИ»

Беседу ведет Светлана Сударикова

– Когда и почему у тебя возникла идея написать книгу?

– Идея написать книгу о «Московском писателе» зрела давно, да только путь от замысла к реализации, как правило, долгий. Лично я думала об этом последние лет десять, но ни времени, ни сил, ни духу не хватало. Моя мама, которая тоже родилась во Внукове, когда-то говорила: «Сядь пиши, не теряй время!», очень меня к этому побуждала.

И вот пару лет назад местная инициативная группа при поддержке Администрации Внуковского поселения проделала титаническую работу и наша именитая общественность, спокойно дремавшая за глухими заборами, была разбужена известием о том, что запущен издательский проект, уже собирается материал о первых легендарных поселенцах городка «Московский писатель» и пора откликнуться на призыв организаторов.

Внуково. «Московский писатель»

Внуково. «Московский писатель»
В тени больших деревьев

Эта книга о знаменитом внуковском поселке «Московский писатель», созданном в 1934 году. Среди первых обитателей

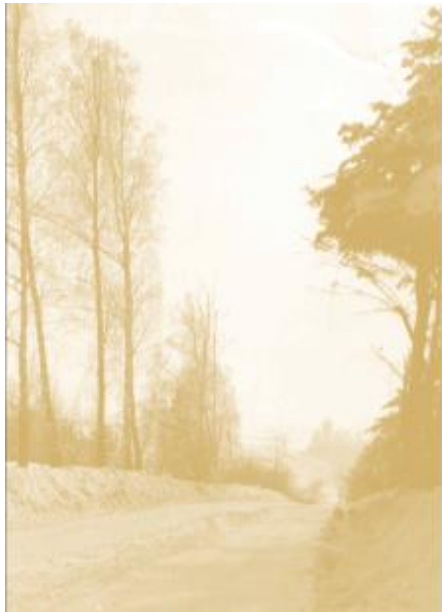
легендарного поселка были Л. Орлова, Г. Александров, Л. Утесов, В. Лебедев-Кумач, А. Твардовский, В. Гусев, А. Сурков, И. Ильинский, З. Маркина, Е. Долматовский, Ю. Милютин, И. Дунаевский, А. Первенцев и многие другие.

Материалы эксклюзивны, скомпонованы из уникальных живых статей и архивных фотографий, предоставленных их потомками

– детьми и внуками.

Эта книга – памятник жизни «Московского писателя».

Эта книга – порыв души и сердца, выражение благодарности старшему поколению

Страницы из книги. «Ода Внукову»

И вскоре правление ДСК «Московский писатель» и внуковская администрация обратились ко мне с просьбой стать руководителем и главным редактором проекта. Не хотелось, чтобы кто-то со стороны, не знающий ни наших традиций, ни особой атмосферы внуковского пространства, формально взялся за книгу – а такие попытки были, – и я не думая согласилась.

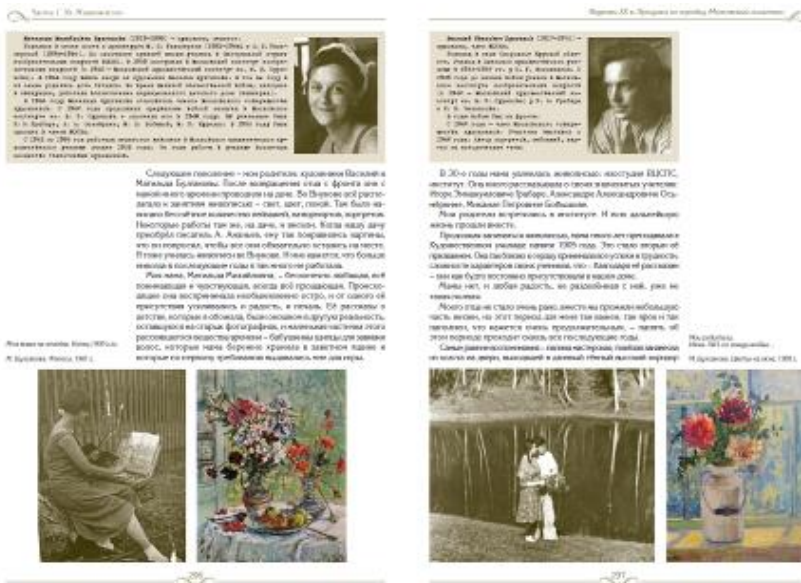
Все понимали, что передать незабываемую внуковскую атмосферу может лишь тот, кто здесь родился, жил и дышал здешним воздухом, поэтому я активно взялась за работу.

И все же это, конечно, не только мое детище. Наша книга – результат многомесячных усилий большого творческого коллектива, который включает более тридцати пяти авторов, нашего прекрасного редактора-корректора Ирину Чижову и оформителя Ксению Огорелкову, а также издателя Анну Пласкееву из издательства «Гласность».

– В книге собраны уникальные фотографии, письма, воспоминания, были ли сложности со сбором материала? Все ли родственники готовы были поделиться семейными архивами?

– Да, было нелегко. Надо было «постучаться» более чем к тридцати потенциальным авторам – давним соседям или знакомым – и пригласить к участию в книге. Идея была принята настороженно, с сомнениями: кому такая книга нужна? Будет ли она кому-то интересна, кроме нас самих? Да и как сделать так, чтобы книга заинтересовала этот таинственный и неопределенный «широкий круг читателей», на который она нацелена? Потребовались огромная энергия и личная убежденность: увлечь людей, развеять сомнения и вселить уверенность в необходимости проекта, а главное – пробудить порыв души и сердца, в котором кроется глубокая благодарность нашим старшим. Мне, как руководителю проекта, надо было лично соприкоснуться не только с собственной семейной историей, но и прожить с каждым кусочек его прошлой жизни. Хочу поблагодарить тех участников, которые без колебаний подхватили нашу идею и мгновенно влились в проект, став верными помощниками и единомышленниками – их большинство!

– Без сомнения, проделан титанический труд, особенно если учесть, что работу над книгой ты совмещала с основной работой. Никогда не возникало желания все бросить? То есть вопрос, собственно, а зачем тебе это надо, не возникал?

Макет статьи О. Булгаковой «Нигде чремуха не цвела так красиво» о М. П. Гальперине

Но отвечать на вопрос: «А зачем это надо?» – мне все же приходилось. За звучащей в нем неуверенностью скрывалась природная скромность наших авторов, их, на мой взгляд, нежелание выпячивать себя, рекламировать. Сегодня, к сожалению, очень часто мы видим обратное.

Но благодаря общим усилиям неуверенность вскоре исчезла, и мощным потоком хлынули воспоминания! Оказалось, что в сердце у каждого за семью замками хранился огромный багаж, который ждал своего времени.

«Села написать три строки, – говорила моя соседка, один из авторов книги, – а просидела всю ночь – не могла остановиться!» «А следует ли писать, как все дружили и ходили в гости?» – спрашивал другой автор. «А надо ли рассказывать о соседях?» – советовался третий. А о том, как на даче собирались к обеду, пили чай, какие готовили блюда?.. А о футболе?.. А про крокодилов?.. Пишите! Пишите все! Все детали важны! Чтобы по крупинке, по бисеринке создать незабываемое разноцветное полотно внуковской жизни. Так появились восторженные «Гении и красавицы» Нонны Голиковой, пронзительно-юношеская «Моя родина» Владимира Ильинского, яркое и звучное «Во Внукове живу...» Виктора Гусева, трогательная «Местность с перспективным названием» Марии Деевой, ироничное «Лоскутное одеяло» Сергея Шаповалова, художественная «Некрасовская, дом 20» Наталии Кузнецовой, драматичное «Все начиналось во Внукове» Елены Санниковой и многие другие статьи. Лаконичные и подробные, веселые и задумчивые; истории-эссе, истории-драмы, истории-откровения – совершенно разные, но объединенные общим свойством: каждая буква, каждое слово наполнены любовью.

Если же говорить о приложенных усилиях... Да, они огромны. И конечно, не скрою, порой охватывало отчаяние: не удавалась редакция, не получалось оформление, все шло не так, опускались руки. Подчас и уныние одолевало: сказывалась усталость, действительно, от усталости хотелось все бросить, казалось, проект непосилен и конца ему не будет никогда. А время поджимало.

– Я бы разделила вопросы: «желание все бросить» и «зачем все это надо». Они у меня не взаимосвязаны.

Начну с ответа на второй. Нет, вопрос, зачем мне это надо, не возникал. Я абсолютно четко и с полной убежденностью знала и знаю, зачем нужен проект.

Буду банальной: нет прошлого – нет и настоящего, нет и будущего. Мы должны знать ушедшую эпоху, ее традиции, чтобы понять, откуда что берется, понять первопричины, корни, понять себя и осознать свою роль в собственной жизни.

Но мы справились в кратчайшие сроки, если учесть, что наша группа – редактор-корректор, оформитель и я – начала работать над книгой лишь в октябре 2018 года.

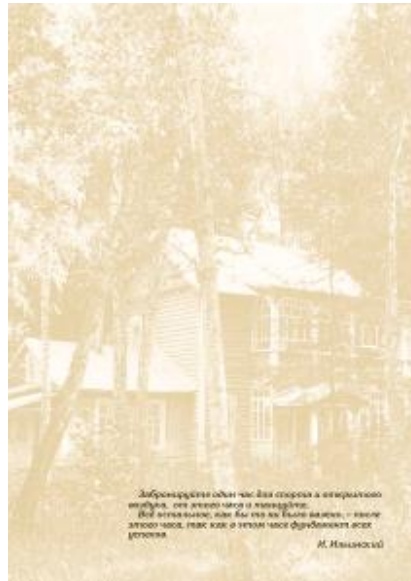
– Не секрет, что современная молодежь, особенно самое юное поколение, не интересуется ни фильмами того периода, ни театральными постановками, для многих имя Любови Орловой ничего не говорит. Как ты считаешь, насколько необходимо пропагандировать эту страницу русской советской культуры?

– Не столько надо пропагандировать, сколько рассказывать. Ведь это не только корни именно наших внуковских детей и внуков, которым это все близко по определению. Мы пишем о тех страницах истории, которые привнесли значительный пласт имен в нашу культуру и науку, и этот золотой фонд служит фундаментом для всех последующих надстроек. Не будем знать корни и традиции, мы девальвируемся как народ – будем без роду и племени.

Если ничего не делать – ни о чем не рассказывать, ни о чем не писать, не говорить с молодежью на те условно далекие темы, то мы вымрем, как динозавры. А то, что увлечь своими рассказами и историями можно, знаю по собственному опыту – сама многое узнала со слов знаменитого старшего поколения. Мои дети и широкий круг их друзей узнают с моих слов, и видно, что им интересно: они задают вопросы, спорят. Порой на их вопросы о том времени нелегко ответить...

– Как ты считаешь, имело бы смысл ввести в школьное образование предмет, который будет рассказывать об истории кинематографа в нашей стране? Ведь эта культурная страница советской истории является неотъемлемой частью мировой кинематографии, и не секрет, что кино в жизни современного человека играет гораздо большую роль, чем книга. Может быть, стоит наравне с литературой изучать и историю кино? Ведь именно уроки литературы знакомят детей с русской литературой, с книгами, которые они, возможно, никогда бы и не прочитали, тем самым приучая детей к хорошей литературе. Может быть, точно так же стоит приучать детей к хорошему кино?

– Совершенно уверена, что должен быть школьный курс «Истории искусства». Детям и подросткам необходимо знать азы этой области, чтобы они хотя бы могли «грамотно» ходить в музеи и понимать, что они видят на картинах художников, скажем, Ренессанса; чтобы они могли понимать библейские сюжеты. Чтобы они хоть что-то видели в иконах Андрея Рублева.

Макет статьи В. Ильинского «Моя родина»

Презентация книги, декабрь 2019 г. Выступление В. Гусева, журналиста, спортивного комментатора, внука поэта В. Гусева и соавтора книги

Насколько я знаю, аспекты истории искусства преподносятся в рамках уроков мировой и российской истории, но этого недостаточно. Курс, на мой взгляд, должен быть вычленен в отдельную дисциплину, и вести его должны искусствоведы. И в таком курсе, конечно, кинематограф, как современный визуальный вид искусства, мог бы занять важное место. В наших детей надо профессионально закладывать и воспитывать чувство прекрасного – можно и нужно научить смотреть на мир и видеть прекрасное, тогда они уже сами смогут создавать прекрасное.

Надо попытаться, хотя бы попытаться, научить их азам искусствоведческой грамотности. Дело за малым – как это осуществить?!

– У тебя есть много собственных детских воспоминаний о людях, ставших героями вашей книги, есть ли среди этих воспоминаний такие, которые не вошли в книгу? Может быть, это были какие-то неприятные воспоминания?

– Да, есть. Жизнь – не гляцевый журнал, во Внукове (да и не только у нас) что ни дом, то драма... А потом время, о котором многие пишут, одно из самых неоднозначных в нашей истории, 1935–1939 годы. Но мы не задавались целью выступать в роли историков и искусствоведов. Мы писали гимн нашему старшему поколению, и этот настрой задал тональность всей книге.

Мы вышли за рамки традиционных воспоминаний и пошли по единственно верному пути, который делает книгу уникальной: мы написали о себе. О своих детстве и юности, когда наши жизни соприкоснулись с жизнями легендарного старшего поколения – жизнями состоявшимися, блистающими на пике славы и народного признания.

Тогда мы, конечно, не осознавали величия наших родственников: бабушки, дедушки, родители казались нам людьми обыкновенными, со своими причудами и слабостями, мы же просто накапливали свои личные детские и юношеские образы и впечатления, которые, как известно, на всю жизнь остаются самыми яркими – «навсегдашними». Осознание величия старших пришло значительно позже, вместе с пониманием, что мы невольно оказались вовлеченными в удивительный творческий мир и стали не только его очевидцами, но и со временем самостоятельной частью духовного пространства, которое сформировалось во Внукове с момента возникновения «Московского писателя».

Поэтому наш сборник это книга лирических, разножанровых и очень теплых повествований – домашний фотоальбом с комментариями.

Московский BAZAR № 2 (32) 2020 г.

– Твоя книга скорее о людях или об эпохе? Что было для тебя важнее, показать атмосферу того времени или показать людей и их судьбы?

– Наша книга, конечно же, памятник эпохе. Частные истории, архивные фотографии, репродукции картин, оригиналы которых бережно хранятся в каждой семье; бытописания, увлекательные истории из жизни, художественные зарисовки, исторические отступления; прекрасные стихи и отрывки из повестей; легенды и мифы, старые

кулинарные рецепты и даже байки из жизни «Московского писателя» – из всех этих, казалось бы, частных складывается одна большая эпическая картина исторического момента.

– После того как проделана такая скрупулезная работа, собран потрясающий архив, нет желания открыть музей, где можно будет ознакомиться с фотографиями и рукописями? И если музей все же не будет создан, нет страха, что все эти частные архивы однажды просто пропадут?

– Мы много говорили об открытии музея, но непонятно, как это сделать технически. Хотя если задаться целью, то возможно все. Да, вопрос о том, что архивы пропадают, достаточно актуален. Личные архивы пропадают, либо как недооцененные потомками, либо становятся объектом частных коллекционеров, которые (отношение к их деятельности крайне неоднозначно) потом вольны делать с архивами все, что пожелают.

Обнародовать или не обнародовать, печатать или не печатать, преподносить под частным углом зрения, выносить на общее обсуждение и обозрение или бережно хранить в тайне. Нет однозначного ответа, каждый случай особенный, здесь автоматически встает множество морально-этических вопросов. Не все частные коллекционеры достойно выдерживают это испытание, многие поддаются коммерческому и «желтушным» веяниям и ради популярности и самоутверждения стараются под красивым предлогом продемонстрировать свою причастность к великому.

О.
Главный редактор книги О. Грушевская
и архитектор О. Иванов в библиотеке им. А. Платонова

В библиотеке им. А. Платонова

– Десять лет назад ты придумала и создала творческую мастерскую МОССАЛИТ, где под твоим крылом собрались писатели, художники, музыканты, скульпторы. Как ты думаешь, твои потомки напишут о тебе такую же книгу? И видишь ли ты в этом связь времен и связь поколений? И придет ли кто-то тебе на смену?

– Да, я создала Салон – так проявился во мне характер бабушки, Зиновии Семеновны Маркиной. Помните, как в «Обыкновенном чуде» Леонов сказал: «Предки виноваты! Прадеды-прабабки, внучатые дяди-тети разные, праотцы, ну и праматери...»? И я его понимаю! Я тоже полностью заряжена их энергией.

А вот напишут ли про меня книгу? Не знаю, не думаю. Это не самое важное. Важен текущий момент и то, что ты сам делаешь: живешь, любишь, пишешь, создаешь, копаешь, вышиваешь... Будет ли об этом потом написано, я не задумываюсь. Я эгоистка, мне важно самой все ощущать, важно «отдавать».

Был вопрос, придет ли кто-то мне на смену в Салоне, да? Очень на это надеюсь. Если этого не случится, то значит все зря, хотя опять-таки я не задумываюсь об этом серьезно.

– Очень хочется увидеть книгу на книжных полках. В связи с этим последний вопрос: когда широкий круг читателей сможет познакомиться с книгой?

– Судьба книги не решена. Пока вышел лишь пилотный тираж. Но мы очень надеемся увидеть книгу на прилавках.

В любом случае, в 2020 году в библиотеке им. Андрея Платонова состоится презентация нашей книги, и я приглашаю всех читателей журнала на это мероприятие. О дате проведения презентации можно будет узнать на сайте Салона, а также на сайте библиотеки.

Введение: Московский салончик... И снова Наталья Давыдова

Эпиграф

Заворвался надув змею, сверкнул спасибо так блестящим перлам, кто прейдет в горло
 «Московский салончик» – живую и чистую мелодию жизни. Это трезвая и радостная мелодия
 двадцатого века свой звучит в тени больших деревьев – среди высоких берёз, дубов и
 елок, и звучит она уже для века двадцать первого.

Будто сами собой всплывают в памяти слова знаменитого во Всеволода Мейерхольда
 Михаила Исааковича из спектакля «В лесном госпитале»:

... Давали травы. Лето начинало.
 Делали пропыливать землю...
 И мы жили, А нам и горе не было.
 А наша радость было не зря.

Лето шумит о некоем стародоме,
 Разоклет ветер ажитацию тоску,
 А мы стоим, ходим на свидания,
 Читая книги, слушаем Россию.

И каждый день, по своему чудесу,
 И каждый вечер чем-нибудь хороша...

... Там мы живём, И устал над не лесом,
 И устал над не даём себе самим,
 И некого есть над не спящих лесом,
 И некого есть не забываем себя.

До встречи во Всеволод!

445

ПРОЗА

Светлана Куликова
(МОССАЛИТ, Москва)

ЗАМОРОЖЕННЫЙ ДОЖДЬ

– Не могу больше! – зимний сапог летит в стену, ударяет рядом с зеркалом. Не попадает, это хорошо. Все-таки вещь казенная, отель дорогой, разобью чего – в семейном бюджете большую дыру проделаю...

Уймись, тоска моя, уймись! Не унимается. Тягучая, вязкая, прилипчивая. Третий день не могу выйти на улицу. В окно наблюдаю, как густой снег медленно засыпает город. Серая туча разлеглась на крышах и вытряхивает из набухшей утробы мягкий белый пух. Сквозь пелену едва видны акварельно размытые контуры домов, деревьев, уходящая вдаль дорога.

А высоко в горах сейчас ярко светит солнце, острые вершины упираются в синее-синее небо. По белым сверкающим склонам лихо скользят разноцветные фигурки горнолыжников. Среди них и мой супруг. Вернется вечером уставший, пропитанный зимней свежестью и свободой. Счастливый!

И я с ним могла бы быть, но... Не оправдались мои надежды на скорейшее выздоровление, молния все еще не сходится на фиолетовом полене, в которое превратилась правая нога...

Началась эта история в Москве, на платформе Курского вокзала.

В середине зимы столица днем раскисала слякотной оттепелью, а ночами температура падала ниже нуля и улицы превращались в каток. Пешеходы скользили по нему с разной степенью ловкости. Неловких в травмпунктах встречали ошалевшие от перегрузок врачи и длинные нервные очереди. В одной из них оказалась и я после неудачного падения.

Вышла из вагона электрички, поскользнулась да и приземлилась на всю фигуру. Подвернутая лодыжка немедленно распухла и заныла. И все бы ничего, с кем не бывает, если бы не предстоящая нам с мужем поездка в Армению, в горы. Уже стояли в прихожей собранные чемоданы и зачехленные лыжи.

К счастью, рентген не показал перелома.

– Растяжение, – констатировал усталый доктор. – Про лыжи забудьте, а пешком гулять не возбраняется.

Дальняя дорога плохо отразилась на травме: нога распухла настолько, что сапог на нее не налезает.

Каждое утро мой благоверный, вальяжно переступая негнушимися ботинками, идет к автобусу, увозящему постояльцев отеля к подножию горы Тегенис. Когда-то здесь была тренировочная база сборной советских слаломистов. И даже после разрушительного урагана перестройки она продолжает жить и процветать.

Я провожаю автобус взглядом верной Пенелопы.

Тоска беззвучная, плотная, душная, как этот снегопад, что третий день неподвижно висит между небом и землей, накрывает меня.

Не могу ни читать, ни писать, ни смотреть те два скучнейших российских канала, что ловит отель. Бесцельно слоняюсь по опустевшим этажам, пристаю с разговорами к девочкам на ресепшн. Они отрываются от своих дел, телефонных разговоров, отвечают вежливо, смотрят сочувственно, но... Человек человеку не Спаситель – мои уныние и раздражение остаются со мной, преследуют назойливо. В их невеселой компании случайно забредаю в подвальное помещение небольшого бассейна.

С утра здесь пусто, свет погашен. В темноте неглубокая вода кажется бездонной и полной загадочных существ. Нарушает ее недружелюбную таинственность лишь неяркий свет, падающий из приоткрытой двери на противоположной стороне зала. Неожиданный в сумраке и безлюдье, робкий, теплый, он словно приглашает зайти на огонек.

На звук моих шагов, гулко отразившихся от высокого потолка, из освещенной комнаты выходит невысокая коренастая девушка. Маленькую крепкую фигурку ее венчает большая круглая голова. Черные прямые волосы до плеч, словно глянцевые шторы, прикрывают круглые щеки. Между ними в радостной улыбке сверкают два ряда крупных белых зубов. Кажется, будто те ряды начинаются за одним ухом и заканчиваются за другим. Над этой широкой улыбкой, над упругими смуглыми щеками, будто тушью нарисованы узкие глаза и прямые брови. В падающем сзади свете девушка кажется сказочно нереальной, похожей на сочиненного Гофманом Щелкунчика – с виду нелепого, но смелого и веселого заколдованного принца. И эта вышедшая мне навстречу «игрушка», тоже отчего-то так лучится счастьем, словно встретила наконец-то родственницу, давно не виденную, но горячо любимую...

– Мада-ам, масса-а-аз, пли-и-изь, – на ломаном английском певуче тянет девушка, жестом приглашая пройти в комнату, откуда льются мягкий свет, запахи азиатских благовоний и тихая медитативная музыка.

Слева от входа вижу массажный стол, освещенный лампой под красным, с золотистыми цветами абажуром; справа – какие-то шкафчики, плохо различимые в полумраке, широкий пуф у стены, коврик рядом с ним и открытый ноутбук с включенным монитором на коврике. Похоже, хозяйка комнаты отвлеклась от прогулки по интернету.

Напротив двери, на стене кучно висят какие-то красочно оформленные тексты в рамках. Заметив мой интерес, Щелкунчик молча отступает в сторону. Осмотрев пиар-витрину из сертификатов и прайсов на трех языках – армянском, русском и английском, – понимаю, что передо мной Лизель Айон, дипломированный филиппинский врач, исцеляющий разнообразные недуги каким-то особым видом массажа.

Господи, неужели ты узрел мои страдания и не случайно привел сюда?

Вспоминаю весь свой мизерный запас английских слов и, жалобно причитая «май фут бэд», «май фут биг», «май фут пейн», приподнимаю штанину, предъявляю пугающую картину травмы: из-под синюшной опухоли на лодыжке едва виднеются пальцы. Сияние улыбки Щелкунчика на мгновение гаснет, но тут же включается со словами: «Все будет о'кей!»

«Уж какой там «о'кей», лишь бы хуже не стало», – думаю, послушно укладываясь на массажный стол.

При первом же прикосновении взвизгиваю от острой боли и пытаюсь уползти. Массажистка смеется, удерживает меня, успокаивает. Она болтает без умолку, отвлекая внимание от неприятных ощущений.

Вежливость и любопытство заставляют меня расцепить зубы и вести беседу на сложной смеси разных языков, включая жестовый.

Московский BAZAR № 2 (32) 2020 г.

Через пень-колоду к концу сеанса узнаю, что Лизель – старшая из десяти детей, ее родители, братья и сестры живут в окрестностях Манилы. В Армению девушка приехала на заработки с подругой. Подруга тоже массажистка в отеле, в Ереване. Каждые три месяца девушки меняются местами...

Маленькие, но очень сильные пальчики оказываются волшебными. А может, все дело в каких-то крепко пахнущих мазях, которые Лизель осторожно и вместе с тем тщательно втирает мне в лодыжку, не знаю, только через час ухожу из комнаты за бассейном, почти не хромя. Внезапная целительница провожает меня той же широкой, счастливой улыбкой, какой встретила.

Вечером рассказываю мужу про смешного Щелкунчика-Лизель, ее чудодейственный массаж и отправляю на сеанс. Через час он возвращается, неся в глазах отсвет необычайной радости маленькой филиппинки.

В этот вечер мы с ним впервые не ругаемся перед сном.

День за днем я с утра бодро ковыляю в комнату за бассейном.

Боль в ноге утихла, Лизель уже не так разговорчива во время работы, но по-прежнему восторженно улыбочива и охотно отвечает на вопросы.

Нет, она не скучает, есть ноутбук, есть вай-фай, можно каждый день выходить в интернет и общаться с кем захочешь. Нет, в отеле не тяжело работать. Да, ей очень нравится Армения, особенно Ереван – там зимой больше клиентов, чем здесь, в Цахкадзоре, и массаж стоит дороже. Из Еревана она посылает семье в Манилу гораздо больше *мани*...

К концу недели благодаря усилиям сказочного Щелкунчика я могу обуться и пройтись по городу.

Над Цахкадзором густой снегопад все так же висит белым пледом, но уже не кажется мне отвратительно душным.

Обхожу площадь, набираю в магазинчиках сыра, фруктов, вина. Вечером устраиваю мужу романтический ужин.

– Похоже, жизнь налаживается, – он радостно смеется, разливая густо-красный терпкий «Геташен».

– Ох, не сглазить бы! Завтра-послезавтра поеду с тобой. На лыжи, конечно, не встану, но хотя бы у подножия с фотоаппаратом похожу.

– Молодец Лизель. Надо бы как-то отблагодарить ее.

– Дадим еще денег?

– Можно и денег, но... Ты знаешь, что она уже пятый раз в Цахкадзоре и ни разу не была в горах? Вообще на улицу не выходит.

– Да ты что? Как так?

– Хозяин не разрешает.

– Почему?

– Я не понял, то ли боится, что сбежит, то ли что ее полиция задержит, – она не говорит. Думаю, этих филиппинских лекарок привозят сюда незаконно... Не знаю. Видела у нее в кабинете кушетку в углу?

– Маленькую такую? Я думала, это пуфик.

– Она спит на той кушетке. Где работает, там и живет.

– Надо же! Лизель сказала, что живет здесь, но я решила – в одном из номеров отеля...

– Нет, в подвале. В кабинете у нее чайник и микроволновка. Один раз в день поднимается на первый этаж, в ресторан, покупает там еду.

– Почему только раз?

– Экономит. И вообще, ей не разрешается по отелю разгуливать. И на улицу выходить тоже запрещено.

Минувшие дни вынужденного заточения всплывают в моей памяти, поднимая за собой волну сочувствия и возмущения. Похоже, широкая улыбка Щелкунчика не более чем азиатская традиция скрывать от посторонних личные переживания. Во мне стремительно зреет и рвется на волю протест против крепостного права армянского барина.

Кипя идеей вызволить из плена мою спасительницу хотя бы на один день, тащу мужа в массажный кабинет. Он пытается что-то возразить, но накопленная во мне за неделю безделья энергия преодолевает его сопротивление.

Лизель сидит на полу перед ноутбуком, свет от монитора падает на смуглое лицо, ловкие пальцы что-то быстро набирают. Увидев нас, встает с привычной белозубой улыбкой, кланяется:

– Хай!

Без предисловия выдаю «манифест о свободе»:

– Лизель, мы приглашаем тебя поехать с нами в горы!

– Нельзя, – улыбка чуть гаснет, но не исчезает совсем. – Контракт. Моя уходит – хозяин ругать и выгонять.

– Но, – гну я свою линию, – в горах очень красиво. Разве тебе не хочется увидеть яркое солнце, снежные вершины, прокатиться на лыжах?

– Нельзя. Контракт, – Лизель все так же спокойна и жизнерадостна.

– Но это же несправедливо! Ты ведь не рабыня!

Лизель моего праведного возмущения не разделяет. Тридцать три обнаженных в радостном оскале зуба подтверждают: ее ничуть не расстраивает плен по контракту. Есть кое-что поважнее свободы передвижения. Любовь к родным, например.

– Хорошо. А если мы договоримся с хозяином, попросим за тебя? Где он? Как его зовут?

Впервые вижу филиппинку растерянной. Губы складываются, пряча улыбку, черные глаз-щелки превращаются в круглые вишенки. Удивленно помолчав, Лизель снова веселеет и без лишних слов соглашается:

– О'кей! Поеду, если он отпустит. Я не знаю, где мистер босс сидеть. Он сам сюда приходит.

Муж идет к администратору гостиницы Кристине, чтобы с ее помощью найти влиятельного владельца массажистки и поговорить с ним как мужчина с женщиной. Однако Кристина, узнав цель визита, останавливает его.

– Я сама. Я знаю, как правильно разговаривать с хозяином.

С волнением в ожидании ответа мне помогает справиться прекрасный армянский «Геташен». Допиваю бутылку и засыпаю крепко, без снов.

Утром меня будит стук в дверь. Мужа в номере нет. Глянув на часы, понимаю: он уже не раз спустился по склону.

Кристина радостно передает барскую волю:

– Хозяин не против, если вы возьмете на себя всю ответственность за жизнь и здоровье Лизель. Она должна с вами уехать и с вами вернуться. Не оставляйте ее одну нигде и никогда.

– Не оставим, лично глаз с нее не спущу! Так и передайте! – горячо заверяю я Кристину и несусь в комнату за бассейном.

Московский BAZAR № 2 (32) 2020 г.

– Лизель, он разрешил, разрешил! Завтра у тебя выходной, и ты едешь с нами в горы. Деньги возьми – придется оплатить прокат лыж, если захочешь покататься. Кстати, у тебя подходящая одежда есть? Какие-нибудь зимние вещи?

– Да. Есть.

Из-под низкой кушетки Лизель достает маленький чемоданчик, извлекает оттуда тонкую осеннюю курточку и детскую байковую пижамку.

– Это все? А теплые штаны? Шапка? Перчатки или варежки?

Смотрит удивленно, разводит руками.

Что же делать? Я могу отдать Лизель свой лыжный костюм, все равно не буду кататься, но он на три размера больше, чем требуется для миниатюрной филиппинки...

Снова взываю я к добрейшей Кристине:

– Спасайте, акция «Свободу Лизель!» срывается!

И снова она выручает.

На следующий день рано утром мы все вместе снаряжаем Лизель. Мои лыжные штаны закрепляем на талии огромной «цыганской» булавкой, снизу трижды подворачиваем штанины. Горячо уговариваем надеть принесенные Кристиной свитер, вязаную шапку и перчатки. Наконец, уяснив, что вещи ей не дарят и не продают, а лишь дают на время, массажистка соглашается.

Всю дорогу посерьезневший Щелкунчик таращится в окно.

Узкие глаза становятся огромными, вечно растянутые в улыбке пухлые губы округляются в изумлении. Опять валит густой снегопад, размывает контуры пейзажа, но Лизель не отрывает взгляда; чтобы лучше видеть, прижимается лбом к мутноватому стеклу.

Автобус натужно преодолевает подъем. Мимо призраками проносятся улицы Цахкадзора, суровый монастырь Кечарис, огромные ели, опустившие ветви под тяжестью снежного бремени.

– Все совсем не так, как у нас, – тихо, словно сама себе, говорит Лизель. – У нас нет снега, только дождь.

– Так ведь снег это тоже дождь, просто очень-очень холодный, замороженный. *Фроузен рейн*, – объясняю я.

Внезапно, будто по команде незримых, но могучих сил снежная пелена расступается и с отчаянно синего неба на нас обрушивается солнце.

Всегда сдержанная Лизель радостно машет руками, выкрикивает что-то невнятное, вскакивает с места, как будто хочет выпрыгнуть в окно. Хватаю ее за рукав, усаживаю со смехом. Мне приятна ее искренняя радость. И вдруг такая гордость охватывает, словно это я самолично сотворила и снег, и солнце, и горы, и эту изумленную филиппинку...

Снежная туча остается все ниже, белизна склона становится все ярче, а вознесенные к небу горные вершины – все величественнее.

Взволнованная Лизель молчит до самой остановки возле здания проката инвентаря на первой станции горнолыжного склона.

Мы выходим из автобуса.

Муж мой и другие туристы надевают лыжи и разъезжаются. На поляне остаемся только мы с Лизель. Несколько минут она изумленно оглядывается, потом вдруг падает в сугроб, барахтается в нем, выкрикивает, хохоча: «Фроузен рейн, фроузен рейн, фроузен рейн!», играет со снегом, как с морской водой: плещет в лицо себе и мне...

– Хватит, – останавливаю я бурное ликование. – Вымокнем, быстро замерзнем. Придется всё, финиш, обратно ехать. Лыжи брать будешь?

Московский BAZAR № 2 (32) 2020 г.

- Да! У меня есть деньги! Я хочу учиться.
- Учиться нужен тренер.
- Пусть меня учит тренер! Я буду платить!

Тренера зовут Армен. Маленькая филиппинка едва достает ему до подмышки и выглядывает рядом с ним ребенком.

Объясняю Армену, что девушка впервые в горах, что я отвечаю за нее, как за свое дитя, и очень прошу не покидать учебной горки. Армен заверяет: «Не волнуйтесь, у меня еще ни один новичок не пострадал!»

Тренер и Лизель легко общаются на смеси английского с армянским, вижу: отлично понимают друг друга.

Народа вокруг немного, мне эта парочка видна издали.

Успокоившись, настраиваю фотоаппарат, ловлю в объектив роскошные виды Тегенис.

Минут через пять обнаруживаю, что ни Лизель, ни Армена в поле зрения нет. Обзор окрестностей показывает ужасную картину: оба едут на кресельном подъемнике на станцию выше – туда, откуда обычно спускаются опытные лыжники.

Меня охватывает ужас. Экзотическая массажистка – не зеркало в номере, если разобьется, ничем не расплачусь! Из всех своих слабых сил несусь следом.

Служители станции, молодые парни-армяне, с изумлением смотрят на тетеньку, пролетающую над склоном без лыж – выглядит нелепо, ибо соскакать с кресла на ноги не только неудобно, но и травмоопасно. Только мне пофиг, я должна догнать свою драгоценную подопечную. Она же впервые на лыжах! Какой может быть спуск?!

С подъемника меня бережно снимают двое парней, спрашивают, чего это мадам задумала. Что я могу ответить? Показываю фотоаппарат, доску, за красивыми видами приехала, спешу к началу спуска и вижу стремительно удаляющуюся спину Армена. На повороте мелькает картина: перед тренером малышка Лизель – ее лыжи между его лыж, он обеими руками прижимает девушку к себе, оба стремительно несутся вниз...

Под изумленным взглядом зрителя снова неуклюже (все-таки подъемники для лыжников устроены) прыгаю в кресло и еду вниз наперехват отчаянной Лизель и ее сумасшедшему наставнику. Потрясающие виды гор уже не волнуют меня.

Внизу настигаю нарушителей и, мешая иностранные слова с русскими ругательствами, набрасываюсь на них с упреками.

Счастливые физиономии Щелкунчика и тренера сильно контрастируют с моей паникой. Армен вообще не понимает, чего я трепыхаюсь, ведь он чемпион СССР по горным лыжам, заслуженный тренер. Лизель в эйфории вообще не слышит и не воспринимает моих слов. Оба о чем-то оживленно *спикают*. Похоже, она требует подняться на третью станцию, мотивируя Армена *манями*. Возмущенно ору, что запрещаю даже думать о трассе для мастеров, требую вернуться на учебную горку, но они смеются, переглядываются и уезжают в сторону подъемника.

Гоняться за этими психами у меня уже нет сил. Да и травмированная нога, растревоженная прыжками с подъемника, снова дает о себе знать. Я остаюсь внизу, целиком положившись на Божью волю.

Они опять спускаются тандемом. Как единый организм, лихо закладывают вираж и останавливаются точно передо мной. Да, Армен действительно мастер экстра-класса.

Окончательно успокаиваюсь. Я, но не Лизель. Она разругалась, сверкает зубами, глазами и требует подъема на четвертую, самую высокую станцию склона.

– Не работает, – с сожалением отказывает ей Армен. – Слишком много снега, может сойти лавина.

Московский BAZAR № 2 (32) 2020 г.

Измученная нервной погоней, я предлагаю передохнуть в кафе, где есть камин.

Мы садимся у огня. Лизель, как ни уговариваю ее, категорически отказывается от горячего чая с пирожными и берет только стакан воды. Зато Армен с удовольствием принимает угощение в качестве благодарности за мастерские уроки, за улыбку Щелкунчика, отражающую сегодня счастье подлинное, не отлакированное азиатским смирением и профессиональной вежливостью.

Солнце уходит медленно, словно нехотя. Тени удлиняются, явственней проступают на снегу сложные иероглифы, вычерченные лыжниками на склонах.

Оставшееся до сумерек время Армен на детской горке учит Лизель спускаться самостоятельно и безудержно нахваливает ее. Она и правда показывает какие-то фантастические успехи – ни разу не упала! Даже не верится, что ни горных лыж, ни замороженного дождя девушка прежде никогда в глаза не видела...

Всю обратную дорогу она молчит и задумчиво смотрит в темное окно, где мелькают огни фонарей. В отеле устало бросает нам: «Сенкью. Гуд бай» – и отправляется в свою комнату за бассейном.

На следующий день мы с мужем обсуждаем отчаянную смелость Лизель, но зайти к ней времени не находим – готовимся к отъезду. Надо собрать вещи, оплатить счета, заказать такси, поблагодарить Кристину... И вообще, я свою миссию выполнила успешно, нога не болит, тоска без следа растворилась в горной вольнице, в небесной синеве и снежной белизне. Всё. Пора расставаться. Сказка про отважного Щелкунчика заканчивается, завтра я скажу ей: «До свидания».

Рано утром спускаюсь в подвал, иду прощаться в комнату за бассейном. Там темно и тихо. Не горит лампа под красным, с золотистыми цветами абажуром, не тянет ароматом благовоний, не звучит протяжная мелодия. Светится только монитор ноутбука, перед которым на коврике сидит массажистка. Она встает и спешит мне навстречу. С удовольствием вижу привычную белозубую улыбку на ее лице.

– Дорогая Лизель! – говорю растроганно. – Ты такая замечательная. Ай лав ю! Пусть у тебя все будет хорошо!

Того, что происходит следом, я не ожидала, даже вообразить не могла. Лизель вдруг обхватывает меня за талию обеими руками, утыкается лицом мне в грудь и рыдает.

Она всхлипывает и стонет, не вытирая слез, не поднимая лица, так безнадежно горько, что я не выдерживаю и тоже начинаю хлюпать носом. Несколько минут мы стоим, обнявшись, и плачем. Наконец я с усилием разжимаю руки Лизель, разворачиваюсь и бегу в номер.

Увидев меня в слезах, муж пугается.

– Что стряслось?

– Иди, – цежу я сквозь сдавленное горло. – Пожинай плоды навязанной человеку свободы.

Он уходит и вскоре возвращается. Футболка на животе у него мокрая, глаза страдальческие.

– Ну и ну. Кто же мог знать...

После завтрака приходит такси.

Мы уезжаем в Ереван, оттуда улетаем в Москву.

Пару недель спустя вспоминаю прощание с Лизель и ощущаю смутный душевный неуют. Связываюсь по скайпу с отелем.

– Кристина, *барев дзез*, дорогая! Как там моя целительница? Можно поговорить с ней? Пожалуйста, я недолго.

Московский BAZAR № 2 (32) 2020 г.

– Барев дзез, Светлана, к сожалению, это невозможно.
– Ах да, простите, я забыла, что ей не разрешается ходить по отелю. Тогда просто передайте, что я звонила.

– Извините, не смогу передать. Она здесь уже не работает. После вашего отъезда разорвала контракт и улетела на родину.

Это неожиданное известие почему-то очень меня расстраивает.

Во всемирной паутине безуспешно ищу Лизель Айон. И вдруг получаю от нее запрос на дружбу в сети «Линкедин».

Принимаю, отзываюсь радостно: «Как дела, *дарлинг*? По телевизору говорят, у вас дожди. А у нас наконец-то выпал *фрoузен рейн*, мы катаемся на лыжах, хотя здесь совсем маленькие горы, не такие, как в Армении!» К письму прикрепляю фото заснеженного Подмоскoвья, склонов Лисьей горки, сотворенной людьми из огромной кучи мусора на месте бывшей свалки, и с нетерпением жду ответа...

На следующий день, 6 февраля 2012 года, все СМИ мира сообщают о страшном землетрясении на Филиппинах.

С тех пор от нашего маленького отважного жизнерадостного Щелкунчика нет никаких известий.

Где же ты, Лизель?

КАМЕНЬ С ДУШИ, или КАК МЕНЯ УЧИЛИ МУЗЫКЕ

Мои родители были архитекторами. Они проектировали разные здания, но самым интересным и важным своим проектом считали меня. Поэтому неустанно работали над моим всесторонним гармоничным развитием. Особенно старалась мама.

В семь лет я пошла в школу с углубленным изучением иностранного языка. Мама хотела записать меня еще и в музыкальную, но не получилось. На собеседовании какой-то старенький дяденька в черном костюме с галстуком-бабочкой спросил, кем я хочу стать, когда вырасту, и я честно ответила: «Знаменитым клоуном».

Накануне мы всей семьей были в цирке. В антракте папа купил мне красный круглый нос из поролонa. Я его нацепила, начала корчить рожицы, а родители смеялись. Было так весело, что я решила всю жизнь смешить людей, только пока никому об этом не говорила. Музыкальный старичок узнал первым.

– Прямо сразу знаменитым? – засмеялся он.

– Конечно, не сразу, – обиделась я. – Постепенно.

– А музыку любишь? На каком инструменте хочешь играть?

– Ни на каком. Это мама хочет, чтобы я на пианино играла. Для гар... мич... моч... гар-мо-нич-ного развития.

Дедушка улыбнулся и предложил спеть мою любимую песню.

Я задумалась. Может, из мультиков чего? Нет, слишком по-детски. Лучше папину любимую.

Московский BAZAR № 2 (32) 2020 г.

– *Йестедей ол май траблс симд со фар эвэй*, – затынула я, старательно соблюдая артикуляцию, как учил папа. Английским мы с ним начали заниматься, когда мне исполнилось три года, и Битлы нам в этом очень помогли. – *Нау ит лукс ас зоу зей хи ту стей...*

Дедуля удивленно вытаращился на меня. А я испугалась, что не смогу допеть до конца, потому что не помню следующий куплет.

– *О, ай билив ин йестеде-е-ей*, – с чувством пропела я и глубоко вдохнула, растягивая паузу, чтобы вспомнить, как там дальше.

– Ого! – прервал меня дед. – Тебе не музыкой надо заниматься, а иностранными языками. Слуха у тебя совсем нет, зато какое произношение!

– Я занимаюсь. В школе французским, с папой английским.

– А свободное время у тебя есть? Ты играешь?

– В свободное время я рисую. А играть пока еще не умею. Мама сказала, что играть меня здесь научат.

– Бедная девочка, – почему-то загрустил старичок, погладил меня по голове и вышел в коридор, где ждала мама. Там он стал что-то говорить вначале тихо, потом громче, и я расслышала: «Не мучьте ребенка!».

Я стояла в комнате с роялем и думала: плохи мои дела – сейчас старичок расскажет маме про то, как неправильно я пою и про мою мечту стать клоуном, и она, конечно, огорчится. Только зря он кричит. Вряд ли мама передумает. Папа говорит: «Наша мама – как фейерверк: если загорелась, потушить невозможно, надо ждать, когда само погаснет».

Старичок вернулся весь красный и сказал:

– Иди и постарайся убедить родителей, что лучше быть хорошим клоуном, чем плохим музыкантом...

Я не стала рассказывать ему про фейерверк. Кивнула и вежливо попрощалась.

Как я и думала, мама не сдалась. Она решила учить меня музыке дома.

Папа идею поддержал (попробовал бы он не поддержать!), и мама начала искать преподавателя. Заниматься у меня не было никакого желания, но спорить с мамой, и без того сильно расстроенной, тоже не хотелось. Я молчала и надеялась, что как-нибудь «само погаснет».

Не погасло. Через неделю мама радостно сообщила папе:

– У меня камень с души упал! Ада – превосходная пианистка. Она согласилась заниматься с Олей.

Я сидела за своим столом, рисовала сказочного принца и прислушивалась к разговору родителей. Слова мамы меня сильно удивили. При чем тут какой-то камень?

О камнях в почках я слышала: бабушка при мне их с подругами обсуждала, а про камни в душе – никогда. Зато я знала, что душа у человека находится где-то возле сердца – туда бабушка кладет руку, когда говорит: «Как же у меня болит душа за всех за вас!»

Я представила, как из груди моей хрупкой мамы выпадает булыжник. Это, наверное, больно. Бабушку в больницу увезли, когда у нее из почки камень выходил. Но, возможно, если камень не упадет, будет еще хуже. Придется таскать в себе тяжесть... Хорошо, что упал. Но куда потом девался? Наверное, мама подняла его и спрятала. На память. Когда мне выдергивали расшатанные молочные зубы, мама забирала их и складывала в спичечный коробок. Но камень с души наверняка больше зуба, вряд ли в коробке поместится...

Размышляя над судьбой камня без мамы и мамы без камня, я продолжала прислушиваться. Папа возразил неуверенно:

– Если слуха нет, зачем ребенка напрягать и зря деньги тратить?

Мама в ответ произнесла длинную речь о гармоничном развитии человека и неуместной экономии на детях.

Папа молчал.

– К тому же, – добила его мама, – это будут не только полезные, но и благородные расходы! Ада несет тяжкий крест: содержит инвалида на ставку аккомпаниатора. Ты знаешь, сколько стоят лекарства? А она даже подработку на стороне не может взять, потому что не с кем надолго оставить больного ребенка!

Тут мои мысли перескочили с загадочного мамино камня на тяжкий крест неведомой Ады. Я представила своего ровесника – мальчика, конечно, – в инвалидной коляске... Нет, лежащего в постели – одинокого, грустного, всеми оставленного... Глаза защипало от жалости. Вот! Вот где пригодится мой талант клоуна и поролоновый нос. Я буду смешить мальчика после занятий музыкой. Благодаря урокам у бедной пианистки появятся деньги на лекарства, а дружба со мной развеселит инвалида... Мама говорит, хорошее настроение помогает справляться с болезнями. Да! Он выздоровеет и... влюбится в меня!..

В мечтах я уже почти дошла до свадьбы с красивым бледным юношей, но позвала мама:

– Оля! Завтра после работы папа заберет тебя с продленки, и вы поедете к учительнице. Пожалуйста, доченька, старайся. Это надо, в первую очередь, тебе.

Можно было поспорить с таким утверждением, но очень хотелось познакомиться с будущим женихом, и я промолчала.

Дверь нам открыла высокая худая женщина в очках.

– Здравствуйте. Проходите, пожалуйста. Ты Оля? А я Аделаида Прокофьевна.

Папа передал меня учительнице, пообещал вернуться через час и уехал по своим делам.

Я шла за Аделаидой Прокофьевной и вертела головой по сторонам, пытаюсь вычислить, где же лежит больной мальчик. Там кухня, здесь туалет и ванная... Слева закрытая дверь, прямо – открытая. Мы прошли прямо и оказались в большой светлой комнате. У стены стояло черное блестящее пианино.

Я ожидала, что меня сразу посадят за инструмент и покажут, как надо играть, но учительница сама села на крутящийся табурет, а меня усадила на стул рядом и сказала:

– Сегодня у нас вводное занятие. Я расскажу тебе о фортепиано. Ты узнаешь, для чего нужны педали, почему клавиши белые и черные, что такое октава и музыкальный жанр...

Наверное, это был прекрасный рассказ в сопровождении вдохновенной игры, но я мало что услышала и поняла. Мои мысли были там, за закрытой дверью, где страдал мальчик в ожидании встречи со мной. Я понимала, что своим невниманием ставлю под угрозу нашу будущую дружбу и честно пыталась вникать в рассказ Аделаиды, но безуспешно. Наконец появился повод выйти.

– Можно в туалет? – робко проблеяла я.

Учительница в это время представляла мне музыкальный жанр марш. Она яростно била по клавишам и всем телом падала вперед, нажимая ногой на педаль, словно давила злейшего врага. От моего вопроса Аделаида Прокофьевна сбилась и замерла. Сказала: «Конечно. Иди. Полотенце возле умывальника» – и снова начала играть, но уже что-то спокойное, тихое.

Я медленно шла мимо заветной двери. Щеки мои горели, уши превратились в сверхчувствительные локаторы и, кажется, уловили какой-то шорох...

На обратном пути любопытство победило окончательно. Пользуясь тем, что Аделаида Прокофьевна играла, а значит, не видела и не слышала меня, я тихо нажала на ручку. Дверь скрипнула и... распахнулась так внезапно, что я чуть не упала. На пороге стояла некрасивая

Московский BAZAR № 2 (32) 2020 г.

толстая девушка в клетчатом платье. Она испуганно посмотрела на меня и вдруг закричала, нелепо размахивая руками.

Сумасшедшая! В голове калейдоскопом пронеслись ужасики про жестоких убийц – психов и маньяков. Мы с девчонками любили их сочинять и пугать друг друга. Я оцепенела. Выбежала пианистка, взяла меня за плечи, втолкнула обратно в большую комнату, а сама начала успокаивать возбужденную толстуху.

– Ну, что ты, что ты испугалась? – донеслось до меня. – Это Оля, хорошая, добрая девочка...

Дверь закрылась, голоса стихли. Я села на стул и закрыла глаза. В ушах у меня гудело.

– Оля, – прозвучал над головой голос Аделаиды Прокофьевны, – не бойся. Моя дочка больна, но ее болезнь не опасна...

Аделаида начала говорить что-то про генетику и обмен веществ, но раздался звонок, и я понеслась в прихожую навстречу папе...

На улице было тихо, спокойно, а у меня внутри все тряслось.

– Пап, как ты думаешь, мама сильно рассердится, если я откажусь учиться музыке?

– Думаю, не сильно, – ответил папа и внимательно посмотрел мне в глаза. – А ты чего какая-то... не такая? Что-то случилось?

– Ничего не случилось, – пробормотала я. – Просто не хочу, и всё.

Я не смогла рассказать ему о встрече с дочкой пианистки. Почему-то мне было стыдно.

– Никто не будет силой заставлять тебя учиться музыке, – уверенно сказал папа, усаживая меня в машину. – Если хочешь, давай завтра сходим в художественную школу, посмотрим, что там и как.

– Давай, – обрадовалась я.

Дома мама спросила:

– Ну как? Понравилось занятие?

– Нет, – решительно заявила я. – Не понравилось. Завтра мы с папой в художку поедем.

Смотреть, что там и как.

– Ладно, посмотрите, – на удивление легко согласилась мама.

В груди у меня вдруг стало необыкновенно тепло и радостно. Мы с папой переглянулись и засмеялись.

– Вы чего такие довольные? – удивилась мама.

– Камень с души свалился, – сообщила я неожиданно для самой себя.

В тот же день мне расхотелось становиться знаменитым клоуном.

И красный поролоновый нос вскоре тоже куда-то бесследно исчез...

ПРОЗА*Елена Хисматулина**(Екатеринбург)***ПОДОБНОЕ В ПОДОБНОМ (ПО-ПО)**

С трудом нашарив кнопку домофона – первую попавшуюся, в которую уткнулся палец, – Павел вдавил ее и минуту спустя услышал возмущенное бульканье. Чтобы разобрать слова, Павлу стоило бы сосредоточиться, но для этого сейчас не хватало концентрации. Он уловил лишь общий смысл, попытался раскланяться и растечься в извинениях, случайно оторвал палец от кнопки и начал стремительно терять равновесие. Оставалось снова упереться в кнопку, чтобы хоть как-то удержаться на ногах. Куда на этот раз угодил его палец, сказать сложно. Домофон разразился бранью. Павел никак не мог объяснить, что рад бы отстыковаться от кнопки, но его сразу уносит «в космос», и ориентация теряется вовсе. Домофон верещал в попытке объяснить «уроду», чтобы звонил в свою квартиру либо открывал дверь своим ключом. Идея про ключи ранее не приходила Павлу в голову, но показалась забавной. Не отрывая опершийся о кнопку палец, второй рукой он проник в карман длинного, в пол, пальто и действительно нащупал связку ключей. Дотянуться до нее было непросто. Рука сделала нырок внутрь глубочайшего кармана, Павел случайно отлепился от домофона и ввалился в открывшуюся дверь. Истошно орущий на том конце провода сосед, видимо, все-таки впустил «пьяного идиота» в подъезд. Проникновение вышло внезапным. Павла мотануло вперед и вниз, а рука с ключами застряла в кармане, поэтому рулил он по наитию. Пролетев по дуге метра полтора, закидывая к лопаткам удивительно легкие, бегущие сами собой и будто выпрыгивающие из-под тела ноги, Павел закончил движение, больно ударившись плечом о простенок, но уцелел физиономией.

Отдышавшись, съехал на корточках, собирая побелку спиной приличного пальто. Соблазн прикорнуть тут же, не взбираясь на четвертый этаж, конечно, был. Но в алкогольных парах еще пульсировала слабая интеллигентская мысль: «Если б мама...» Что «если»? Если б знала, видела или только догадывалась? Но при воспоминании о маме он медленно поднялся, улыбнулся половиной рта, не удержал клейкую слюну, утерся рукавом и поперся вверх. Болтало его, как шхуну в шторм. Лестничный пролет в плывущем Павловом сознании то опасно приближался, то молниеносно взбегал вверх. В голове его неизвестно откуда вынырнула ленинская фраза «шаг вперед, два шага назад» и прокручивалась, прокручивалась не переставая. Но что-то маршевое и организующее было в ней. Павел зацепился за ритм и добрался до спасительного подоконника.

Увиденное удивило. На подоконнике абсолютно голый сидел Жорка.

– Ну, ты во-още... Экс... экс... ибс... ист... Короче, яс-сна, – Павел приснул смесью пьяной неконтролируемой иронии и внезапно накатившего стыда за чужую неприкрытую наготу.

Он зачем-то закрыл ладонями лицо, но тут же сквозь пальцы выглянул его мутный, заинтересованный, со смешливой искрой глаз. Подглядывая и хихикая, Павел еще что-то силился сформулировать, но, так и не выговорив слово «эксгибиционист», погрозил Жорке

пальцем, увлекся размахиванием, в очередной раз потерял опору и, крутанувшись на пятках, понесся по лестнице выше. Возня с ключами была недолгой. Павел проник в квартиру и рухнул, как только за ним захлопнулась входная дверь.

«Спишь, сволочь? А люди коммунизм строят!» – где-то под животом гнусным голосом упрекнул будильник. На втором «спишь, сволочь» Павел перевернулся на спину, нащупал разбудивший его телефон, открыл недобрый глаз и задушил гадину, нажав отбой. Шесть сорок. Раннее утро встретило разрывающей головной болью и таким сушняком, что, казалось, раскрошившийся язык рассыплется по полу, стоит лишь открыть рот. Причину своего странного расположения – на полу в коридоре, в пальто и ботинках – Павел вспомнил не сразу. Страшно захотелось в туалет. Он подтянул ноги, присел, опершись спиной о комод, стянул грязные ботинки и, как был в пальто, прискокочкой понесся в уборную. Облегчившись, вымыл руки, жадно, словно набегавшаяся дворовая псина, напился воды из-под крана и уныло глянул на себя в зеркало. Мятая серо-зеленая физиономия, волосы, вздыбленные набок, и пальто, которое не могло спасти уже ничто. Сам себе Павел напомнил камбалу. У него как-то все, включая глаза и рот, переехало на левую сторону. А пятнистое (не по природе, а неизвестно чем ухряпанное) пальто довершало образ скособоченной рыбы. Болтанка и шум в голове усиливали ощущение моря, но не прохладного, с бодрящим и отрезвляющим ветром, а тяжелого, давящего всей необъятной массой горько пересоленной воды. Хотелось сдохнуть.

Павел вернулся в коридор, стащил и бросил в угол пальто, побродил по квартире, нашел в холодильнике кефир и выпил залпом. Ни о какой работе не могло быть и речи. Он не в кондиции... Добрел до кровати, плюхнулся и уснул.

Снился Жорка, или, как все звали, его Жора-баба. Блеклый, рано полысевший средних лет мужичонка с бабьим лицом. Он был ленив и мало к чему приспособлен. Единственное, что можно было записать Жорке в актив, – отсутствие всякого неудобства перед демонстрацией своего нагого тела. Жорка скумекал, куда его – тело – выгодно пристроить за умеренную, но стабильную арендную плату, и теперь служил натурщиком в полное свое удовольствие. Приходя в студию, он снимал старый приталенный пиджак с накладными карманами, клетчатую рубашку и носки на подтяжках. Сероватого оттенка белье аккуратно складывал на стуле и, не стесняясь наготы, прохаживался за ширмой взад-вперед, ожидая приглашения на порог искусства.

Студенты усердно трудились, перенося на листы образ Жоры-бабы. Само по себе тело Жоры было не настолько худым, чтобы в деталях прорисовать скрытый под кожей скелет, и не настолько мускулистым, чтобы передать собранность разработанных мышц и тугую сеть сухожилий. Он даже не был толстым или расплывшимся, чтобы округлости позволили придать рисунку гротесковый характер. Жора был лишен углов и выступов – слабые, немужские руки, худые ноги, покатые, женские линии плеч, плоский зад. Удивление вызывала лишь его кожа, выписанная явно не по размеру. Первые глубокие морщины формировались на Жорином лбу, потом стекали каскадом по шее, из-под лопаток складки переходили на бока и стыдливо сбегали под живот к паховой области. Локти и колени тоже были испещрены наплывающими друг на друга морщинами. Жора был дряблым.

Все особенности Жориной конструкции были рисованы-перерисованы студентами начальных курсов архитектурной академии. Главное, что позволяло ему удерживаться в профессии многие годы, – готовность часами оставаться без движения в заданной позе. Согнутый, скрюченный, невероятным образом завернутый, Жора-баба застывал и не менял позы сколь угодно долго. Только глаза и брови его выделяли невероятные штуки – посылали призывные пассы в аудиторию, нагло подмигивали, заигрывали, приглядывались, а то прилипали и бессовестно ощупывали объект. В такие минуты Жора напоминал хамелеона,

притаившегося в ожидании добычи и готового молниеносно выбросить свой метровый липкий язык. Молоденькие студентки испытывали перед Жорой смущение и как на Голгофу шли на занятия по рисунку. Преподаватели, и Павел в том числе, знали за Жорой эти особенности и в душе страшно веселились, наблюдая зардевшихся, залитых пунцовой краской барышень. А Жора, закончив сеанс, разминал затекшую шею, натягивал носочки и пиджачок и становился похожим на скромного бухгалтера. Простой работник в стиле ню.

Чтобы не досматривать дурацкий сон про Жору, Павел пару раз мотнул головой и усилием воли заставил себя открыть глаза. Судя по слепящему солнцу, день был в разгаре – неплохой яркий ноябрьский день.

– Что за дурь снится? Еще я Жору не смотрел в кино, – недовольно буркнул Павел.

И вдруг неожиданное воспоминание о вчерашней ночи явственно всплыло в его мозгу. Голый Жора сидит в подъезде на подоконнике! Да не может быть, чушь! С чего бы Жоре сидеть в подъезде? Павел постарался отбросить глупую мысль, и в этот момент заверещал дверной звонок.

Павел застыл и задержал дыхание, будто кто-то из-за двери мог расслышать его бредовые рассуждения.

– Пашка, открой! – заорал на весь подъезд Гоголь. Павел сразу узнал его могучий картавый рев.

– Открывай! Ты жив там, пьяная морда? Я с аспирином-витаминчиком, как участковая сестра.

Гоголь заржал, и Павел понял, что отлежаться не получится. Гоголь, если уж взялся, своего добьется обязательно. Пока он не вызвал МЧС, надо вылезать.

– Хорошо орать, – Павел широко распахнул дверь, впуская Гоголя в дом.

– Ну ты селезень! – мимоходом глянув на Пашку, хохотнул Гоголь, втаскивая пакет с пивом. – Набрался вчера, как не в себя. Заглоти, поправь сознание.

Как только Пашка увидел пиво, у него внутри вскипел вечерний фуршет и фонтаном рванулся к горлу. Павел влетел в туалет и потом долго приводил себя в себя. К моменту его возвращения на кухне был заварен крепкий чай, на большой плоской тарелке желтел сыр, резала нюх чесночным духом колбаса, а крупные соленые огурцы с укропом вальяжно развалились в миске. Гоголь сидел на подоконнике и, обжигаясь, пил чай из большой эмалированной кружки.

– Присоединяйся, – кинул он небрежно. – Я-то думал, ты, как нормальный мужик, пивом поправишься, и лады. А ты вон оно чо – не в силах совладать с собой?! Ну, тогда чаёк, батенька!

В глазах Гоголя играли озорные чертики. Прихлебывая чай, он прятал улыбку – наблюдать за осунувшимся, бледно-серым Пашкой было забавно.

– Прикинь, у тебя в подъезде сидит...

– Жорка? – неожиданно вскинулся Павел, прервав Гоголя на полуслове. – То есть Жора-баба так и сидит голый в подъезде? Коль, а почему у меня в подъезде? С ночи...

– ...у него хвост... – ошалело закончил Гоголь. Ему показалось, что Пашка прямо на глазах сходит с ума.

– У Жоры? – Павел недоуменно уставился на Гоголя. – Какой хвост, Коль?

– Паша, я сейчас. Я мигом, – Гоголь прыгнул с подоконника и рванул в подъезд.

Снизу послышался кошачий ор и нечеловеческий вопль Гоголя. Через пару минут Колька на вытянутых руках втащил в квартиру совершенно голого морщинистого кота. Сфинкс, как определил его породу Павел, молотил когтистыми лапами в воздухе, стараясь зацепить и разодрать Кольку, и шипел не переставая. Гоголь с вытаращенными глазами выдохнул:

– Куда его?

– На кой черт ты его припер? Выкидывай в подъезд!

В этот момент кот изловчился, прошелся когтями по Колькиному запястью, от вида крови Гоголь растерялся и выпустил зверя из рук. Тот неловко шмякнулся и стремительно унесся вглубь квартиры.

Павел сориентировался первым, потащил Кольку в ванную, достал с полки перекись и обильно полил ему руку. Перекись запузырилась и зашипела, но дело свое сделала – кровь остановила.

– Кто еще кому участковая сестра? – ворчал Пашка, перевязывая Гоголя. – Теперь где его искать? Если он под кроватью, не вытащишь – подерет. Зачем ты его приволок, дурень?

– Так я тебе показать хотел. Он на подоконнике в подъезде сидел.

Пашка не быстро, но сообразил и мелко затрясся:

– Значит, там не Жорка был? А я-то вчера набрался, в подъезд еле попал. Смотрю, сидит. Чистый Жорка! Еще подумал, что он сбрендил совсем. Экс-ги-биционист проклятый.

– Ну, ты, брат, совсем! Жорка, конечно, как ты говоришь, эксгибиционист, но не настолько же, чтоб срамотищу в подъезде демонстрировать.

Не дождавшись от кота добровольной сдачи, Павел взял фонарь, прошарил лучом под мебелью и обнаружил животное под диваном в недружелюбном состоянии.

– Кыс-с-с, кыс-кыс-кыс, – Гоголь, взобравшись с ногами на диван, тряс колбасой, но зверь не велся на хитрость. – Ты давай за шваброй иди, против швабры-то он не поперет, – со знанием дела гоготнул Гоголь.

Павел не возражал. Увидев палку, кот отчаянно зашипел, и складки на его морде угрожающе сбежались ко лбу. Несчастное животное кинулось на швабру с рыком и шипеньем, было изгнано из укрытия и с бешеной скоростью умчалось в темную прихожую. Гоголь выглянул сквозь дверной проем. На полу в углу валялось Пашкино убитое пальто, а сверху на нем распластался оцепеневший от ужаса кот.

– Да ладно, не трогай ты его. Может, он бешеный, – осторожно заметил Гоголь, отходя на безопасное расстояние.

Прошло минут двадцать. Пашка с Гоголем сидели на диване, переговариваясь вполголоса. Из темноты прихожей, не мигая, светили прожекторы кошачьих глаз. Вдруг тишину квартиры взорвал звук дверного звонка.

– Соседи? – предположил Гоголь.

– С чего бы? – удивился Павел и в тот же момент услышал щелчок открываемого замка.

– Мама, это точно мама! Мама! Стой, не входи! – заорал он и метнулся в прихожую.

Анна Михайловна, ничего не подозревая, уже просочилась в квартиру, как вдруг что-то лысое и горячее взлетело на ее плечо. Кто-то мгновенно набросил сверху не то куртку, не то пальто и с усилием отодрал вцепившееся в Анну Михайловну существо вместе с ее фетровой шляпой. В ужасе она дотянулась до выключателя и щелкнула клавишей. Взору ее предстали Николай и Павел, лежащие на раздираемой изнутри куче тряпья.

– Боже мой! Паша! Что происходит?!

– Мама, выходи из-под обстрела. Долго мы его не удержим, – прохрипел Павел.

– Какого обстрела? Ты с ума сошел? – не зная, куда себя деть, Анна Михайловна топталась на месте. Ее будто ватные ноги предательски дрожали, а силы норовили вот-вот оставить. Она продолжала лишь указывать пальцем на пол и беззвучно открывать рот. Слова не пробивались наружу.

В этот момент тюк в руках Павла снова бешено заходил ходуном и сквозь ткань прорезались когти.

– Анна Михайловна, бегите, он сейчас вырвется и раздерет здесь всех! – заорал Гоголь и одернул окровавленную руку. – Вот сатана, достал-таки. Через пальто достал!

Павел не ожидал, что останется один на один со зверем, и на миг ослабил хватку. Кот вырвался и взлетел на вешалку. Только увидев его, Анна Михайловна выдохнула и перекрестилась. Правда, рука ее не остановилась и следом перекрестила Павла, Николая и даже кота. Удивительным образом суета прекратилась, движение остановилось, повисла тишина.

– Мальчики, несите валерьянку.

– Мама, тебе плохо? Сердце?!

– Да не мне, а вон этому финику! Неси валерьянку, скорее. Там на кухне, на полочке. Накапай несколько капель на платок.

Через полчаса нареченный Фиником кот терся щеками о платок прямо на вешалке, пьяно урчал, был расслаблен и мякотел. Анна Михайловна согрела молока, нарезала ломтиками докторскую колбасу и, обернув кота мягким пледом, перенесла его из прихожей на кухню. Кот вел себя с ней не в пример вежливее. Ненадолго приник к блюду с молоком, переключился на колбасу, а поев, уселся около батареи и прикрыл глаза.

– Что же вы животное чуть не уморили? – сетовала Анна Михайловна, обрабатывая йодом расписанных под хохлому Павла и Николая. Оба были тихи и неразговорчивы.

– И куда его теперь? – чувствуя вину, спросил Гоголь. – Надо их с Жоркой, что ли, познакомить.

Через год на выставке современного искусства в Санкт-Петербурге картина Павла Аштаева «Подобное в подобном» произвела фурор. В центре зала на холсте размером два на три, обернувшись через плечо, спиной к зрителю сидели Жорка с Фиником. Оба нагие, в морщинах и складках, наплевавшие на все условности. Жоркин абсолютно живой и бесстыжий взгляд с картины вызывал смущение. Мудрые, слегка прикрытые, будто притушенные глаза Финика располагали к философствованию.

– Подобное в подобном. Так назвал свою работу молодой художник Павел Аштаев. Невозможно представить, каким образом автор, отринув элементы искусственности, не прибегая к инструментарию, свойственному передовым течениям современной живописи, работая в жестком и часто критикуемом жанре гиперреализма, смог сконструировать столь глубокий смысл на простом приеме сравнения подобного! Как удалось изыскать и решиться сопоставить внешне идентичные, но внутренне кардинально отличные друг от друга образы? Невообразимое, я бы сказала, лекальное сходство до полного отражения! Но при визуальном подобию представленные образы – предельные метафизические противоречия. Антиномии. Один образ одухотворен и бесплотен, второй – абсолютно циничен и осязаем. Эта картина стала открытием нашей выставки, – взволнованная девушка-экскурсовод повернулась к картине, но, натолкнувшись на Жоркин взгляд, прервалась на полуслове и залилась краской.

– Да, Пашка, ты все-таки гений! Почти клоны... Сидят абсолютно голые, уродливые, спокойные до наглости, а красота! – Николай неожиданно расчувствовался, чем совершенно растрогал Пашку.

– Ладно тебе, Гоголь. Это ж с твоей легкой руки все. Ты же сказал, что их стоит познакомить.

– Не отрицаю. Глаз у меня острый. Но чтоб так их изобразить... Я б не смог.

Николай еще потоптался рядом, то подходя ближе, то отступая назад. Гоголя – художника Николая Сотникова, не менее талантливого, мыслящего, критичного – Пашкина картина пробрала до мурашек. Он не мог оторвать взгляд. И непонятно, что влекло больше. Тема? –

Какая? Мастерство? – Только ли? Осязаемость, фактурность или проступающий сквозь них смысл? Николай рылся в вопросах, пытаясь самому себе объяснить феномен Пашкиной работы.

– Философы, метафизики... Какой бы философ смог вот так сесть при всех голышом, и смотреть прямо в глаза, не мигая? Ведь он, не прикрытый ничем, изнутри обнаженный... а ни одной пошлой мысли. Уважаю... Мужик, одним словом!

– Кто? – машинально уточнил Павел.

– Ну не Жора же? – гоготнул Гоголь, боднул по-дружески Павла, мигнул глядящему с полотна Жорке, и пошел к выходу.

ТРАМВАЙНЫЙ ГИД

Топорщась целлофаном, вплыл букет, с напыщенной важностью улегся на стол подарочный конверт, безбрежной рекой растекся пафос слов и пожеланий. Пятиминутное снисхождение руководства было обставлено по-купечески помпезно. А когда аромат дорогого одеколona немного выветрился, Евгения Васильевна сложила в пакет старые туфли, попрощалась с коллегами и... вышла на пенсию. Симпатичная моложавая женщина как-то неожиданно и вдруг оставила работу. Многие непонимающе пожимали плечами...

Евгения ушла, никому и ничего не объяснив. Да и надо ли было?..

Раньше благодаря усилиям мамы их квартира благоухала свежестью. Прозрачные, как воздух, оконные стекла манили солнечные лучи, белоснежные скатерти и салфетки горделиво топорщили крахмальные уголки, а шефферы помахивали широко раскрытыми ладонями. Теперь квартира скучала без привычной суеты и грандиозных генеральных уборок. В прошлом остались традиционные банные дни для буйных зеленых насаждений, да и сами насаждения заметно подрастеряли число собратьев. Любимая хозяйка – нет, не Евгения Васильевна, не в обиду ей будет сказано, – Серафима Михайловна, казалось, позабыла о так опекаемом ею доме, а глаза перестали видеть пыль на полках.

Женя всю жизнь прожила рядом с мамой и нисколько этим не тяготилась. С ее помощью воспитала сына, женила, отпустила в самостоятельное плавание и не первый год с надеждой ждала внуков. Надежда приобретала черты тревожности, но не таяла. Сын и невестка молчали, Евгения Васильевна боялась быть нетактичной. Но рядом с мамой тревоги переносились легче. Активная и деятельная Сима Михална, как звали ее соседки, умела смотреть на жизнь позитивно. Глаза ее лучились задорными искорками, планы пыжились оптимизмом, в появлении правнуков она даже не сомневалась.

Шло время. Сима Михална вошла в преклонный возраст. Стала больше уставать и больше времени тратить на отдых, но каждый вечер непременно накрывала ужин, взбивала в пену новости дня и свое отношение к ним, чтобы перед сном во всех подробностях обсудить с Женей актуальные политические течения.

Однажды, вернувшись с работы, Евгения застала маму за странным занятием. Сима Михална, в пальто, шапке и теплых ботах, подметала веником пол на кухне. Абсолютно чистый пол! Окна и балконная дверь были распахнуты настежь и, видимо, давно, потому что ледяной ноябрьский ветер выстудил всю квартиру.

– Мама, что происходит? – Женя в ужасе глянула на скукожившиеся и почерневшие от холода комнатные растения и кинулась закрывать окна.

Московский BAZAR № 2 (32) 2020 г.

– Женечка, просо горит! Ты оставила его, не проветрила, не просушила. Все теперь пропадет! Я целый день шевелю его, пытаюсь охладить, а что толку! – мама смотрела на Женю измученными полными слез глазами.

– Какое просо? – медленно произнесла Женя, стараясь не выдать нахлынувшую волну дикого страха. – Посмотри под ноги, мамочка! Где ты видишь просо? Все чисто, никакого проса нет. Никакого проса.

Женя, словно механическая кукла, продолжала по инерции повторять про чистый пол и просо, а голову уже сдавил спазм и сердце заколотилось, сбивая дыхание. С мамой случилось нечто необъяснимое, что в данную минуту Женя категорически отказывалась анализировать. Она лишь надеялась на рождение в потоке слов простого и будничного объяснения, за которое надо просто ухватиться, как за дельфиний хвост, и всплыть к поверхности. Но беснующаяся внутри нее паника утопающего лишь ярче проявляла очевидное – случилась беда.

Серафима Михайловна, как ребенок, безропотно посмотрела под ноги, выпустила из рук веник и подняла виноватый взгляд:

– Женя, дочка, со мной что-то не то...

– Мамочка, милая, ну что ты придумала? Ты спала, наверное, и тебе приснилось это просо. Я читала. Так бывает, когда спишь очень крепко, а потом приснится ясный и красочный сон со всеми подробностями и деталями. И понять невозможно, во сне ты все еще или наяву, – Женя прижала к себе Серафиму Михайловну и приникла губами к седому виску. Ей хотелось впитать и растворить в себе ее страшную неловкость.

– Спасатель ты мой! Руки холодные, квартиру выморозила, давай я чаю скорее согрею, – Женя, как была в расстегнутом пальто, кинулась к плите и поставила чайник на огонь.

– Женечка, ты, наверное, права. Это сон, – неуверенно произнесла мама. – Я после обеда вздремнула в кресле, да, видимо, заснула слишком крепко. И вот видишь, как. А цветы-то, цветы мои пропали!

Слезы потекли по маминым щекам, а Женя, чувствуя спиной ее отчаяние, не могла повернуться. В горле стоял ком. Она лишь громче стучала посудой, делая вид, что очень занята и не слышит мать.

После случая с просом ничто больше в мамином поведении не вызывало настороженности. Испуг постепенно рассеялся, тяжелые мысли отошли на задний план, дни потекли привычной чередой. Женя ходила на работу, возвращалась к ожидавшему ее горячему ужину, проводила вечера с книгой или у телевизора, но всегда рядом с мамой. Первое время чутко прислушивалась ко всем производимым Серафимой Михайловной звукам: оброненная на кухне вилка, шуршание одежной щетки, шипение пара из утюга.

Мама по-прежнему несла капитанскую вахту на их небольшой шхуне. В будни категорически отвергала Женину помощь. Считала, что дочь и так работает на износ. Женя не противилась, чтобы не обидеть, но в выходные, ссылаясь на потребность размять спину, старалась тщательнее перемыть посуду, пройтись с пылесосом и тряпкой по всем поверхностям и углам, протереть плитусы и двери, о которых Серафима Михайловна теперь частенько забывала.

Очередным мартовским вечером Евгения Васильевна застала дом притихшим и пустым. Пол у порога протерт, влажная тряпка положена на место, а входная дверь закрыта на два замка. Женя заглянула в кастрюльки на плите – все еще теплое. Не решилась ужинать одна, съела яблоко и устроилась в кресле с газетой. Часы на стене тикали так громко и тревожно, что Женя никак не могла сосредоточиться на статье о передвижниках. К девяти вечера, не скрывая волнения, позвонила ближайшим маминым подругам, но с Серафимой Михайловной они сегодня не созванивались и не встречались. Советы успокоиться и подождать немного Женя

пропускала мимо и поспешно завершала разговор. Когда, нервно сглатывая и не справляясь с дрожью в голосе, начала обзванивать больницы, в двери щелкнул замок. На пороге, бледная и растрепанная, стояла Серафима Михайловна.

– Мамочка, что случилось!? Что с тобой? – Женя кинулась к матери и буквально втащила ее в квартиру. – Ты на ногах не стоишь, белая как мел! Тебе плохо, скажи, плохо? Где ты была?

– Я очень устала Женечка, мне бы прилечь... Ходила за грибами в лес, только не нашла ничего. Лидия Егоровна, видимо, что-то перепутала или я ее не поняла.

Женины руки, помогающие матери снять пальто, предательски затряслись, ноги стали ватными.

– Мамочка... какие грибы?.. Март на дворе.

– Март? – обессиленная Серафима Михайловна осела на пуфик, лишь брови независимо от нее чуть поднялись в удивлении.

– Март... Снег еще лежит местами, трава даже не начинала пробиваться, и почки на деревьях не набухли. Темнеет рано, ночами заморозки, – Женя, как школьница на уроке ботаники, последовательно называла известные ей признаки ранней весны, чтобы убедить не то себя, не то Серафиму Михайловну.

Серафима Михайловна слушала и, казалось, только теперь начинала воспринимать мир таким, каким в данный момент его представляла Женя.

– Правда, март... А что же это я? Дмитрий Николаевич с Лидией Егоровной позвонили, сказали, что грибов опять набрали полные корзины. Я еще выпросила, куда они обычно ездят. Сказали, что далеко в лес не заходят. Прямо вдоль железнодорожного полотна собирают, метрах в десяти. Грибов, хвалились, в этом году видимо-невидимо. Вот я и подумала, сбегая быстренько, пока ты на работе. В пакет ножик бросила и на вокзал. Только ходила, ходила, а грибов нет никаких. Хотела домой ехать, а адрес, адрес-то вспомнить не могу. На какую электричку садиться, не знаю.

Женя смотрела на Серафиму Михайловну расширившимися от ужаса глазами. Ее колотило как в лихорадке. Каждая клеточка внутри вибрировала и кричала. Женя опустилась на колени, обхватила мать и заговорила, осторожно расставляя слова:

– Мамочка, фантазерка ты моя. Ну что же ты придумала, милая? Какие грибы? Привиделось тебе невесть что. Дмитрий Николаевич с Лидией Егоровной умерли давно, еще когда мы на старой квартире жили. Сначала Лидия Егоровна, а через два года и Дмитрий Николаевич. Помнишь, ты еще помогала вещи разбирать, а потом мы с тобой их в приют отвезли?

– Помню, – не очень уверенно произнесла Серафима Михайловна. – Ты еще сумку большую полосатую у кого-то попросила, а таксист сердился, что она в багажник не входит.

– Да, моя хорошая, ругался он тогда всю дорогу, – Женя аккуратно, стараясь не испугать маму, взяла из ее рук пакет, помогла снять боты, провела в комнату и уложила на диван.

Следующим утром Евгения Васильевна связалась с другом семьи, терапевтом Вячеславом Николаевичем, и, задыхаясь от волнения, рассказала все.

– Я даже представить себе не могу... Вдруг кто-то остановил бы ее в этом состоянии, или пришла электричка, а она села бы в нее! Несчастливая, растерянная, пожилая женщина бродит по вокзалу с ножом в пакете и в марте ищет грибы. Никто бы разбираться не стал!.. Пришла, едва на ногах держась. Говорит, долго не могла понять, как домой ехать, в какую сторону. Что нам делать, Вячеслав Николаевич?

– Женя, давайте не будем пока отчаиваться. Показать врачу надо непременно. Но, Женечка, вы должны понимать, возраст дает о себе знать. Маме сейчас семьдесят четыре, если не ошибаюсь?

– Семьдесят пять, Вячеслав Николаевич. Семьдесят пять...
 Диагноз врачей был неутешителен...

Провалы в памяти, искаженное восприятие действительности стали происходить чаще. Приезжал сын, пробыл дома почти месяц. Общение с Серафимой Михайловной напоминало игру поплавок на воде. День лучше – день хуже, вниз – вверх, вверх – вниз. То, казалось, она терялась в закоулках памяти и ворохе странных фантазий, а то вдруг бодро вступала в разговор, совершенно ясно отражая, где и с кем рядом находится. Женя проводила сына, убедив, что сама со всем справится. Но, поцеловав его на прощание, вернулась домой с уже принятым решением об увольнении, вернее о выходе на пенсию по старости, которую в пятьдесят пять еще никак с собой не ассоциировала.

Дни потянулись пасмурные и тягучие. Женя с болью наблюдала за Серафимой Михайловной, которой перестал быть интересен телевизор, забылись некогда любимые книги, не вносили оживления ежедневные прогулки вокруг дома. Сима Михална вяло реагировала на обращения соседней, а то и вовсе не узнавала их.

Она все чаще замыкалась в себе. В периоды длительного молчания зрели надуманные ею подозрения и рождались порой эксцентричные выходки. Серафима Михайловна терзала Женю своим непредсказуемым поведением, заставляла все время быть начеку и, как в самолете, убирать колющие и режущие предметы. Но, так или иначе, Женя научилась существовать в новой для них реальности. Не могла лишь привыкнуть к маминым возвращениям.

Это всегда случалось неожиданно. Мамино появление, привычный поцелуй в макушку, разговор по душам, чай вдвоем. После каждого такого «всплытия» Женино сердце разрывалось от отчаяния и бессилия. Ее прежняя, бесконечно любимая, бесконечно дорогая мама жила теперь где-то в пучинах бытия, за плотно закрытыми дверями, в неведомом мире. Она не оставила ни контактов, ни ключей, не писала писем. Оставалось только преданным псом ждать ее возвращения у порога и надеяться, что однажды, вернувшись, она сможет задержаться чуть дольше.

– Женечка, а мы что-то давно не ездили никуда на трамвае, – Серафима Михайловна просящее и с надеждой смотрела на дочь.

– Ты хочешь поехать куда-то на трамвае, мамочка? Давай поедem. Куда?

– Я не знаю, Женечка. Все равно. Я просто очень хочу поехать куда-нибудь на трамвае.

Женя положила в сумку бутылку воды, пару бананов, помогла Серафиме Михайловне одеться, и вместе они выдвинулись к остановке. Женя еще дома подумала, что стоит проехаться двадцать шестым маршрутом, который в это время идет почти пустым.

Ждать долго не пришлось. Двухвагонный чистенький и умытый трамвай распахнул двери, задребезжал звонком для острастки и покати по зеленеющему свежей листвой Екатеринбург.

Серафима Михайловна, устроившись у окна, с удовольствием и интересом разглядывала пробегающие мимо дома и улицы.

– Знаешь, Женечка, а Окружной дом офицеров закончили строить в 1941 году. Строили почти десять лет, – вдруг произнесла Серафима Михайловна, когда трамвай поравнялся с Домом офицеров на пересечении улиц Луначарского и Первомайской.

И продолжила, не дождавшись ответа:

– Сначала проектировали в стиле конструктивизма – никаких колонн, трехъярусных башенок со шпилями, лепнины. Ничего этого не должно было быть. Да и предназначалось здание вовсе не военным. Начали строить, сделали фундамент, возвели нижний этаж, но деньги закончились и стройка на несколько лет остановилась. А в это время по городу, будто неприкаянный, кочевал Дом Красной армии. Одно время располагался в театре «Колизей». Потом переехал в здание театрального института. Это бывший дом Баландина. Знаешь? На

перекрестке Карла Либкнехта и Первомайской. Квартировал даже на территории Ново-Тихвинского монастыря. А потом военные вдруг вспомнили про недостроенный клуб и объявили конкурс среди архитекторов. Выиграл его Владимир Емельянов, совсем, кстати, не жаловавший конструктивизм. А ты знаешь, что Емельянов чуть позже спроектировал и ротонду в Харитоновском парке?

– Ротонду? – удивилась Женя. Она вообще едва дышала, боясь прервать мамин монолог. – А я думала, ее построили вместе со всей усадьбой Харитоновых.

– Нет-нет-нет. Парк был разбит еще в 1826 году, с искусственным озером и двумя островками в центре. Но никаких сооружений на них не было. И только в 1935–1937 годах при реконструкции возвели беседку-ротонду. Когда-то очень давно в центре ротонды даже работал фонтан. Но сейчас, к сожалению, об этом уже никто не вспоминает.

– Надо же! Мама, я правда никогда даже не задумывалась о том, что ротонду построили на сто лет позже! А смотрится-то так, будто парк никогда и не существовал без нее.

– В этом и дело. Емельянов продумывал свои объекты так, чтобы они деликатно вписывались в ансамбль города. Но здание Дома офицеров – нечто особенное. Время, конечно, способствовало. Тогда на смену конструктивизму, с его очищением духа до уровня аскетизма, пришла архитектура, демонстрировавшая богатство и благосостояние. Ампиры и неоклассицизм. Вспомни станции московского метро или высотки. Пусть уже послевоенных лет, но все-таки.

– Ну, это Москва! Что сравнивать?

– Не скажи. Дом офицеров почти того же класса. Он будто крупный, неброский с виду, покрытый шершавой, неровной плотной кожей граната. Раскрой плод. Какая четкая организация внутри, какая ювелирная огранка сочных, налитых терпким красным вином зерен, какая живая аккумулятивная энергия солнца и воды! Такой же секрет скрывает в себе здание Емельянова – строгий внешний профиль, монументальный крепкий остов, сдержанность и военная выправка линий, серая штукатурка, будто накинутая на плечи офицерская шинель. А внутри... Темный гранат пятиконечных звезд, пурпур знамен, благородная бронзовая отделка с притушенным отсветом, широкие, будто для конницы, лестничные пролеты, красивейшая дуга фойе перед зрительным залом, картины-панно на стенах. Есть поистине редкие. Сталин на коне, например. Где сейчас встретишь подобное? А помещения какие! Скользящие выставочные залы-коридоры, словно облаченный в генеральский мундир большой зрительный, светлый, с прекрасной росписью потолка малый, играющий лестницами читальный, охраняемый эскортом колонн голубой, напоминающий блиндаж бильярдный. Все от раскинувшего острые лучи плафона большого зала, от стилизованных капителей колонн до потрясающих торшеров в виде земного шара выполнено в едином стиле. Я знаю не много зданий, которые так надолго сохранили бы свой неповторимый дух и атмосферу.

– Ой, я же свою остановку проехала! – вдруг вскрикнула сидящая неподалеку женщина. – Вы так рассказываете – заслушаешься! Я сколько живу в городе, никогда и не слышала подобного. Вы, наверное, гид?

– Нет, я не гид, – улыбнулась Серафима Михайловна. – Я, скорее, уходящая натура...

– Побольше бы городу таких гидов! К нам иностранцы бы, как в Петербург, ездить стали! – не унималась активная пассажирка. – С удовольствием бы еще послушала, да, извините, выходить надо.

Прозевавшая свою остановку женщина поспешила к выходу, но кое-кто в салоне, заинтересовавшись рассказом, продолжил расспрашивать Серафиму Михайловну о городе. Женя, извиняясь и раскланиваясь, вывела маму из трамвая при первой же возможности. Ее силы почти иссякли. Женя улавливала теперь эти моменты безошибочно.

На скамейке остановочного комплекса они съели по банану, выпили воды и, пересев, двинулись в обратный путь. Вечером мама немного чудила, но спала спокойно и крепко.

– Женечка, если, как вы говорите, в поездках на трамвае она чувствует себя неплохо, все, что рассказывает, помнит великолепно и говорит ясно, что вас беспокоит? – Вячеслав Николаевич пристально смотрел в глаза Евгении Васильевне.

– Дома она практически перестала быть самой собой. Мне все сложнее объяснять ей элементарные вещи. Забывает вчерашнее, но вдруг вспоминает что-то из далекого детства или вообще то, чего не было и быть не могло. Только в трамвае совсем ненадолго и далеко не всякий раз она становится прежней – много знающей, много помнящей, прекрасно излагающей... Моей мамой, – Женя подняла вверх увлажнившиеся при упоминании о матери глаза.

– Что ж поделаешь, Женечка. Хотя бы так, таким странным и непостижимым способом вам удастся удерживать ее хрупкое сознание на грани разумного. Поверьте, это уникальный случай! Умнейшая, прекраснейшая Серафима Михайловна! Но возраст... Никто из нас ни от чего не застрахован.

– Уходящая натура...

– Что?

– Нет, ничего, Вячеслав Николаевич, – Женя поднялась. – Спасибо, мне пора. Нам сегодня снова в рейс, если получится...

Евгения Васильевна вышла и тихо притворила за собой дверь.

Вячеслав Николаевич с сожалением проводил ее взглядом. Они оба понимали отсутствие перспектив. Но с одной стороны закрытой двери Вячеслав Николаевич вздохнул о своем уже далеко не молодом возрасте и закинул таблетку под язык, а Женя за дверью только глянула на часы и торопливо спустилась по лестнице.

Она спешила домой к маме, к своим обязанностям, к своей не очень теперь простой жизни. Но пока были эти незамысловатые поездки, пока ее мама, ее дорогой трамвайный гид находил в себе силы и желание путешествовать, Женя складывала в сумку бутылку воды и пару бананов. В вечной триаде – вера, надежда, любовь – она четко выделила для себя лидера. Вера в чудо и надежда на лучшее поникли и бесследно растворились. Не оставила только любовь. Ничему не сопротивляющаяся и ничего не доказывающая. Просто любовь, покидающая последней...

СЕРЫЕ КРЫШИ ПАРИЖА

Плоская глянцевая пуговица легко проскользнула сквозь петлю, обманула державшие ее пальцы и сбежала на пол, обескуражив своим маневром опаздывающего в аэропорт Андрея. Искать пуговицу не было времени, поэтому он сбросил пальто, натянул куртку, хмуро глянул в зеркало – шпана, захлопнул дверь и выскочил из подъезда к ожидавшему такси. Настроение испортилось.

На улице было сыро и промозгло. Падал тяжелый, пропитанный влагой, серый холодный снег. Андрей, не глядя под ноги, добежал до машины, закинул на заднее сиденье сумку, нырнул в салон и выдохнул: «Выручай, опаздываю». Машину повело со старта по скользкой, размокшей дороге, но, свернув на проспект, колеса вспомнили привычную работу и резво погнались в порт.

«Марк Шнейдер был маркшейдер, тогда была зима...» – фраза почему-то засела и рефреном крутилась в голове на протяжении всего полета. Андрей устал от нее больше, чем от перелета и сухого неприветливого обслуживания нидерландских бортпроводниц. Когда табло наконец ожило и безапелляционно потребовало пристегнуть ремни, Андрей безропотно щелкнул застегжкой. Он мечтал, чтобы шасси скорее коснулось земли, чтобы пограничники без проволочек шлепнули штамп прибытия, а улыбчивый монстр Схипхол¹ остался позади. Андрей рассчитывал за час-полтора добраться до отеля, смыть с себя дорожную пыль (хм, он, как перелетный гусь, весь день провел в воздухе, а пыль дорожная?) и заснуть на все имеющиеся в его распоряжении семь часов. Только бы этого Марка Шнейдера «уложить» сперва.

На ресепшн молодой подтянутый парень профессионально лаконично выдал необходимую информацию, Андрей вымученно-благодарно улыбнулся в ответ и вскоре, мокрый и чистый после душа, заснул на краешке шикарной двуспальной кровати. «Не дополз», – пошутил бы Андрей, если бы на это оставались силы.

Как Штирлиц, с той лишь разницей, что спал гораздо дольше отведенных двадцати минут, в назначенное время Андрей проснулся в неплохом настроении, выпил воды и, глядя на пробуждающийся канал, набрал номер Юрки. После третьего звонка трубка ответила хрипловатым смешком: «Ну что, приятель, пройдемся по программе или сразу на Огородную? Привет, Николаич, как добрался?»

Здесь следует сделать ремарку. Шутка про Огородную² имела давнюю историю. Когда много лет назад два молодых талантливых музыканта Юрий Штиль и Андрей Климов впервые были выдвинуты на международный фестиваль, один из выпускавших чиновников наставительно, и будто заранее подозревая молодых людей в худших помыслах, заявил: «Проявляйте, товарищи, бдительность. Знайте, что Вармус-страт, это вам не Огородная улица, как дословно переводят ее незнающему человеку. Это не что иное как «квартал красных фонарей» со всеми вытекающими последствиями. Так что передвижение по программе, товарищи, строго по программе!»

Программа была неизменна, как всегда. Юрий Штиль и Андрей Климов, несмотря на насыщенную гастрольную жизнь, на плотные рабочие графики, на обязательства и планы, которые, казалось, рождались и строились сами собой, научились выкраивать пару-тройку

¹ Амстердамский аэропорт.

² По-голландски *Warmoesstraat*.

суток, исчезать из эфира, покидать зону доступа и растворяться в городах и странах. Украденные дни они, словно заядлые кутилы, спускали дочиста – праздно шатались по извилистым улицам, забредали в старые таверны, предавались долгим трапезам с крепким терпким вином, погружались в нескончаемые разговоры, яростно спорили, перебивая и не соглашаясь, или, наоборот, объединялись во мнениях и взглядах. Под утро, уставшие и хмельные, знали друг о друге и о себе нечто главное, что определяло их мироощущение. В их специфическом мире пространство дышало и перекликалось звуками, окружение отзывалось эхом или замолкало, затерявшись в нескончаемых паузах, время отсчитывалось удами метронома, пробуждение чувств развивалось крещендо – нарастанием звучности, а прощание диминуэндо – постепенно ослабляло и ослабляло звучание до наступления едва шуршащей бестелесной немоты.

После этих нескольких дней полного безделья Юрка и Андрей разъезжались каждый по своим делам, выныривали в обитаемое пространство, возвращались в сеть, принимали звонки и сообщения, репетировали, работали, искали и находили, отчаивались и преодолевали. И для всего этого хватало заряда нескольких вырванных из общего контекста дней, в течение которых Юрка и Андрей проходили придуманный ими обряд очищения.

Нынче местом встречи был избран Амстердам. Андрей прямо из Питера прилетел в хорошо знакомый город, где когда-то имел честь работать в составе лучшего симфонического оркестра Консертгебау и по настоящее время сохранял с ним тесные связи. Юрий же прибыл из Берлина, которому в качестве дирижера немецкого камерного оркестра посвятил два последних года. Амстердам встретил обычной моросью, постукиванием вышедших на пенсию барж-трудяг об обнаженные ребра каналов, легкими полупоклонами домов-астеников в нарядных треуголках, шуршащими шинами вездесущих велосипедов. Штиль уже минут пять переминался под зонтом, когда Андрей подхватил его и впихнул в подошедший трамвай. Обнялись уже в салоне, чем нисколько не смутили пассажиров – Амстердам.

Дождь зарядил всерьез. В кафе к середине дня прибыло страждущих обсохнуть и согреться. Юрка и Андрей сидели в глубине зала, немного осоловевшие от съеденного. Выпить еще кофе – и стоило бы пройтись, но бродить по мокрым зябким улицам не хотелось. Андрей бросил взгляд на часы, подозвал официанта и быстро расплатился. Юрий неспешно, без энтузиазма надел пальто, потянулся было за зонтом, но Андрей, размахивая им, уже шагал к выходу. Едва закрыв дверь, скомандовал:

– Давай быстрее, мы еще успеваем на поезд в Париж.

– Зачем в Париж? – опешил Юрка.

– Греться.

Через несколько часов Юрий с Андреем спустились на перрон Северного вокзала. Взъерошенный ветром Париж солнечно улыбался. Юрка довольно защурился – после нахохлившегося промокшего Амстердама рыжий от солнечных бликов и сильно картавый Париж казался шаловливым и забавным. Толпа прибывших подхватила, вынесла к турникетам и наконец выплеснула друзей на привокзальную площадь. Андрей только приветственно махнул знаменитой восьмерке статуй на фасаде. Лондон, Вена, Брюссель, Варшава, Амстердам, Франкфурт, Берлин и Кёльн, не склонные к фамильярности, едва кивнули в ответ, но точно узнали.

Андрей любил Париж, чувствовал его характер, с удовольствием окунался в суету и многоголосье улиц. Париж удивительным образом наполнял его молодостью, позволяя забывать о своем происхождении и чувствовать себя органично в калейдоскопе раскосых миндалевидных или ярких блестяще-смородиновых глаз, в окружении фиолетово-сливовых или оливковых оттенков кожи, в живости непослушных огненно-рыжих кудрей или светлых,

струящихся шелком волос. Оказавшись в водовороте города, Андрей уверенными широкими шагами устремился по одному ему ведомому маршруту. Петляя и маневрируя, Юрка с Андреем добрались до станции метро, увидели изготовившийся к отправке поезд и практически ворвались в вагон. Через несколько станций вынырнули на поверхность, и Андрей, откинув назад голову, снова, как землемер, помчался вдоль улиц. Юрий едва поспевал за ним, с трудом уворачиваясь от встречного потока, отставая и почти теряя Андрея в толпе.

Только увидев впереди заметный подъем и лестницу, ведущую в небо, Юрий понял, что целью их стремительного движения был Монмартр. Как только подошвы почувствовали неровную дорогу, как только на стенах зашелестели потрепанные афиши, а поднимающаяся из-под ног пыль засвербила в носу, Андрей сбавил скорость – они добрались до сердца Парижа.

Наверху гомонил рой экзальтированных туристов и свободных художников. Бешеное смешение стилей, буйство красок, разнообразие изобразительных приемов – все было брошено под ноги великому городу, который своим запоминающимся ликом щедро и без особого разбора кормил талантливых художников наряду с начинающими рисовальщиками и фасадными малярами. Требовалось приложить немало усилий, чтобы продраться сквозь это сборище гениев и уличных мазил и увидеть наконец величественную, строгую, лишенную цвета, но наполненную светом базилику Сакре-Кёр. Только на вершине холма, обретя ровность дыхания, Андрей развернул Юрку лицом к открывающемуся внизу Парижу:

– Вот они, мои серые крыши!

Юрий, тоже не раз бывавший во Франции и, пожалуй, неплохо знавший Париж, задохнулся от красоты увиденного. Действительно не было ничего прекраснее этих бесчисленных седых крыш, простиравшихся до самого горизонта.

Широко раскинув руки, Андрей направился к зеленому склону, наполненному разнообразным людом – туристами, влюбленными, мелкими мошенниками, жонглерами и простыми парижанами. Здесь всем было место, каждому находился клочок своего Монмартра.

Юрка в дорогом демисезонном пальто растерянно огляделся, ища, куда бы сесть. Андрей тут же стянул с себя куртку, бросил на траву, сел сам и кивком пригласил Юрку. Тот не стал возражать, сел, спина к спине. Друзья надолго замолчали, задумавшись каждый о своем. Это было великое молчание, первое столь долгое молчание за всю их тридцатилетнюю дружбу.

А потом слух вновь начал улавливать звуки, приятную гортанную речь, легкий смех, характерную мелодию аккордеона где-то в глубине узких сбегających вниз улочек. Юрка поднялся, отряхнул полы пальто. Андрей, поевшись, надел куртку, застегнул молнию до самого подбородка, и они неспешно двинулись обратно в привычную городскую жизнь. В первом же попавшемся кафе с открытой террасой заказали рататуй, тарелку с морепродуктами, сыр, багет с кунжутом, пару бутылок вина и обжигающий ароматный кофе. Не евши, не пивши практически целый день, жадно накупились на еду, торопясь и обжигая небо. Немудреная пища оказалась необыкновенно вкусной.

Насытившись, Юрка спросил у официанта сигарету, чиркнул зажигалкой, с наслаждением затянулся. За долгие годы дружбы Андрей всего несколько раз наблюдал курящего Юрку. Это было забавное зрелище. Он держал сигарету аккуратно меж двух вытянутых пальцев, выпускал дым ровными округлыми облачками, безымянным – легкими мелкими постукиваниями – стряхивал пепел, и лишь в самом конце ухватывал ее крепко, по-мужски, глубоко затягивался, с нажимом тушил короткий окурочек и забывал о курении, казалось, на годы. Капля никотина творила с Юркой чудеса, редко удававшиеся алкоголю. Он раскрывался в своем истинном обличье неисправимого интеллигента. Ни его хриловатый голос, ни простоватая физиономия, ни нормальный, здоровый, иногда грубоватый юмор не портили впечатления. После выкуренной сигареты Юрка расслаблялся, становился мягким и податливым, словно теплый

расплавленный сыр, ранимым, как мидия в растворенной раковине, чувствительным, как беременная семиклассница.

Андрей с удивлением наблюдал происходившие в Юрке перемены, так как знал его и другим. Чтобы понять что-то о Юрке, его надо было наблюдать на репетициях, где тяжелым, до пота, трудом, сосредоточенностью и концентрированностью на каждой ноте, придирчивостью к движению каждого смычка он создавал нечто большее, чем музыку. Кончик его дирижерской палочки, как скальпель, не дрогнув, отсекал все лишнее, отягощающее, связывающее и сдерживающее природу музыкального произведения. Юрка изматывал своих музыкантов, педантично прорабатывал каждый такт, мог дурить и серьезно обижаться на коллег, когда кто-то, по его мнению, не был достаточно настроен на работу. Юрка становился абсолютным тираном в отношении себя и близких, когда кто-то позволял себе глупостями или малозначащими вопросами (а к этим понятиям относилось практически все, помимо музыки) отвлекать его от главного дела жизни. И только необыкновенное качество звучания его оркестра, потрясающее единение звука, проявление синергизма, дающего неповторимое ощущение растворения в музыке, становились наградой за долгие и мучительные часы поиска, оправдывали нетерпимость, раздражительность и гнев, искупали грех перфекционизма.

Стемнело, зажглись фонари, громче зазвучала живая музыка. Андрей и Юрка перебрались внутрь кафе. Расположившаяся за соседним большим столом компания молодых французов громко обсуждала что-то, то взрываясь безудержным смехом, то вразнобой гомоня и перебивая друг друга. От их гассирования было щекотно всему телу, а от шума взрывались барабанные перепонки. В какой-то момент настроение компании изменилось, в воздухе заискрило раздражение, высказывания стали отрывистыми и нервными, выяснение отношений перешло в басовый регистр. В бешеном порыве эмоций два крепких парня вскочили с мест, с грохотом полетели на пол стулья, официант с подносом споро ретировался из зала, музыка смолкла, а посетители за столиками вжались в кресла.

Андрей посмотрел на отравленного никотином, минуту назад размягченного и сострадавшего всему человечеству Юрку, увидел его изменившееся, немного растерянное лицо и уловил намерение совершенно безоружным прийти на помощь. Понимая, что молодые французы в запале просто накостыляют Юрке, Андрей вскочил, резко развернулся и... наткнулся на страдающий, наполненный слезами девичий взгляд. Симпатичная девушка с большими, чайного цвета глазами, с мягкими и нежными чертами лица, с чуть закушенной нижней губой готова была расплакаться, но изо всех сил старалась сдержать рыдания.

Андрей быстро оценил обстановку. За столом помимо плачущей девушки было несколько парней и девиц. Сильные, дерзкие, возбужденные, они что-то продолжали выяснять. Мулат, с выкатившимися от гнева глазами, одной рукой через стол схватил за ворот и практически выдернул на себя белого парня. Тот не остался в долгу, резким отработанным движением ударил мулата в переносицу. Хлестанула кровь. Оба сцепившихся и рычащих парня стали заваливаться набок, и Андрей едва успел выхватить из-под падающих тел хрупкую девчонку.

В этот момент произошло нечто странное. В кафе громко заиграло фортепьяно. Причем своим профессиональным слухом Андрей сразу уловил, что играет музыкант, а не то слабое его подобие, чьи потуги разнообразить досуг Андрей вынужден был терпеть весь вечер. Разрывающие воздух мощные звуки на миг остановили вокруг все действие. Даже намертво сцепившиеся парни, казалось, медленно и плавно завершили падение. Минуты общей обескураженности хватило, чтобы мулат ослабил хватку, и две испуганные брюнетки оттащили в сторону своего друга. А парень в разорванной рубашке не успел удержать своего обидчика.

За инструментом восседал Юрка, его руки уже вытворяли что-то бесподобное на клавиатуре, но глаза были по-прежнему напряжены. Андрей видел, что сумев разрядить для

Московский BAZAR № 2 (32) 2020 г.

всех обстановку, сам Юрка только хлебнул адреналина, и теперь ни о какой его расслабленности не было речи. Еще момент, и Юрка отчаянно кинулся бы в драку.

Андрей ухмыльнулся, узнавая характер друга, отпустил девушку, которую машинально прижал к себе да так и держал в руках, подошел к музыкантам и, не спрашивая, взял у горе-скрипача инструмент.

Скрипка была не новой, маленькой и слишком женской для сильных пальцев Андрея, привыкшего к альту. Смычок также не давал ему ощущения силы и необходимого веса, позволяющего извлечь глубокое звучание альта, его мужской низкий тембр, его уверенность и мощь. Как мужчине не дано права на слезы, так альт Андрея не позволял себе рыданий, но это не значило, что душа его не испытывала страданий, а чувственность была сдержанной. Наоборот, в руках Андрея инструмент передавал столько эмоций, столько скрытых, рвущихся наружу порывов, что в этой паре – музыкант и альт, – казалось, исполнитель силой вынужден был удерживать смычок.

Андрей заиграл, скрипка податливо застонала, запела, завибрировала на высоких нотах, натянула и обнажила нервы. Звуки то разливались спокойной ровной рекой, то разгонялись стремительным потоком, то переплетались легкими струями и роняли россыпь брызг, а то гейзером взметались ввысь, радуясь свободе. Мелодия скрипки, подхваченная и обрамленная фортепианным сопровождением, наполнила пространство. Музыка разрядила пронизанный электричеством воздух, излечила, как умелый лекарь, очистила, как духовный наставник, вытеснила все собой.

Кафе незаметно наполнилось людьми. Когда его стены уже не могли вместить всех желающих, официанты, бесшумно перемещаясь, открыли окна. Люди заполнили террасу, останавливаясь и слушая концерт прямо с улицы. А Андрей и Юрка не видели ничего вокруг. Они творили, импровизировали, возвращались к классике, снова исчезали в глубины им одним ведомого мира звуков. Слушатели перешептывались в сомнениях, боясь признаться, что узнают этих русских. И действительно, возможно ли было поверить, что в заштатном парижском кафе поздним вечером просто так, без конферансье и фраков, без оркестра и софитов, на посредственных старых инструментах, играют два музыканта мирового уровня. Если бы кто-то знал, как тосковал сейчас Андрей по своему альту, как не хватало ему мощи инструмента, чтобы выразить все то, что лавиной хлынуло из сознания, что прорвалось из глубины души, с чем он едва мог справиться и что так поразило его самого как музыканта. Андрей впервые почувствовал бескрайность своих возможностей. Никакие часто высказываемые в его адрес хвалебные речи, никакие восторженные статьи, никакие почести и награды – ничто не могло сравниться с этим новым осознанием внутренней силы.

Андрей сыграл последнюю ноту, под руками Юрки затихло фортепиано, пауза растягивалась, как надуваемый воздушный шар, и вдруг толпа взорвалась аплодисментами и криками. Овация длилась и длилась, смущенные Юрка и Андрей отвечали сдержанными поклонами. Девочка с чайными глазами подошла к Андрею, приникла, уткнулась головой в его плечо. Он чувствовал сквозь рубашку горячие слезы потрясения, нежности и благодарности. Андрей обнял худенькие плечи и еще долго гладил ее теплые волосы.

Город вот-вот готов был проснуться. Пробудившись, привычным ароматом утреннего кофе он, как обычно, поприветствует свою неувядающую «Старую Даму», заворкует на своем неповторимом языке, застучит ножницами железного метро, бескомпромиссно разрезающего на части его улицы, наполнится разноязычем многоголосой толпы и, может быть, невзначай вспомнит двух странных русских, что-то особенное понимающих в музыке. Во всяком случае, стоило бы об этом не забывать.

Московский BAZAR № 2 (32) 2020 г.

А пока Андрей и Юрка, упершись спинами, снова сидели подле Сакре-Кёр, пили красное вино из бутылки и снова молчали. Все, что они должны были сказать друг другу в этот раз, не было произнесено, но было сказано. Оставалось только дожидаться, когда сквозь горизонт пробьются первые лучи и осветят сотни серых крыш.

Л. Попова. Кубический городской пейзаж. Холст, масло. 1914 г.

ПРОЗА

Наталья Козаченко
(Москва)

ЖУРАВЛИ И СИНИЦЫ

Десять лет назад я не задумывался о жизни, о ее подводных течениях, о том, что движет человеком. Было мне тринадцать, когда наступил момент первого осознанного выбора.

Жарким августовским днем я тащился вслед за родителями к пристани, нес небольшой, но неудобный чемоданчик, перехватывая его то левой, то правой рукой. Он не был тяжелым: основное недель раньше переправили в другой город. В город, куда я с отцом нынче провожал мать.

До пристани всего ничего, минут пятнадцать небыстрого хода, но сегодня за полчаса осилили лишь половину пути. Обыкновенно тормозила всех отцовская негнущаяся нога: фронтное ранение. Сегодня не торопилась мать, отец же как будто подталкивал, тянул за руку, по шее его текли капли пота, мокрые короткие волосы вспыхивали вдруг под солнечными лучами. Почему-то я видел все как в лупу: выпукло и подробно. Вот мать привычно убрала за ухо прядь волос, повернула голову к синему нашему кинотеатру «Волна», остановилась и стала разглядывать, как будто обнаружила впервые резные наличники окон и ждала, что одна из дверей распахнется со скрипом. Дверь чуть дрогнула – я это видеть не мог, но почему-то видел – словно раздумывала, а потом и правда приоткрылась немного и сразу с едва слышимым щелчком захлопнулась. Мать задержала дыхание, скулы ее побелели, а глаза затянула влажная, почти непрозрачная пленка.

Дошли наконец до лестницы, ведущей к пристани. Отцу по ней трудно спускаться. Можно было идти другой, длинной дорогой, без всяких лестниц. Он выбрал короткий путь. Я его понимал: нельзя рубить хвост собаке по кусочкам.

– Ленька, – попросил отец, – подожди мамку внизу.

– Не беги сломя голову, – добавила мать и взяла отца за руку.

Не стал спорить, спустился, не оглядываясь, мне их нежности противны до зубовного скрежета. Она нас с отцом предала, сбежала! Обо мне никто не вспомнил, даже не спросили, хочу я остаться здесь или поехать с ней. Слово меня нет. Слово главное – их чертова, чертова любовь!

Я смотрел, как мать спускается по лестнице: светлое платье в глупый мелкий цветочек, волосы на голове валиком, ямочки на щеках. Высокая, выше отца на полголовы, и всегда туфли на каблуках. Чтобы разница казалась еще больше? Для чего? Все, что раньше проходило мимо моего внимания, лезло сегодня в душу, собиралось в плотный, не дававший дыхнуть ком, отдавалось в сердце тупой болью.

– Не злись, злость уничтожает человека, – мать подошла, встала рядом, взъерошила мои волосы, – когда-нибудь ты поймешь нас с отцом. Не сейчас, теперь в тебе только обида, ее нужно перетерпеть. Сможешь?

– Не знаю, – пробормотал я нехотя. Может быть, она права?

– В конце концов, я не на северный полюс уезжаю. Два года – не вечность.

– Это надо обязательно? Ну, уезжать обязательно? – я готов был откусить себе язык: не удержался. – Ладно, чего теперь.

Объявили посадку. Мы одновременно взглянули вверх: пусто. Засуетились тетки с перекинутыми через плечо узлами и сумками. Мать прошла последней, обернулась: не меня искали ее глаза. Теплоходик гуднул, зашумела выталкиваемая водометом вода, судно развернулось, проплыли перед глазами большие буквы «Заря». Волны плеснули в деревянные доски, солнечный луч выглянул из-за набежавшей тучки, тысячи мелких осколков колыхнулись, словно расколосось большое зеркало. Глазам стало больно от нестерпимо ярких бликов. Пахло яблоками: вчера был Яблочный спас и в садах ветки почти касались земли под тяжестью спелых плодов. Вчера оставалась надежда, что все еще поправимо. А сегодня мать уехала и вернуть ничего невозможно, как невозможно собрать тысячу осколков в целое зеркало.

День все не кончался, солнце как приклеенное висело в небе. Я сидел на бревне возле реки и не мог заставить себя сдвинуться с места. Думал. Они любили друг друга, отец и мать, и у меня не возникало мысли, что когда-нибудь они разбегутся. Значит, где-то я неправильно понимал, но найти изъян в рассуждениях не мог. Не мог, и все тут!

...Окна в доме были темны. Дважды привычно скрипнула дверь. Тихо. Словно покойника вынесли, пронеслась в голове нелепая мысль.

– Ну что, Ленька, надумал чего иль нет? – голос раздался из кухни.

– Батя, ты чего в потемках?

Щелкнул выключателем. Отец сидел за пустым столом, и по всему выходило, что не вставал с той самой минуты, как вернулся с пристани.

– А чего мне думать? Вы за меня решили всё, и где жить, и сколько, – нарочно грубил, лезла из меня ненужная детская злость, почти ненависть к отцу.

– Не отпустило, значит. Обидки нянчишь... Ладно, раз своим умом не богат... Я скажу, а ты думай, прежде того чтобы выводы делать и итоги подводить. Да собери чего-нибудь, повечеряем.

Я достал сваренную матерью утром картошку, поставил миску с малосольными огурцами, нарезал сала и хлеба, достал из шкафчика бутылку водки, налил полную стопку и, подумав, плеснул на дно второй. Отец хмыкнул, но промолчал. Тикали часы на стене, пару раз по окнам мазнуло светом и раздавался мотоциклетный треск. Задавать вопросы не стал, знал, что услышу и про работу завучем и про материного брата, которому нужна помощь. Ерунда все. Отмазки. Помощь родне, конечно, дело правильное, но все мы знали, что она уезжает навсегда. Знали и молчали. Это бесило больше всего.

– Выхода всегда два, Леонид. Только два, – сказал отец и быстро, за один глоток, опустошил свою стопку. Рука его чуть дрогнула, и тонкая струйка протекла на подбородок.

За несколько сегодняшних часов мы оба стали другими. Время пронеслось над нами, покрыло пылью старости отцовский костюм, залоснило брюки на коленях, сетью морщин скукожило башмаки. Рука держала стопку, и стопка эта утратила прозрачность и остроту граней. Я мотнул головой, отгоняя морок, и выпил свой глоток, обжегший гортань. Схватил огурец, унимая жжение.

Ели молча, быстро, словно опасались нечаянных, ненужных слов. Словно оба знали, что спустя два года все повторится: пристань, теплоходик, запах яблок, нестерпимые блики на воде, будто разбилось большое зеркало. Только уезжать буду я. Еще минуту назад я был железно уверен в том, что останусь здесь, с отцом. Пока не решу, куда буду поступать после десятого. Потому что это мой выбор, мой, а не родителей. Но странное мимолетное видение недалекого будущего заставило переменить мои планы. Что это было? Предчувствие? Чужая сильная воля будто схватила за шиворот и потащила, а у меня не хватало сил сопротивляться.

Московский BAZAR № 2 (32) 2020 г.

– Ты остался здесь потому, что я так решил, – нарушил тишину отец, – пора тебе оторваться от мамкиной титьки.

– И срок установил для отрыва тоже ты? – губы мои задрожали. – Меня спросить забыли? Я вам вещь, что ли?

– Да. Есть такое дело. Два года тебе дадено, чтобы стать мужиком. Старайся, Ленка.

– С ума все походили, решатели, – я вскочил и кинулся было к выходу.

– Сядь, – отец не повысил голоса, – налей еще.

Я подчинился. Отец покрутил стопку в руке, пригубил. Лицо сморщилось, резкие складки пролегли от губ к носу.

– Семья это тебе не клетка для птицы. Когда два человека решают быть вместе, это не значит, что кто-то из них лишается свободы. И выбор делает не один – оба. Оба, понимаешь?

– Но тогда получается, что выход только один?

– Ты плохо слушаешь, один человек – один выход, два – и выхода два.

– Или четыре, – сказал я, просто чтобы что-то сказать, – возможны варианты.

– Ну-ну, варианты, значит, не запутайся в них смотри, – отец допил водку и, вставая, добавил, – приберись тут, теперь мы с тобой за всё про всё остались.

Спустя полчаса я сидел в большой комнате за столом, обычно заваленным стопками школьных тетрадей, книгами. Теперь поверхность стола была безнадежно пуста. Дом как будто тоже подчинился выбору людей. Я подумал о том, как скоро исчезнут мои следы, когда сяду на теплоходик через два года. Так же отец будет молчать в темноте, и никто не соберет нехитрой вечерней еды и не нальет водки в стопку. Потому что выхода только два. Два, а не четыре. Мы будем приезжать друг к другу в гости, возможно, со стороны будет казаться, что мы семья, живущая по непривычным правилам. Приходилось признать, что выбор сделали все трое. И это так же верно, как то, что сегодня моя жизнь переменялась бесповоротно.

***

Два года вместили в себя достаточно событий, чтобы я с чистым сердцем признался, что время потрачено не зря. Отец оказался прав, как всегда – прав. Как он умудрялся предугадывать исходы самых разнообразных поступков и событий, для меня оставалось непостижимым. На мои недоуменные вопросы отвечал коротко: «Учись думать, Ленка!» Получалось не всегда.

Отец редко выезжал из родного города, я помню лишь две поездки за два года нашего с ним мужского одиночества. Мать гостила у нас тоже нечасто: наш дом, обустроенный по-иному, чем прежде, был ей не по душе. Вещи и предметы словно играли с гостьей в прятки. Мне доставляло непонятное удовольствие наблюдать за ее растерянным лицом, когда рука привычно тянулась за очками, а натыкалась на пепельницу или сапожный нож там, где прежде этих предметов не могло находиться по определению. Тогда мать проводила ладонью по лицу, словно смахивала паутину. Протягивал ей нужный предмет, невозмутимо выдерживал вопрошающий взгляд: умение держать лицо выработалось настолько прочно, что иной раз ловил себя на мысли, что не могу с точностью определить, где я настоящий, а где только маска.

Во время моих приездов в другой город ревниво всматривался в мать, лелеял глупые мысли о том, что ей здесь плохо, что скоро дядька Сережа поправится, мать вернется обратно и жизнь наша потечет по-старому. Но дядька все болел, болезнь проявлялась внезапной слабостью и одышкой. Внешне они были похожи, брат и сестра: высокие, светловолосые, молчаливые. Дядька был автомехаником от бога, он учил тому, что мне всегда нравилось: понимать устройство разных механизмов, чувствовать руками болезни движков и все такое. В

какой-то момент понял: не хочу возвращаться к отцу, мое место здесь. В этом городе и в этом доме. Мысли о том, что это тоже предательство, приходили в голову, но не я первым вступил на эту тропу.

Мать обустроивалась в чужом доме прочно. Надолго. У меня иной раз возникало дежавю: похожие вещи находились ровно на тех же местах, как в оставленном ею доме. В доме, где по вечерам долго не гаснет на кухне свет, где громко тикают ходики на стене, а в окна заглядывает на мгновение свет одинокой фары и слышится мотоциклетный треск. Я это помнил. И помнил те несколько часов, проведенных мной на бревне возле реки. Сидел неподвижно, неподалеку возились несколько воробьев, делили оброненный кем-то кусочек хлеба. Вдруг налетела желтобрюхая синица, один из спорщиков зазевался, не хотел оторваться от хлебного мякиша. Синица терзала воробьиную тушку, мелькали в воздухе пух и перья. Потом синица клевала и клевала маленьким крепким клювом мертвую голову: выедала мозг. Как игрушечный медведь-молотобоец. Оцепенелый, долго не мог двинуться с места, казалось, это мой мозг превратился в пищу для обманчивой мирной птички.

Давний случай являлся в мои мысли, когда я думал о матери. О матери, спускавшейся с высокой лестницы в светлом платье в глупый мелкий цветочек. Я не часто вспоминал о том дне, заставлял себя не помнить. Если не удавалось, то недавнее прошлое скользило во мне бледными бесформенными тенями.

Мать установила порядки, заведенные когда-то в доме моего детства, и представлялось, что не было никакого переезда и что скоро распахнется с негромким скрипом дверь, войдет отец, повесит кепку привычным движением на знакомый гвоздь справа от дверного косяка. Картина рисовалась настолько живая, что мне казалось, я схожу с ума. Когда же воображаемое становилась явью, мне невыносимо было видеть родителей вместе. Непонимание рвало мою душу на части: почему они живут не как все, зачем им нужна эта раздвоенность, это расстояние между городами? Однажды я не выдержал.

– Батя, почему вы так живете? Не по-человечески. Она там, мы здесь. Какой в этом смысл?

– Что тебе не нравится?

– Да все не нравится! Вон другие...

– Других не трожь, они живут, как умеют. А мы – так. Вырастешь – выбирай по себе. А нас не суди, не дорос еще.

– Поговорили, называется. Все ясно-понятно, – начал я ерничать, – такие особенные у меня родители. Вам бы меня на две половинки распилить, что ли. Чтобы было кого воспитывать.

– Ленька, не балуй! Я тебе что велел делать?

– Что?

– Думать велел, а ты большой вырос, а мозги куриные остались.

– А ты мать любишь? Вот скажи!

– Помешались вы на той любви, я гляжу. Ахи-охи, соловьи... А потом убить готовы друг дружку.

– Ну, батя, это ты загнул: убить-то.

Он посмотрел на меня с жалостью, махнул рукой. Больше мы про любовь не разговаривали. А она притаилась совсем близко и ждала удобного случая, чтобы нанести удар.

И все же, все же... Разговор этот имел неожиданные последствия. Я наконец отключил детские обиды и стал думать. Думать и видеть. И открылись мне странные, необъяснимые вещи. Первая: родителям было все равно, сколько между ними километров, ни тени страдания, тоски или неудовольствия не приносила им разлука. Они радовались каждой встрече так,

словно один из двоих ездил по неотложным делам и возвращался туда, где его всегда ждали. Домой.

И вторая вещь, которую я объяснить никак не мог: родители всегда были в курсе событий друг относительно друга. Положим, у дядьки имелся городской телефон и я иногда разговаривал с матерью по межгороду, но отец... Отец категорически отрицал подобную возможность! Мне не приходило в голову сомневаться в его словах. И выходило, что жили они вместе, а не поврозь. Этого быть не могло, но – было.

***

...Август выдался холодным и дождливым. Над рекой громоздились тяжелые мокрые тучи, вода висела в воздухе. Отец проводил меня лишь до калитки, но я был рад этому: возле «Волны» ждала Валька, первая моя женщина. Вообще-то мы с ребятами договорились встретиться на причале, но мне хотелось с Валькой пройти той же дорогой и понять хотя бы приблизительно то, что чувствовали мои родители.

– Ты дождись меня, ладно? Я вернусь.

Голос срывался, я ненавидел себя за жалкость, но кто знает, будет ли шанс об этом поговорить. Время и расстояние были моими врагами. И возраст: Валька старше на два года, оказалось – на целую жизнь.

– Дурачок ты, Ленька, – она остановилась, взглянула в лицо, губы ее скривились, – через месяц ты обо мне не вспомнишь, не обманывайся.

– Я тебя... ну, в общем, я...

– Любишь? Только потому, что вчера...

– Замолчи! Ты ничего не понимаешь!

– Все я понимаю, – вздохнула Валька, – ты придумал себе черт знает что, а я не хочу, чтобы ты обманывался. Первый раз всегда страшно, и кто-то должен помочь. Кто знает, как у тебя сложится на новом месте, а ты слабый, Ленечка, жалеешь меня. А не надо жалеть. Не хочу я, чтобы ты... чтобы ты наломал дров, вот что. Не думай обо мне плохо. А у тебя все будет, не сомневайся!

Губы ее шевелились, голос дрожал, мне хотелось, чтобы – дрожал. Врала, врала и не краснела! Не могло быть, чтобы все объяснялось так просто, обидно, что все так... неправильно.

– А как же ты, ну, потом?

– Опять ерунду мелешь, Ленька! Маленький ты еще, – она погладила меня по щеке. – По любви замуж не выходят. Потому что любовь на минутку, а семья на всю жизнь. Если получится. Пошли, опоздаем.

– Ну и пусть, – я схватил Вальку за руку, – ты все придумала, да? Скажи, что придумала?

Она покачала головой.

– Ты... не зря тебя ребята... – договорить не успел: рука у Вальки была тяжелая.

Теплоход отплывал, подрагивала под ногами палуба, мелкие волны бились в борт, причал с машущими друзьями делался меньше, наверху, возле перил, одинокая фигурка стояла неподвижно.

– Журавли полетели, – сказал кто-то рядом, – рано они нонче.

– Так осень уже, вон какой август-от, холодной, – ответил женский усталый голос.

Сквозь оконный прозрачный плексиглас журавлей не было слышно, они летели в тишине почти правильным клином и вскоре скрылись. Тучи на мгновение раздвинулись, солнечный луч протянулся по берегу, выхватил синее пятно кинотеатра на самой верхотуре, и снова стало серо.

***

Люська Синегубкина попалась мне под ноги в буквальном смысле слова: я споткнулся об нее в досаафовском тире, куда школьный военрук привел на стрельбы свой кружок. Стрелки распластались на матах, короткие школьные платья девчонок военрук деликатно прикрывал ватниками. Из-под ватника и торчали тощие Люськины ноги. Она дернулась и промазала. Повернула ко мне лицо, вглядывалась, не смущаясь неловкого положения. Молчала. Запомнились короткие спутанные волосы и закушенная от обиды губа.

– Кто такая? – спросил военрука, с которым к середине девятого класса был на короткой ноге (дядька мой был ему приятелем), кивая на девчонку, как на ничего не значащий предмет.

– Люся Синегубкина, из седьмого «Б», – ответил военрук и добавил, – хорошая девочка, присмотрелся бы.

– Мелочь пузатая, – отшутился, но имя и фамилию запомнил. На всякий случай.

Семиклассницы в то время совсем не интересовали меня. Я был чужак, засланный казачок, тень матери – строгого завуча – сильно мешала утвердиться в классе. Только к началу летних каникул определился мой ближний круг друзей, вернее, одного друга. С остальными сложились ровные приятельские отношения, ребята хвастались победами на амурных фронтах, многие сочиняли, конечно. Со стороны всегда заметно. Я никому не рассказывал про свой первый опыт, воспоминания еще жили в моей душе, но тихой и почти не грустной нотой. Вальку я больше не встречал, она уехала учиться, наверно, это было для меня спасением и хорошим знаком.

Но Валькины слова про минутку и целую жизнь натолкнули на размышления об отношениях отца и матери: на некоторые вопросы нашлись ответы, картина из хаоса начинала вырисовываться. При отсутствии собственной любви я находил, что родители правы, и что подобный вариант отношений можно взять как пример для моей будущей семейной жизни. Не думают о будущем только дураки, я дураком себя не считал. Только одного я не мог понять: как они обходятся без секса? Возможно, для отца вопрос жестко не стоял: он старше матери, но разница в возрасте не может служить объективным показателем. Между тем не было у меня подозрений, что у кого-то из них появилась замена, а наблюдал я внимательно. Значит ли это, что они уроды или есть что-то, что позволяет нормальным людям не заморачиваться по этому поводу? Но что?

Второй раз Люська появилась в поле моего зрения в сентябре, на школьной линейке. За лето она округлилась в нужных местах, научилась смотреть независимо, немного вызывающе и совершенно точно умела отличить взгляд заинтересованный от просто взгляда. Мой друг положил на нее глаз. Если бы не Саня... Что мной двигало: зависть? Но в тот момент она была ничья, эта Люська! Я легко добился того, чтобы она сделала правильный выбор. Не наказуемо, нет, вины своей я не чувствовал. Каждый сам за себя. Главное, сделать так, чтобы выглядело, будто это ее осознанное решение. Задача не из сложных, но какая сладость власти предвкушалась мне...

– Не надоел этот цирк? Не хочешь прогуляться? – в голосе моем скука и превосходство. Я наслаждался чужой растерянностью. В конце концов, вся жизнь и состоит из выбора вариантов. – Через пять минут мое предложение снимается. Я жду у входа. Тебе решать.

Сколько раз потом я повторял последнюю фразу? Мне казалось важным всегда упреждать события, ставить вопросы, уже зная ответ, и наслаждаться невидимой властью. Принуждать делать выбор без возможности выбора, так, как сделали со мной мои родители.

Тогда же Люська явно терзалась, прижимала руки к груди, оглядывалась на звуки музыки из актового зала, она вся была еще там, еще бы: первый школьный вечер для восьмиклассницы

– как первая любовь. Мне казалось смешным это сравнение, конечно, чушь собачья, но девчонки западают на всякие сладкие красотости. Расчеты были точны, наш уход никто не видел, что странно: учителя бдели не хуже книжных сыщиков. Мать потом пыталась выяснить у меня, с кем же «ребенок» исчез из поля зрения и откуда ждать неприятностей. Я лишь улыбался в ответ.

Для «гуляний» выбрал длинную скучную улицу, ведущую из города. Улочка безопасна с точки зрения случайной встречи со знакомыми и удобна: тротуар асфальтирован, горели редкие фонари, в частных домах рано гасли окна. Прохожих почти не было: город рано погружался в спячку, потому создавалось ощущение, что мы где-то на краю света. Встречались два раза в неделю, я выбрал вторник и четверг. Люся выходила ровно тот момент, как я подходил к первому подъезду двухэтажного дома, словно стояла за дверью и вслушивалась в шаги. Как она вычисляла нужные, навсегда осталось для меня загадкой. Говорила, что получается случайно. Я случаям не доверял. И не доверял Люське Синегубкиной. Она притворялась!

Первые два месяца она мало говорила, смотрела на меня снизу вверх, как на божество. Это утомляло, и я начинал подумывать, не отдать ли девчонку Сане, в то время Люську я воспринимал как подопытную мышь, она и вела себя как мышь. Нет, я был удавом, а она – кроликом. Точно, кроликом! Кролика нужно хорошо подготовить, и я говорил без умолку, чаще всего о прочитанных книгах. У матери была отличная библиотека, я читал много и легко запоминал прочитанное. А потом случилась неожиданность: Люська поймала меня на неточности. Ее родительница тоже выписывала «Роман-газету», а я как раз пересказывал «Бремя власти» Балашова. Черт-черт-черт!

Я остановился и сделал то, чего не должен был делать: взял ее за руку. Ладонка у нее оказалась сухая, горячая, и – цепкая.

– Так боюсь твоей матери. Недавно меня ехидной обозвала, – Люська сменила тему, словно почувствовала мое смущение. Все-таки девчонки в таких вещах понимают больше.

Вчера подробности стычки мать рассказывала в лицах, добавила от себя парочку нелестных замечаний в адрес ершистой девчонки.

Полгода пролетели быстро и однообразно: вторник и четверг с восьми до десяти – я пунктуально следил за графиком, как бы не замечая недоумевающего взгляда. Люська держалась. За мою руку и моих правил. Мысли о кролике стали казаться мне смешными, вот же тоже – детские глупости. Кролик, по сути, это гипноз, заглотишь и гладить сытое брюхо, глядя в небеса. Мелковато. Интереснее приручить и заставить играть по чужим правилам. По моим. Для начала нужно выйти из подполья и забыть нашу тихую улочку и вечерние прогулки при луне.

Весна всегда расслабляет: безумным солнцем, талым снегом, первой зеленью на деревьях. Мы шли из школы, я нес два портфеля. На перекрестке, где расходились наши дороги, останавливались и долго разговаривали, иногда по два-три часа. Желающих посмотреть на наше представление день ото дня становилось меньше. Интерес нужно пригасить. Вся школа была в курсе нашей «дружбы». Люська нервничала: за спиной о нас говорили разное, я делал вид, что ни о чем не догадываюсь.

– Не могу так больше! – взмолилась однажды Люська.

– Как хочешь, выбор за тобой, – нарочито равнодушно отвечал я, – одно твое слово.

– Ненавижу! – шипела она, вырывала портфель и... и на следующий день мы снова стояли на перекрестке.

О чем говорили? Какая разница! Если говорили, значит, было о чем. Самое забавное заключалось в том, что, сказав друг другу «Пока!», обнаруживали моментально новую

неотложную тему. Иногда простая и очевидная мысль приходила в голову: эти наши разговоры были нужны больше мне, я поменялся с ней ролью и стал подопытным кроликом. Люська в роли удава смешила меня чрезвычайно. Я мог смеяться сколько угодно, но отказаться от наших неотложных тем не мог.

После десятого поступил в техникум. Этим же летом умер дядька Сережа. Матери достался дом, мне – дядькин «козлик», ставший годом позже третьим между мной и Люськой. А пока я лежал под машиной все свободное время, и вскоре «убитый» и почти обездвиженный газик обрел вторую или десятую по счету жизнь. Дело оставалось за малым – получить права. Люське доставались крохи моего внимания: приходил редко, звонил в дверь и сразу спускался на первый этаж. Мы почти не разговаривали, неторопливо нареzáли круги по стадиону позади здания техникума, целовались редко, даже не знаю почему. Ровно в полночь я зевал, говорил: «Однако пора», и мы расставались. Странное было лето. Короткие, почти белые ночи с белесыми туманами, похожими на слоеный пирог, сменились незаметно августовским звездопадом и чернильной тьмой, падавшей вдруг сверху на землю. Люська загадывала желание, шевелила губами, и в этот момент накатывала на меня нежность, дурацкая, недостойная мужика нежность, до стога хотелось сжать в объятьях, до хруста в костях, и не отпускать никуда с ее безмозглыми звездами и глупыми желаниями.

С сентября наши дороги разбежались: она продолжала топтать школьные коридоры, я осваивал студенческую жизнь. Привычка на минутку забежать к Люське ежедневно после занятий появилась незаметно – техникум находился рядом с ее домом. Наваждение длилось не один месяц, но однажды пришлось сделать неприятное открытие: я влип по самые уши. Правила были не мои, желания были не мои и воля – чужая. Черт возьми, она меня обыграла! Как дурак купился на обманчивое равнодушие, спокойствие, с которым она занималась своими делами, пока я сидел в кресле как последний кретин. Она примерила на себя маску, ту самую маску, которой когда-то имел глупость похвастаться. Тогда она удивленно тарашилась на меня, но запомнила и научилась использовать. Ай да Люська, однако, надо быть с ней начеку, подставишь палец и – прощайся с рукой. Пора, пора спастись от ненужной зависимости!

– Хотел сказать, что больше не приду. Не жди.

– Почему?

– Просто так. Заведи себе другого, чтобы не скучать.

– Фролов, ты в своем уме? Тоже мне, командир нашелся на мою голову!

– Для твоей пользы.

– Я сама знаю, что для меня лучше, – голос все-таки дрогнул, но она справилась, – счастливо, Фролов. А твоим советом воспользуюсь, раз так настаиваешь.

– Однако, – не удержался я, – счастливо так счастливо.

Не знаю, скучала ли Люська по нашим встречам, а мне их не доставало. Мать как бы между прочим проговаривалась о Люське школьной, излишне самоуверенной и чересчур дерзкой. Моя Люська – до первой разлуки – была другая, но все же не зря я не доверял ей! Не знаю, по которой из них я не находил себе места. Почти каждый вечер устраивался напротив окон ее дома. Между нами было расстояние метров тридцать-сорок, занятых огородами, удобное для наблюдения пространство. В угловом окне второго этажа, ее окне, долго не гас свет, по шторам двигалась неясная тень, замирала надолго. Я гасил сигарету: по красной точке она могла вычислить меня. Сидел на сваленных возле забора бревнах и вспоминал синицу, выклеывающую воробьиною голову. Кем я был: синицей или воробьем?

Я морочил Люське голову два года, до ее выпускного. Уходил и возвращался. Она пробовала встречаться с другими – я отваживал соперников и тотчас терял к Люське интерес. «Фролов, – сказала однажды она, – ты как собака на сене. Ни себе, ни людям». Я посмеивался.

У меня появились новые приятели и необязательные отношения с временными подругами, мой верный «козлик» накрутил множество километров и знал обо мне то, что ни при каких обстоятельствах не должны знать ни родные, ни особенно Люська. Она, в редкие наши встречи, исступленно обнимала тонкими руками мою шею, сердце ее билось как птица в клетке, и готова была пойти до конца. Не боялась, больше того – пыталась провоцировать.

– Фролов, – вглядывалась в мое лицо, – ты боишься быть первым?

– С чего взяла? Не хочу испортить тебе жизнь. Только и всего. Если у нас ничего не выйдет, твоя семейная жизнь начнется с неловких вопросов.

– Не начнется! Неужели для мужиков это так важно?

– Для нормальных – нет. Но на свете полно ненормальных и еще больше их родни, трясушей наутро простыни перед гостями.

– Фу, Фролов, какие гадости! Какой-то домострой в голове. Вот у тебя мать такая образованная, неужели для нее будет важна какая-то тряпка с кровавыми пятнами? Ну скажи еще, и для тебя тоже нужны какие-то доказательства?

– Дура, – смеялся я, – ты меня так и не научилась понимать. Я тебя берегу, только не знаю, для кого.

– Сам такое слово, – выдыхала Люська мне в ухо и разрешала делать с ней все, что мне придет в голову, знала: бояться нечего.

Что мне делать с неискушенной девчонкой? Ничего из того, что делал я с моими обычными подружками. Они знали, на что идут, и любовь не стояла между нами. Мы получали каждый свое и ни на что большее не претендовали. Люське я не мог дать ничего и себе пока не принадлежал: после техникума светила мне армия, нужно было отдать все долги и уж потом... Потом было непредсказуемое будущее. Иногда я забывался, инстинкт брал свое, но Люськино тело предавало хозяйку: вздрагивало, покрывалось острыми пупырышками, нет, не готова была Люська к взрослым отношениям, как ни старалась. Такая была у нас игра в поддавки.

Вскоре время бессмысленных игр закончилось. Люська уехала поступать в институт в Ленинград и поступила, мы разминулись: я был тем летом в стройотряде. Потом время побежало как колесо с горки. Ее сессии, мой диплом, в конце июня я успел вскочить в отъезжающий поезд: с последней группой призывников отчалил на Дальний Восток. Мы не переписывались, она не знала адреса, я не доверял ее родным, было у меня опасение, что письма может прочесть не только Люська. От моей матери известия шли отрывочные и недостоверные. Оставалось только любоваться Люськиной фотографией. Отец когда-то, покрутив карточку в руках, обронил: «Богородица». Я посмеялся: это Люська-то?

Спустя два года мой дембельский альбом мирно покоился под диваном в том самом чемоданчике, с которым я тащился за родителями девять лет назад. Воздух свободы пьянил меня, какая, к чертовой матери, Люська? Потом, всё потом. Два месяца вылетели из жизни, как черти из трубы. В сентябре устроился на автобазу. Жизнь продолжалась. Один день сменялся другим, зарядили длинные дожди, и край неба заглядывал в окно, рано темнело, утренние сумерки продолжались сумерками вечерними. Я лежал на диване с книгой, вялый и словно выпотрошенный. По ночам снилась мне Люська, она стояла передо мной с мелкашкой в руках, ватник наброшен на плечи, на лице улыбка, в глазах слезы. Я брал Люську за руку, она отталкивала меня и говорила без остановки: «Ты меня любишь, Фролов?» – «Любовь на минутку... на минутку... на минутку...», – отвечал я быстро, слова летели ей в лицо, оставляли оспяные отметины, Люська отмахивалась от слов, как от мух, и все спрашивала и спрашивала про любовь.

– Приехала твоя... богородица, – сказала мать в начале февраля, – в пятницу вечер выпускников.

Московский BAZAR № 2 (32) 2020 г.

Вестибюль был гулок, звуки музыки плыли в нем слоями, как те давнишние летние туманы. Хлопала входная дверь, дробился смех, скатывался по оконному стеклу.

– Фролов! Не надоел этот цирк? Не хочешь прогуляться? Жду пять минут. Потом предложение снимается. – Люська стояла на широкой лестнице, ведущей на второй этаж. Она не изменилась. Почти. Или мне хотелось так думать?

– Прогуляемся, – сказал я, – и впредь: никогда не называй меня по фамилии!

– А то застрелишь?

– Да. Из мелкашки.

Она словно впечаталась в стену. Замерла. Кивнула головой, словно соглашалась с кем-то. Я ехал на автопилоте, мало различая дорогу. Мела поземка, заметала следы. В доме темно и тихо, только отщелкивали секунды стенные часы.

– Я сама, – быстро шепнула Люська и стала стягивать платье...

– Ты...

– Да, – сказала Люська легко, – ты не хотел быть первым.

Я сел. Закурил. Она поднялась, быстро оделась.

– Ты так ничего и не понял, Ленечка, – постояла в дверях и ушла.

– Дура, это ты ничего не поняла, – сказал я тишине.

***

Десять лет назад я не задумывался о подводных течениях принимаемых решений. Я оценивал чужой выбор, еще не зная, что мне предстоит сделать свой.

В конце августа я приехал к отцу. Мои поездки нерегулярны, но он всегда делает вид, что не особенно ждет меня. Мы знаем, что это неправда, но что поделаешь, так складывается жизнь. Город понемногу ветшает. Обмелела река, не сплавляют по ней лес. Давно не ходят теплоходики, в начале семидесятых отошел от пристани последний. Реку перегораживают боны, от старой пристани остался небольшой помост, к столбам теперь привязывают моторки и обычные лодки. Кинотеатр по-прежнему синее на высоком берегу. Вчера был Яблочный спас, старые яблони еще живы и плодоносят. Пахнет яблоками. Ветер теребит воду, и кажется, что разбили на тысячу кусочков огромное зеркало.

– Ну, здравствуй, Ленька, – отец мало изменился, разве что стал ниже ростом, – как жизнь молодая?

– Все путем, батя. Все путем.

Мы проходим в дом. Он мне стал чужим, как когда-то матери. Но все предметы не меняют своего места никогда. Это удобно. Отец рад мне, но не показывает вида. Он собирает на стол: достает из кастрюльки вареную картошку, цепляет из банки малосолевых огурцов, нарезает кольцами полукопченую колбасу и крупными ломтями серый хлеб, достает из шкафчика знакомые граненые стопки на короткой ножке и бутылку водки. Наливает по полной.

– Будем, – говорю я и опрокидываю махом стопку, морщусь, выдыхаю.

– Со свиданьем, – отвечает отец и залпом выпивает свою.

Мы не торопимся, накалываем вилками картошку, хрустим огурцами.

– Как мать?

– Нормально. Как обычно. Работает.

– Хорошо, – говорит отец, прислоняется к спинке стула, мнет в руках беломорину, – а ты? Как твоя богородица?

– На пятый курс перешла. Еще год учиться. Только она никакая не моя.

– Дурак ты, Ленька. Думать так и не научился. Не в коня, видно, корм.

Московский BAZAR № 2 (32) 2020 г.

– В коня, не в коня... Она город почуяла, назад не вернется, а я? Ехать за ней, куда распределят? Или тут ждать? И что? Что теперь делать, батя?

– Сам как думаешь?

– Не знаю. Про нее не знаю. Мы не виделись давно, не получалось что-то.

– Это беда небольшая, Ленька.

– Я помню, как мать у окна стояла, все на дорогу смотрела, будто ждала чего. А за окном то дожди, то метели. Ей тесно было здесь! Как в клетке.

– Верно, тесно. Но семья не клетка, если дверцу открыть. Тогда это дом получается.

– Предлагаешь мне на два дома жить, на два города? Или посмотреть, как она у окна будет стоять? Маяться?

– У любви всегда есть темная сторона, Ленька. Без этого не бывает.

– Темная сторона... Знаешь, батя, она пожалела меня: я первым не хотел...

– А ты обиделся, значит. Или испугался?

– Чего мне бояться? – я споткнулся, замолчал. Вытащил сигарету, прикурил, затянулся. Не сразу собрался с мыслями. – Испугался. Боюсь, что она привыкнет ко мне как к мужику, понимаешь? И кроме этого нас ничего держать не будет!

– Не разобрался ты еще. В потемках плутаешь. Люся твоя тебе, дураку, дверцу открыла, а ты в дальний угол забился, обиды жуешь.

– Значит, с вас пример брать?

– Ни с кого примеров брать не надо. Мы с мамкой твоей так для себя решили, а у тебя, может, другое решение сделается. Кто знает? Нет правильного выбора, что бы ты ни выбрал, все равно будет больно.

Я сидел позади кинотеатра на лавке. Внизу текла река, стелился туман, вода плескала в борт причаленной лодки. Высоко в небе бледнели звезды.

Темная сторона любви... Вот отец дает! Не думал, что он так говорить способен. А что я о нем знаю? К стыду своему, ничего. Десять лет назад он решал ту же самую проблему, над которой бьюсь теперь я. Он нашел решение и тащил ношу все эти десять лет, и понесет дальше.

Что выберу я?

***

– Ты сломал мою жизнь, – когда-нибудь скажет Люська Синегубкина.

– Потом ты скажешь мне спасибо, – отвечу я.

– Не факт.

– Может быть.

А в чем можно быть уверенным? Никто не знает.

ПОЭЗИЯ

Андрей Баранов

(МОССАЛИТ, Москва)

Ворохами листьев облетая

* * *

Мама мыла Милу мылом
(Мыло пенилось в руке)
И о чем-то говорила
На секретном языке.
Мама Милу вытирала –
Мила малая пока, –
А по небу уплывало
Солнце, прячась в облака.
Мама Милу обнимала,
Положила на кровать,
Подоткнула одеяло,
Пожелала доброй ночи.
Мила маму понимала;
Миле не хотелось спать
И она протестовала,
Но не очень.
Так заканчивался день
Милы в маминной квартире...
Много лет, как мамы в мире
Нет. У Милы нет детей.
Не дал Бог, как говорят.
Мила гладит кошку Ньюшу,
Кошка Милу любит слушать.
Мила кошку любит гладить.
Так живут друг друга ради
Много-много лет подряд.

* * *

В ночь полнолуния подойдя к окну,
Взгляни на звезд бриллиантовую россыпь.
Хотя давно мир сказок перерос ты,
Впусти в свой дом волшебницу-луну.
Пускай она присядет у огня
И сказку тихим голосом расскажет
О черных псах, которые на страже
Не спят, ключи от вечности храня.
О дальних странах и лихой судьбе,
О великанах и отважных гномах.
Твой скучный дом наполнит птичий гомон,
И менестрель сыграет на трубе.
Ты будешь слушать и, забыв про быт,
Вновь обретешь чудесный мир, который
Описан Эддой, Библией и Торой,
А ныне так старательно забыт.
И ты поймешь, что в круговерти дней,
Теряющихся в офисной рутине,
Есть кое-что ценнее и важнее
И не забудешь этого отныне.

* * *

Летят снежинки с небосвода,
 В туманном воздухе кружась.
 Зимы ждала, ждала природа –
 И наконец-то дождалась!
 Метель за окнами лютует,
 Машинный заметая след,
 Как будто Дед Мороз колдует,
 Величествен, нетрезв и сед.
 Я у оконного проема
 Как очарованный стою,
 Неспешно поступь метронома
 Отмеривает жизнь мою.
 В стекле я вижу отраженьё
 Себя в халате и очках,
 А за стеклом – зимы круженьё
 Да лес в метельных облачках.

* * *

Уходим, уходим, уходим –
 Прощаемся наперебой.
 Уходим при ясной погоде,
 Холодной, дождливой – любой!
 Не глядя на снег и на ветер,
 Не зная, что ждет впереди.
 Спроси – но никто не ответит,
 Никто не поможет в пути.
 Андреевский крест Ориона
 В ночи освещает наш путь.
 Идем по нему непреклонно,
 Не в силах назад повернуть.
 Дорога подъемом покатым
 Все выше и выше ведет,
 И пахнет полыньёю и мятой
 Наш необъяснимый исход.

* * *

Снился мне в ночь удивительный сон:
 С неба спускается ангелов сонм,
 Бьют барабаны, кимвалы гремят,
 Медные трубы на солнце горят.
 Нет не на солнце, ведь солнца-то нет –
 Это нездешний, не солнечный свет.
 Только откуда он – я не пойму.
 Ангелов сонмы стремятся к нему,
 Следом за ними и я всей душой
 К этому свету стремлюсь голышом
 И не стесняюсь прозрачных телес,
 Словно в стеклянную капсулу влез.
 Я озираюсь – и вижу вокруг
 Капсул подобных сверкающий круг.
 Нас увлекает могучий поток,
 Капсулы наши вгоняет в росток,
 Мы прорастаем сквозь землю ростком,
 Мы расцветаем прекрасным цветком.
 Девочка Маша по лугу идет,
 Лютик срывает,
 В ладони берет,
 Ангелов трубы звучат в унисон...
 Снился мне в ночь удивительный сон.

* * *

Осенний закат наблюдая,
 На время забыв обо всём,
 Загривок треплю алабая
 и прозу читаю Басё.

Вот так бы и жить, не старея,
 Смотреть на вечерний огонь.
 Вино мою душу согреет,
 А клен мне протянет ладонь.

Но, боже, как грустно без друга
 Осенние дни коротать,
 Когда и морозы, и вьюга
 Так скоро начнутся опять!

* * *

Мы идем дорогой Млечной
в край, где в горней вышине
ожидает город вечный,
тот, что виделся во сне.

В хоре грозном и прекрасном,
В звуках музыки святой
Возникал он ежечасно,
Но не долго был со мной.

В час любви иль вдохновенья,
В блике солнца на реке
Возникал он на мгновенье
И скрывался вдалеке.

А теперь он ближе, ближе –
Время мчится все быстрее!
Скоро ль я тебя увижу,
Чудный Город-На-Горе?

* * *

Ворохами листьев облетая,
В зябкой предзакатной тишине
Загрустила осень золотая
О себе, о Боге, обо мне.
С ворохами листьев облетая,
С караваном птичьим улетаю,
Вечера на даче коротаю
При луне.

В. Степанова. Вид из окна с дирижаблем. Холст, масло. 1921 г.

ПОЭЗИЯ

Георгий Бойко

(Москва)

Невидимый фронт

Шлет донесение накануне –
 Если не в мае, тогда в июне! –
 Дезинформация, снова-здорово!
 До рокового двадцать второго
 Не достучаться к ним, не пробиться...
 Слушать никто не желал «провидца».
 Двадцать второго вдруг стало ясно:
 Не доверяли ему напрасно...
 Ну и теперь за промашку эту
 Могут кого-то призвать к ответу.
 Даром, что он отработал честно,
 Нужно ему поскорей исчезнуть,
 Чтобы не вспомнили даже имя...
 Лучше руками убрать чужими.
 Прочь конспирации все основы!
 Консул советский в роли связного...
 А самураи куда как зорко
 Бдят, с кем общается этот Зорге...
 Что-то неладно – поймут немедля,
 Туже и туже сжимают петлю...
 Но напоследок, эфир пронзая,
 В Центр шифрограммой от Рамзая –
 Весть, что японцы в войну не вступят...
 Воду толочь неуместно в ступе,
 Если источник разведал точно,
 Двадцать дивизий дальневосточных
 (Пусть на востоке фронт оголится!)
 Мчатся на запад спасать столицу...
 Но у Победы другие «отцы».
 Сделано дело – и в воду концы...
 Будет в июне двадцать второе,
 Вспомним героя,
 Вспомним героя!

Ион Деген. Восемь строчек

*Мой товарищ, в смертельной агонии
Не зови понапрасну друзей.
Дай-ка лучше согрею ладони я
Над дымящейся кровью твоей.
Ты не плачь, не стони, ты не маленький,
Ты не ранен, ты просто убит.
Дай на память сниму с тебя валенки.
Нам еще наступать предстоит.*

Ион Деген. Декабрь 1944 г.

Услышал и запомнил сразу...
Как результат – и тут, и там
Вся эта вредная зараза...
Ищи-свищи по всем фронтам,
Кто автор строчек неказистых.
Боль головная особистов,
Политруков зубная боль.
Таким поэтам счет на тыщи!
Ну как средь них его отыщешь?!
А доложить наверх изволь.
Но если текст не видел даже,
Чего тогда начальству скажешь?!
Про телеграф беспроводной?!
Что восемь строчек безыскусных
Передаются только устно
У командиров за спиной?!
Что автор строк погиб, по слухам?!
Земля ему пусть будет пухом!

И дело надобно закрыть.
Не любо, стало быть, не слушай,
Прикинься, заложило уши.
Короче, поумерим прыть.
В достатке есть «Василий Тёркин»,
Хранят в кармане гимнастерки
Слова молитвы: «Жди меня...»
Притом особенно отрадно,
Что восемь строчек преотвратных
Забудут, не пройдет и дня...
В стихах и песнях многократно
Иным представят подвиг ратный,
Всех очернителей кляня...

Пускай забвение пророчат!
А все же в памяти должны
Остаться восемь честных строчек,
Вошедших в летопись войны!

В. Степанова. Танцующие фигуры на белом фоне. Холст, масло. 1920 г.

Директива

Войны дороги по смоленщине
 Ведут в поля, что под Москвой...
 И вот шестнадцать строчек женщине!
 И треугольник фронтовой
 Поэтом был отправлен в Чистополь
 (там у него жена и дочь),
 Письмо дошло и вслух прочитано...

В землянке коротая ночь,
 Писал он, что мечтает встретиться,
 Что от любви ему тепло...
 В простых словах о чувствах трепетных...
 Ему так на сердце легло.
 Писал не по заданию,
 Не думал об издании...

Чуть позже встреча с композитором,
 Не то чтоб вовсе невзначай.
 Взгляд на поэта выразительный:
 – Давай, Алеша, выручай!
 Мне песню написать поручено...
 Ты в жанре песенном ретив!
 И предложение озвучено:
 – С тебя слова, с меня мотив!

Какая может быть реакция?
 Сказать собрату не в укор:
 – Гляди, вокруг кипит редакция!
 Я не поэт, я военкор!
 На просьбу чересчур настырную
 Завзятый будто бы игрок,
 Он вынул карту козырную
 Листок, на нем шестнадцать строк,
 На первый взгляд непесенных...
 – Дерзай! – промолвил весело.

Неделю композитор мучился!
 Бумаги нотной вороха
 Извел...
 Но в результате музыка
 Легла на музыку стиха!
 Да так легла, что ясно сразу же:
 Все получилось! Песня есть!
 О перспективах самых радужных
 Доходит до поэта весть,
 Что песне этой, пусть не плановой,
 Очаровать удастся всех,

А голос Лидии Руслановой
 Надежно закрепит успех...
 В газетах ноты напечатаны,
 Запела песню вся страна!
 Поэту нет причин печалиться...
 Вдруг оказалось – есть одна!
 Пахнуло огненной геенною
 Меж прочих аббревиатур,
 Жизнь отравляющих военную,
 Словечко странное – «главпур»...

Прочли стихи под луною,
 И с директивой глупою:
 «Напоминать бойцу не смей,
 Что рядом притаилась смерть!»

Итог: учтя заслуги прошлые
 (он в доску свой за столько лет),
 Поэту дан совет непрошенный –
 Переписать один куплет...
 В ответ: – Стихи уродовать
 Не стану даже пробовать!

– Ах так?! Свое ты ценишь «творчество»?!
 Всей вашей братии среди
 Найдется кто-то посговорчивей,
 У нас поэтов пруд пруди –
 Писать куплеты новые
 С добротною основой.

Но с директивой близорукою
 Цензуре-дуре невдогад,
 Что песня эта станет мукою
 Концертных фронтовых бригад.
 Поют не то, что велено,
 На практике проверено!

Бойцом на фронте честность ценится,
 Все остальное не в чести.
 Придется самозванным цензорам
 Руками только развести.
 Едва ли естество строптивное
 Уразумет голова.
 С невыполнимой директивою
 Из песни выкинуть слова...
 Какие всё же олухи
 Все эти «идеологи»!

ПОЭЗИЯ

Алексей Казарновский
(МОССАЛИТ, Москва)

Ненастье

Ноябрьская серая погода,
И мокрый, мутный, бесконечный снег
На город мерно сыплет с небосвода,
Как будто хочет скрыть его навек...

Нашепчет снега шорох – слушай дальше, –
Что жить совсем иначе должен ты,
Полнее и осмысленней, без фальши,
Без компромиссов и без суеты...

В рутине дня отчетливо заметна
Погоды хмурой сумрачная власть:
Покажется – все суетно и тщетно,
А может, просто жизнь не удалась?

Ненастный день войдет в любые двери,
Сомненья разбросав колодой карт...
Календари все врут! Как им поверить?
Они твердят, что за окошком март!

Таруса

Солнце в воду рассыпало яркие бусы
И блестит на стремнинах бегущей Оки,
Теплым августом домики старой Тарусы
Тонут в тихих садах над обрывом реки.

Стая галок закружит над церковью белой.
Я такую повинность придумал себе:
Постоять над рекой меж Мариной и Беллой,
Размышляя о гениях и о судьбе,

Вдоль обрыва пройти, по утопанной глине,
Чтоб, волнуясь, на памятный камень взглянуть,
Где навеки остаться хотелось Марине...
Но судьба ей иной предназначила путь.

Облака, словно флот белоснежных фрегатов,
В небесах, что, как дали Руси, широки,
А в могиле на круче Борисов-Мусатов
Спит несчастною жертвой упрямой реки.

Дремлет кошка в тени на завалинке дома.
Здесь в тарусской глуши тишина и покой.
Пляжи, ивы, луга – всё до боли знакомо –
И Поленова крыши вдали за рекой...

Ноябрь, Израиль, шабат

Небо дневной примеряет наряд,
Город пустой, на себя похожий,
Изредка встретится праздный прохожий,
Утро, ноябрь, Израиль, шабат...

Здесь краям незнаком листопад.
Осень – отнюдь не унылое время, –
Зреют плоды на зеленых деревьях.
Утро, ноябрь, Израиль, шабат...

Лентой вдоль моря бежит променада,
Пальмы качают пернатые кроны
В солнечном небе над сочным газоном.
Полдень, ноябрь, Израиль, шабат...

Солнце сверкнуло, как острый булат.
Яффа, причалы, рыбацкие сети,
В небе бездонном гуляющий ветер,
Полдень, ноябрь, Израиль, шабат...

Кажется, камни со мной говорят:
Помнишь? Персей, одержавший победу,
Здесь от чудовища спас Андромеду...
Полдень, ноябрь, Израиль, шабат...

Время не знает дороги назад,
В беге минут и в полете столетий
Быстро стареют вчерашние дети.
Вечер, ноябрь, Израиль, шабат...

В море пролился лиловый закат,
Солнце устало скользит за волною
Прочь, утомленное вахтой дневною.
Вечер, ноябрь, Израиль, шабат...

Город рекламным сияньем объят,
Вот и стемнело, хоть вовсе не поздно.
В дымке над морем лучистые звезды...
Вечер, ноябрь... окончен шабат...

Иссык-Куль

Земля раскрыла голубое око,
Глядит в небес распаханную синь,
И нет границ – ни рубежей, ни сроков, –
Есть только первозданность: ян и инь.

За озером вдали чуть различимо
Цепочка дальних пиков – белый сон.
Тянь-Шань хранит на их вершинах зимы,
Пока внизу царит другой сезон.

А возле гор печальные балбалы
Глядят на мир, считая сотни лет.
Века плетут то буйно, то устало
Свой прихотливый и лихой сюжет.

День убегает, быстрый невозвратный,
Всё ярче в темном небе звездный свет.
Вон над горой всплывает аккуратный
Медведицы знакомый силуэт...

Рассвет коснется отсветом багряным
Снегов, вершин и выведет из тьмы
Петроглифы и сакские курганы,
Могилы древних данников чумы,

И многое, что позабыто втуне,
Что время разметало, словно сны.
Монголы, тюрки, древние усунь –
Где эти грозные властители страны?

Теперь уже и ночь скользнула мимо,
Иному дню мелодия своя,
И защежит в груди неутолимо
От малости людского бытия...

А между тем в теснинах Барскоона,
Где в юрте кочевой привычный быт,
Где кони вдоль реки бредут по склону,
Дух этих мест от странника не скрыт.

Увидишь вдруг, как в каменной постели
Спит время утомленное, до срока.
В пушистом пледе из тянь-шаньской ели
Под ровный шум бегущего потока...

Разговор с другом

Памяти Евгения Наконечного

Привет, дружище! Вот и я...
Гляди, как день непрочно сшит,
А знаешь, время все, бежит,
Плетя тенёта бытия.

Вон свод небес то сер, то сед,
Хоть лес неумолимо рыж.
Что ни скажу – ты все молчишь.
Такой у нас формат бесед.

А помнишь школу, пятый класс?
Там перемены буйный звон.
Жизнь впереди – чудесный сон,
И яркий мир так манит нас.

А после по путям своим
Вела нас вереница лет,
И каждый год оставил след,
Который и поныне зрим.

И был привычен жизни круг,
В котором, словно теплый свет,
Ты – мистик и в душе поэт –
Мой верный и надежный друг.

А как-то летом, помнишь, шли
Вдвоем без ясной цели вдаль,
И вилась долгая спираль
Бесед, что мы с тобой вели?..

Теперь молчишь ты – вот беда! –
Под дождь, извечный образ слёз...
Пойму ли я, что все всерьез,
Постигну ль слово «навсегда»?

А «завтра» нет, есть лишь «вчера»,
И дальше вечность – в этом суть!..
Прости, но мне теперь пора...
Зайду еще, когда-нибудь...

Предновогодний сонет

На лапы новогодней ели
Слетела светлая печаль...
Усталый год в седой метели
Навеки уплывает вдаль.

Свеча – подруга сновидений –
По капле слизана огнем,
Так старый год уносит тени
Всех тех, кто остается в нем.

А мы? Что с нами будет дальше?
Пройдя невидимый рубеж,
Продолжим жадно, как и раньше,
Среди сомнений, бед, надежд

Ловить мгновения бытия,
Пока нас двое: ты и я...

ПОЭЗИЯ

Полина Орынянская

(Балашиха, МО)

По эту сторону зимы

Сладки и пряны привкусы заката.
Густеет воздух, легким тяжело.
И моря разноцветное стекло
о берег бьется. Как шероховато
ложатся тени на вечерний мир
и режут свет на дольки апельсинно,
как тонконого в море входит пирс...
Позвякивая цепью, словно псина,
причмокивая бортом на волне,
кемарит лодка – золотая шпрота.
Босым ногам и камушкам на дне
щекотно.

А там, вдали, где рвется горизонт
на тучи и холодные приливы,
откуда век за веком гонит норд
барашков по волнам нетерпеливо,
там печи топят, посмотри: дымы
ползут по небу белыми клубами.
А здесь, по эту сторону зимы,
остаток дня лениво тянем мы
солеными губами...

Бусины

Лето – ласточка в зените.
Рвется к морю, на прохладу
занавески бледный ситец...
Как настойчивы и жадны

эти жаркие ладони,
эти ласковые губы...
То ли полночи бездонней,
то ли дни пошли на убыль, –

словно бусины, похожи,
словно петельки на спицах.
Отпусти меня, хороший,
не поется мне, не спится...

Три цвета лета

Когда желтеют листья тополей,
я различаю в памяти своей

три цвета лета. Первый – золотой.
Он плещется на дне усталых глаз.
Веранда. Вечер. Скучное лото.
Речных буксиров сумеречный бас.

Потом на плеск реки да ивняки
ложится темень (это цвет второй).
Оттуда прилетают мотыльки,
их целый рой.

Они стучатся крыльями в окно –
нам все равно,
мы – вдох и выдох, жаркий силуэт.

А третий цвет...

и ночь, и день на чашечках весов
лиловой предрассветной тишины,
и наши руки переплетены,
и сны
прошиты ниткой птичьих голосов...

Поздние яблоки

Тонкой прозрачной ниткой
шьется судьба к подолу.
В сумраке зябком, зыбком
тлеет осенний холод –

желтой свечой бессилья
(руки тонки и ломки),
красным огнем осины,
синим огнем конфорки.

Помнишь, от поздних яблок
ранняя осень млела?
Ты позабыл, а я бы
снова в рассвете белом

слушала, как поется
пчелам в уставших травах
и как гудит в колодце –
гулко, прохладно, ржаво...

Маетно без тепла мне...
Шли бы себе и шли бы
к речке – смотреть, как в плавнях
солнце плеснется рыбой.

За полдень – чай с вареньем,
и попадаешь в путы
лени и светотени...
Сумрак. Врастаю будто

в черную землю-горечь,
в сонную немочь света.
Как седина в узоре
переплетенных веток,

тянется, гаснет, тает
облако-снегоноша.
Нянчи меня до мая,
холодно мне, хороший...

Ко дну

Холод. Февраль. Я тихонько иду ко дну,
будто на счастье брошенная монетка.
Можно ли бросить на счастье?.. Качнется ветка.
Птица взлетит (всплывет?) надо мной в саду.

Помнишь июньскую пригоршню земляник?
Я нанизала их на травинку, помнишь?
Время не слишком торопится мне на помощь,
привкус у памяти сладок, горяч и дик...

Мутно течение белой зимы-реки.
Ветер спускает со снежного неба стружку.
Вечер – большая синяя рыба-кит, –
тихо подплыв, целует меня в макушку...

Муха в янтаре

Зима была корявой и скупой
на снег и синь, и солнце в этой сини.
Свинцовых туч болезненный припой
стекал на крыши, с крыш и между ними,
и четких линий не было сто дней,
и света в мире не было темней,
и тьмы на свете не было тревожней.

Чего ждала? Не знаю. Ничего.
Не встретив, проводила Рождество...
Мне кажется, что я вот так, до дрожи,
всю зиму простояла у окна –
то гордо, то на все готова, лишь бы...
И вечером была тебе видна
издалека, подсвеченная рыжим...

Бессмыслица... Как муха в янтаре...
Смешно и горько. Здравствуй и (тире)
входи же.

Просто и легко

Отсыпано по пригоршне, по чуть
и снега мне, и лепестков цветочных.
Я ничего на свете не хочу –
все есть и так. Я к жизни этой прочно

пришита стебельками первых трав
и нитями осенней паутины.
Меня целуют теплые ветра
и любит замечательный мужчина.

И, поднимая голову чуть свет,
я вижу свет и слышу птичьи крики.
И знаю: ничего вкуснее нет
июньской переспелой земляники,

и маминых оладушков с чайком,
и дедова дурного самогона.
И потому мне просто и легко,
оранжево, просторно и влюбленно.

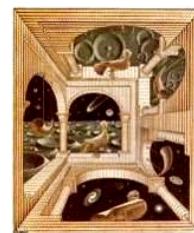

Л. Попова. Бакалейная лавка. Холст, масло. 1915 г.

ПОЭЗИЯ

Светлана Ос

(Москва)

Бэки Т.

– Милости просим!
– Чудесный вечер!
(Время расшаркиваться в гостях).

«В город приехала Бэки Тетчер», –
Тома соседи оповестят.
Сойер в ответ не издаст ни звука
(Экая невидаль – дочь судьи!).
Прочие в очередь жмут ей руку –
Все незнакомы, но все свои.
В Санкт-Петербурге сезон прохладный
(С градом и ливнями по ночам).
Бэки, продрогнув, стоит в парадной.
Том не выходит ее встречать.
Тома волнуют иные темы
(Дети, любовница, курс валют),
Вместе с долгами растут проблемы,
Страхи возводятся в абсолют.
Тайно читая заметки Бэки
(Вспомнишь – и станет нехорошо),
Том засыпает в библиотеке,
Видит в кошмарах индейца Джо,
Видит, как в тесном купе вагона,
Стайкам химер помахав рукой,
Первым же рейсом до Вашингтона
Бэки вернулась к себе домой,
Как позабыла слова и лица
(Повод к волненью по мелочам)...

Том через год навестит столицу.
Бэки не выйдет его встречать.

Расстрельное

В час, когда под будничной коростой
Боль внутри безумней и острей,
На забытый Богом перекресток
Выведут тебя как на расстрел.

И свинец, и сталь – неумолимы,
Но дрожит с оружием рука:
Твой палач всегда стреляет мимо...
Значит, попадет наверняка.

Заведи себе врага

...А на дальних берегах,
Если сердце – не из робких,
Заведи себе врага
В черной шелковой коробке.
Пусть, свободою влеком,
Он скребется в ней ночами
Под серебряным замком
За стальными обручами.
Утянув на дно свинцом,
Пусть сознание пьет и волю,
Дышит пламенем в лицо
И шипами руки колет,
И во сне клыком кривым
Перекусывает вены...
Ты и он – две головы
Изумрудной Амфисбены, –
Не свои в чужом миру,
Прочно сцеплены хвостами.
Всё играете в игру,
Всё меняетесь местами.

Волчок

Не броди, не думая ни о чем,
По неровно скошенной полосе.
Говорят, за лесом живет волчок –
Он не так уж страшен, не так уж сер.

Окна-двери заперты на крючок,
Проглядев до одури глаз нули,
Ждет волчок, когда заживет бочок
И другое-прочее, что болит.

Он летал за вереском по ночам,
Он искал до неба путей простых,
Но его печаль – не твоя печаль,
А твоей печали и след простыл.

Не ищи укромный его приют,
Колыбельных грустных не голоси:
Он опять уляжется на краю...
...А тебе останется – укусить.

Никто

*Да будет так,
Как в сказках не о том...*

Сочится мрак
Сквозь ночи решето.
Знакомый дом
Чуть виден вдалеке.
Я в нем – никто.
Приятно быть никем,
В глухом пальто
И с тысячей причин
Молчать о том,
Что о другом молчим –
Что за горой
В серебряном снегу
Немой герой
Стоит на берегу
Лицом к реке
Под мерный шум волны.
В его руке –
Крюки и гарпуны.
Он там стоит,
Куда бы он ни шел,
Он был убит,
А позже воскрешен.
Страшной огня
Глаза его горят.
Он ждет меня
Который век подряд,
С зашитым ртом
И тенью на плече...

Но я – никто.
Меня уже ничем...

В час, когда я умру...

Звуки и краски сна
Призрачны и легки:
То ли твоя струна
Звонче моей строки,
То ли моя строка
Тоньше твоей струны.

Небо несет река
С Северной стороны.

И за один глоток
Чистой воды живой
Каждый заплатит в срок
Сердцем и головой.
Проданное за грош,
Время замедлит бег.

В час, когда ты умрешь,
Я замолчу навек.

Будущей долгой тьмы
Прошлым не искупив,
В мире и порознь мы –
Звенья одной цепи,
Только замерзших рук
Холодом не согреть..

В час, когда я умру,
Ты перестанешь петь.

Панночка

Очерти этот круг. И еще один круг. Вот – мел.
 Очерти наугад: первый – в сердце, второй – в уме:
 Между явью и сном, между светом и тьмой, Хома.
 Разуверь себя в том, что иллюзия – не обман.
 Не ищи судьбоносные знаки ни там, ни тут,
 Не смотри, как в тебе пробуждается прежний Брут –
 Ты сильнее его, ты – надежда окрестных бурс,
 И такие, как ты, никогда не меняют курс
 На параде планет, где идут за звездой звезда:
 Выбери хоть какую – любая ответит «да»...
 ...Только нет, не Ее – этот выбор для всех табу, –
 Что летает ночами в сосновом своем гробу
 По-над городом тенью, не видимая никем,
 Только ветер по крышам и рябь по Москве-реке...
 Ей сигналит рассвет, заприметив ее едва,
 Но не видит она, потому что она мертва.
 Под словами ее рассыпаются в прах листья,
 Ей земля – как погост, а на нем – куполов кресты,
 Ей людское – тюрьма, а за гранью его – простор...
 На таких виражах выживают один на сто.
 Остальным суждено провалиться за окоём,
 Потому что лица нет и имени у нее,
 Только пепел в руках, только яд и свинец в крови.
 Только Вий может с нею поспорить и только Вий
 Равен ей по природе, по сумраку из-под век:
 Он – такой, как она, тоже – нежить, не человек...
 ... А покуда всерьез не жалеется ни о чем,
 И покуда тебе не наскучила жизнь еще,
 И из проклятых бездн не доносятся смех и вой,
 Открестись от Нее тонкой линией меловой,
 Раздели мир на два, и рассеется колдовство:
 Что мертво за чертой – то уже навсегда мертво...

Как никто другой

Разбившись о витражное стекло,
 Шальная птица вырвется на волю
 И упадет со сломанным крылом,
 Ни страха не почувствовав, ни боли,
 Когда под злые выкрики зевак
 Ее закружат мартовские воды...
 (Никто не дорожит свободой так,
 Как истинный заложник несвободы.)

Себя и жизнь не в силах превозмочь,
 Не человек – разменная монета
 Однажды станет королем на ночь,
 Проспав с захода солнца до рассвета.

И пусть, случайным сном упившись всласть,
 В реальности он жалок и смешон, но...
 (Никто не любит так успех и власть,
 Как от рожденья этого лишенный.)

Засохший тополь смотрит не дыша,
 На лик звезды, сияющей сквозь тучи.
 И от благоговения дрожат
 Корявые, изломанные сучья,
 Когда к ее лучам сквозь синий мрак
 Он тянется, предчувствуя блаженство...
 (Никто не ценит совершенство так,
 Как жертва своего несовершенства.)

ПОЭЗИЯ

Евгений Староверов
(Пермь)

Аннушка

Аннушка, милая, ну как же так, ну зачем ты?
Вновь в окне, морозно ведь, грудь застудишь.
Ладога встала, машины несутся лентой,
я вот тебе тут корочку... как ты любишь...
Коли нет, он на фронте, сейчас там трудно.
Ты опять забыла... А хочешь морковного чаю?!
В городе холод, туман и совсем безлюдно,
пей, хорошая, и я тебе почитаю.

На Кировском, знаешь, нынче крупу давали,
слава Богу, успели с Дорогой жизни.
Микрюковы? Умерли. Горские на Урале,
скоро солнышко доброй улыбкой брызнет.
Ну-ка, гнездышко сделаю милой из одеяльца,
спи, я рядом, и значит совсем не страшно.
Дай мне руку, сейчас я согрею пальцы,
Коли нет, но пишет, и это важно.

Вот, послушай, сейчас я очки надену:
«Мама, папа, вы слышите пушек рокот?!
Гоним фрицев в Берлин и потом в геенну,
вон с планеты, в котлы, к родовым истокам!
Эх, приехать бы к вам на сутки, всего на часик,
но нельзя, ведь зверюга еще лютует.
Ишь, земли восхотел, но нажрется грязи,
за сирот, за церкви, за Русь Святую».

Спи, родная, ведь скоро весна, капли,
вон как льды на Ладоге ночью гнутся.
Будут солнце, цветы в травяной постели,
Коля пишет...
до Майских хотел вернуться...

Дремлют ивы

Ефиму Шаулову

Полночь, дремлют ивы над рекой,
Катят волны – вечные скитальцы.
Бьется разум с подлою строкой,
Помышляя высосать из пальца.

Древний кот оберткою шуршит,
Перестарок и ровесник века.
Временный носитель той души,
На пути к личине человека.

Как и я, мечтатель и урод,
Фантазер, хоть не кормил бы хлебом.
Спи, сердяга, скоро твой черед,
Отбывать отмеренное Небом.

Дровяник, развалы гаража,
Не на людях – гадкая примета.
И помчит лохматая душа,
Занимать вакантного поэта.

Так и я под утро, в час быка,
Брошу всё – кручины, неустойки.
И войду в лихого кошака,
Главбандита хуторской помойки.

После будет – ну конечно – дождь!
Я ж под дверь буду мяргать глухо.
И тогда меня ты подберешь,
И накормишь, и почешешь брюхо.

Глаза

Он опустился на ступень крыльца,
уткнувшись лбом в тулуп упругой шерсти.
Глаза собаки, взгляд на пол-лица,
и ожиданье неминуемой вести.
Он промолчал. А что тут говорить?
Катился вечер греком темнокожим.
Сидели молча. Тлела мысле-нить.
Ах да, душа! Она молчала тоже.

И где-то там, в низине под горой,
уже состав готовился к забегу,
Чтоб потерять себя во тьме сырой
и обездолить пса и человека.
Всего пять лет, контракт, работа, долг.
Мелькнут, как тень, и снова собираться.
– Ну что ты смотришь на меня, как волк?
– Пять лет – пустяк, но мне уже двенадцать!

Так он ушел – и обнулился круг –
туда, где жизнь коварная, как грабли.
И в голове металась мысль: «А вдруг!»
Но глас рассудка усмехался: «Вряд ли».
Все так же ночь смеялась в небеса,
кричала выпь, окрестности пугая.
И долго-долго, добрые глаза,
ему вослед смотрели не мигая...

Ноябрь

Ночь и снег, отрава греет кружку.
Свирепеет буря в небе голом,
Одевая в теплую ночнушку
мой приют, пропахший валидолом.

Воеет пес, метелью растревожен,
в конуре, подшитой старым драпом.
Подливает масла, волчья рожа,
Не решится: спать или по бабам.

По тэвэ вселенская чернуха,
Ничего для вздорного поэта.
Депутат с лицом от Винни Пуха,
Чей-то экскурс «Как я делал это».

Сто рублей – заначка до зарплаты,
На плите картофельные стейки.
И ноябрь, задумчиво-поддатый,
В затрапезной старой телогрейке.

***

Накрыла туча жерёбым брюхом мою берлогу, огни села,
струна вскричала на грани слуха, Пизанской башней упала мгла.
Заснул петух расшеперив глотку, в квартире сумрак, притушен свет.
Бухают двое – стакан и водка, а к ним прицепом смешной поэт.
Гитара, вскрикнув потертой медью, запела, грустно ладя струной.
Кривые пальцы, баррэ на третьем, и песня «Миленький ты мой».
А в песне той бездорожье, сани, утраты, слезы и чей-то крик.
Глядят сквозь сумрак разлук глазами Сольвейг старуха, Пер Гюнт старик.
Светает. Выпито без остатка, потухли свечи, взведен курок.
В такие ночи ревется сладко, и умирается между строк...

ПОЭЗИЯ

Олег Иванов
(Москва)

Память

...А над Плющихой
  снег идет.
В библиотеке детской
  тесно –
Сюда душой приходим
  греться,
Ведь нам плющихинское
  детство
Никак покою не дает.

...А над Плющихой
  снег идет.
Идет и глушит звон
  трамвая,
А мы, себя не понимая,
Вскочить стремимся
  на подножку.
Всех помним –
  Ленку и Сережку,
Друзей ушедших имена,
И за стаканами вина
Как будто душу очищаем,
Снимаем времени налет...

...А над Плющихой
  снег идет.
И вновь кого-то кто-то
  ждет,
Вновь патефон
  в раздумье томном
Поет о солнце утомленном.

И вновь, как в детстве,
  все мы правы.
Там, за рекой,
  гремят составы,
И сердце учащенно бьется.
Подростий внук в дорогу рвется.
Снег тает и ручьями льется

По нашей Мухинской горе.
Коль я не прав –
  скажите мне.
...А над Плющихой
  снег идет...

***

На смерть собаки

Случилось. Умер верный друг.
Друг бессловесный, друг безродный.
С глазами – океан бездонный.
Бесстрашный, лающий, скулящий,
Друг преданный, друг настоящий,
Друг ласковый по кличке Джек.
Ушел, как будто человек.
...В раю, по слухам, стало тесно –
Ему я уступаю место.

Москва XXI века

Москва мне кажется чужой.
Я не могу понять ни слова,
Хотя брожу кругами снова
По обновленной мостовой.
Брожу, следов не оставляя,
Средь свежеевыкрашенных стен.

И лишь Москва-река седая
Не может нам простить измен.

***

Спадают голубые тени
От куполов и от креста.
А я склоняюсь на колени
Пред ликом белого холста.
Ни добрых слов, ни угощенья,
Ни подаянья не прошу.
Прошу одно – прощу прощенья,
Но знаю: снова согрешу.

Московский BAZAR № 2 (32) 2020 г.

***

Сергею Полякову

Кремль было видно с крыши той,
И древних башен очертанья,
И звезд рубиновых сиянье,
И купол неба налитой.

А в черной лестнице пролет
Уходит вверх все выше, выше...
И мыс тобой уже на крыше,
С которой начался полет...

Плющиха – первый шаг в пути,
Арбат, Рождественка, Тверская.
Взрослея, жизнь не упуская,
Стремилась мы себя найти.

Движенья каждый поворот
Непредсказуемостью манит.
Казалось: жизнь нас не обманет,
Но был недолог твой полет.

Он вдруг струною оборвался.
И на Плющихе ты остался...

Кремль было видно с крыши той,
И звезд рубиновых сиянье...
И мы, Плющихи два созданья:
Ты – вечно юный, я – седой.

Мир было видно
с крыши той...

***

В науках я не сёк...
Ответы по шпаргалке.
Не мог я отличить
Знак «пи» от аш два о,
Но как любил гулять
С девчонкой по Таганке
И, сжав в руке пятак,
Тайком бежать в кино.

В науках я не сёк...
Мне недоступны были
Давление, объем
И масса твердых тел,
Зато любил смотреть,
Как мимо школы плыли
Груженные суда
И как закат алел.

И слушал, как стучат
На Киевском вагоны.
Как заводской гудок
Свой проверяет бас.
Как по утрам везут
Молочницы бидоны,
Чтоб свежим молоком
Попотчевать и нас.

В науках я не сёк...
Зато любил ночами
Из букв лепить слова
И думать: «Я – поэт!»
И было так легко...
И ходики стучали,
Стучали, как шаги
Моих грядущих лет.

Встречались на пути
Победы, пораженья,
И беспощадный быт,
И творчества запой.
В науках я не сёк...
Но сила напряженья
Повсюду и всегда
Довлела надо мной.

В науках я не сёк...
И жизнь за то простила.
До церкви – два шага,
До Бога – высоко.
Но тянет всё туда,
Где это было, было:
И физики урок, гудок и молоко.

Московский BAZAR № 2 (32) 2020 г.

ГОРОДСКОЙ АЛЬБОМ

авторская рубрика

Елена Галустова

(МОССАЛИТ, Москва)

УЛИЦА НОВОПЕСЧАНАЯ.

АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ

Фото автора

«Улица как улица. Ничего особенного...»

Так начинается повесть Сергея Баруздина «Я люблю нашу улицу». Речь идет, как многие уже догадались, о Новопесчаной, где и жил писатель. Во многих произведениях Баруздина еще много раз будет возникать образ любимой улицы.

Ул. Новопесчаная, 14. Вид от парка

И действительно, здесь что ни дом, то история, что ни человек, то легенда. На Новопесчаной в разные годы жили: иллюзионист Вольф Мессинг, офтальмолог Святослав Федоров, писатели Вениамин Каверин, Юлий Даниэль, Василий Ажаев и Георгий Гулия, физик Андрей Детлаф, авиаконструкторы Николай Камов и Сергей Егер, историк Николай Павленко, оперная певица Леокадия Масленникова, актер Альберт Филозов... По этой улице ходила в школу и соседнюю библиотеку будущий политик Ирина Муцуовна, а тогда просто Ирочка, Хакамада. Да и сегодня можно запросто проехать в троллейбусе со знаменитым «Шараповым» – Владимиром Конкиным, прогуляться по парку с африканистом Александром Балезиным и обсудить новости с бас-гитаристом группы «Крематорий» Николаем Коршуновым.

Улица как улица. Ничего особенного... Но, как и всякая другая, она хранит множество тайн и легенд.

Московский BAZAR № 2 (32) 2020 г.

Надо отметить, что Новопесчаная, точнее этот участок улицы, примыкающий к современному Ленинградскому проспекту, существовал еще до революции и входил в состав патриархального села Всехсвятского, названного так по близлежащему храму Всех Святых. Сама история села не менее интересна и ведет свое начало с 1498 года.

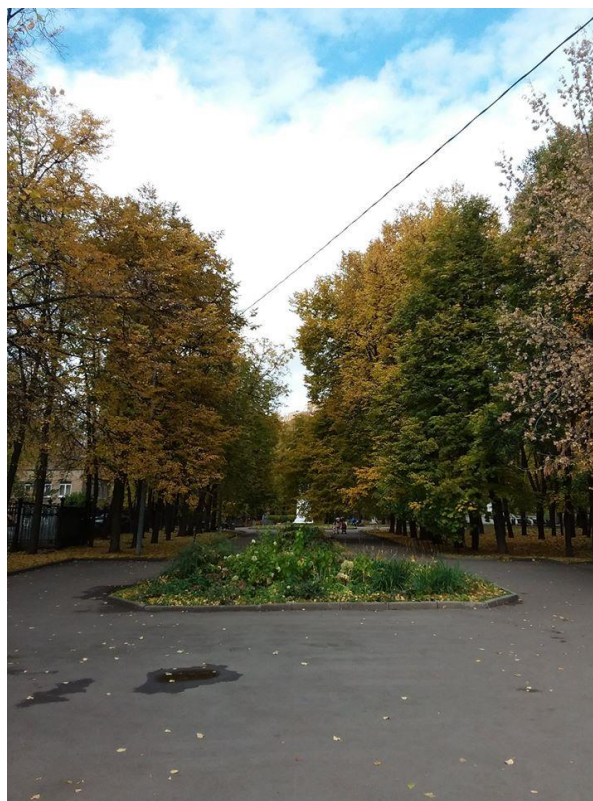
В начале XX века здесь были не только крестьянские поселения, но и загородные дачи состоятельных москвичей, покой и уют которых нарушила Первая мировая война. И вот уже один из парков стал Братским кладбищем героев, а бывшие усадьбы превратились в госпитали и приюты для увечных. А спустя еще двадцать лет ничего не останется и от летнего офицерского клуба «Кукушка»: на месте Всехсвятской рощи, где и находился клуб, разобьют детский парк культуры и отдыха Ленинградского района.

Когда-то «Кукушка» славилась своей библиотекой (книги пожертвовал князь Шеховской, а меблированную обстановку клубу подарила семья бывшего генерал-губернатора Долгорукова). Тихими летними вечерами здесь играли в преферанс и крокет, давали балы и концерты (рояль перекочевал сюда от князей Оболенских), устраивали семейные пикники и домашние спектакли.

«Почему все-таки "кукушка"?» – спросите вы. На этот счет есть интересная история. Известно, что клуб был основан по повелению великого князя Сергея Александровича в 1891 году. На строительство будущей деревянно-кружевной «Кукушки» деньги обирали сами офицеры из своих жалований, часть пожертвовал владелец ресторана «Ярь» Алексей Судаков. Архитектором основного здания, а также флигеля для унтер-офицеров и сторожки истопника стал Александр Попов. При строительстве здания было срублено старое дерево, на ветвях которого находилось гнездо, некогда облюбованное кукушкой. И еще долгое время птица прилетала сюда и жалобно куковала над своим разоренным жилищем. Красивая легенда, но вернемся к Новопесчаной улице.

Довоенная реконструкция Ленинградского шоссе (участка современного Ленинградского проспекта) не предусматривала застройку пятка будущей Новопесчаной улицы. О ней вспомнили лишь после Великой Отечественной: зеленый район рядом со станцией метро «Сокол» (тогда она была конечной) как нельзя лучше подходил для нового строительства.

Уже во время войны архитекторы задумывались над строительством разрушенных городов, реставрацией уничтоженных жилых кварталов. Архитектура буквально дышала триумфом победы и была готова встретить своих победителей новыми домами улучшенной планировки. Идеальный город-сад, каждый из которых выполнен по индивидуальному проекту, с парками и скверами, фонтанами во дворах, дома с лепниной и гипсовой балюстрадой на фасаде. Всем хотелось верить и надеяться на перемены к лучшему в уже мирной жизни.

Парк героев Первой мировой войны

Не секрет, что именно архитектура стала приоритетным направлением народного хозяйства конца 1940-х – начала 1950-х годов. Стиль «Триумф», «сталинский ампир», «симбиоз неоклассицизма и ар-деко» – у «сталинок» множество названий. Почему-то в 1990-е стало модным ругать эти дома за напыщенность и малофункциональность: они, дескать, так и не решили квартирный вопрос, многие по-прежнему проживали в густонаселенных коммуналках и полуподвальных помещениях. Но так могут говорить лишь те, кто незнаком с истинной причиной архитектурного «роскошества».

Город-сад и Сталин

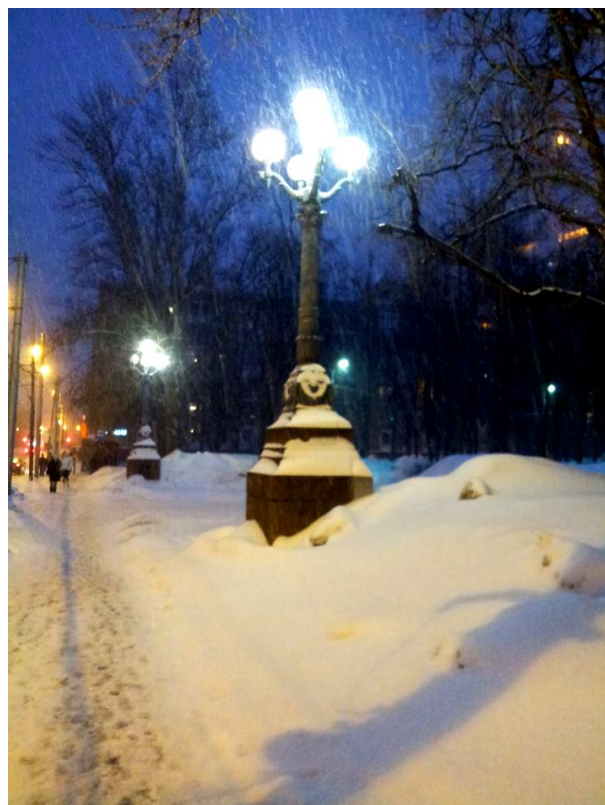
Начало строительства Новопесчаной относится к 1948 году, и по генеральному плану застройки этот объект значился как «Проезд 700». Сегодня в справочниках можно встретить утверждение, что свое название улица

получила все в том же 1948 году, но это не совсем так: еще живы первые новоселы, которые помнят, что пару лет эта улица носила название проезда. Свое теперешнее наименование улица обрела, скорее всего, лишь к 1950 году и до 1956 года писалась по тогдашним правилам русского языка не иначе как «Ново-Песчаная».

Но и тут возникает множество вопросов. Почему именно Новопесчаная, а скажем, не «улица Красных Авиаторов» или еще пафоснее – «улица Сталинских Соколов» (на Новопесчаной проживало немало летчиков-асов, например, Герой Советского Союза генерал-майор Владимир Лакатош, Герой Советского Союза майор Николай Худяков, Герой России полковник Борис Карасев, генерал-лейтенант Юрий Фотинов, поэтому такое название было бы справедливым)?

Конечно же, как подсказывает логика, это должно быть название, отличающееся от уже имеющегося, но близкое по созвучию. Итак, была Песчаная (во времена Всехсвятского – Песочная – по характеру грунта данной местности) улица, другая же обязана называться как Новая Песчаная или, скажем, Большая Песчаная (вариативность в данном случае несущественна). Но оправданно ли такое безликое наименование для улицы (а по некоторым данным в будущем и проспекта), которой надлежало соединить Ленинградское и Хорошевское шоссе, общая протяженность которой вместе с современной улицей Куусинена (первоначально 1-я Хорошевская) составляет более трех километров? Может, не так уж далеки от истины те, кто утверждает, что будущую Новопесчаную хотели назвать Сталинской (или Сталинским проспектом)? А если так, то почему в итоге не назвали?

Попробуем разобраться. Начнем с доказательств в пользу «Сталинской». Сразу оговорюсь, что это лишь предположение, никаких весомых доказательств, увы, встретить не удалось.

Фонарь на улице Новопесчаной

Улица Новопесчаная, дома 14 и 16

Если вы сегодня пройдёте по Новопесчаной улице, то непременно заметите декоративный элемент в виде пятиконечной звезды в круге на мачтах опор освещения и силового кабеля троллейбусных проводов, а перекочевали они сюда ни много ни мало с улицы Горького! Но и на Тверской они сохранились до сих пор и неплохо, между прочим, дополняют современные конструкции. Так стоило ли снимать с центральной улицы города декор в пользу улицы районного значения? Стоило ли привлекать к строительству обычной улицы архитектора Зиновия Розенфельда, на счету которого проектирование домов для высшего состава Наркомата авиационной промышленности, жилых домов для сотрудников Генштаба, а также «милицейских» домов на Кропоткинской? Стоило ли новоселам еще два года проживать в Проезде 700? Не думаю. Вероятнее всего, на Новопесчаную делались совсем другие ставки.

Но если это утверждение верно, то почему в итоге Новпесчаная так и не стала Сталинской? И здесь тоже свои доводы, пусть и не очень правдоподобные. Говорят, что после окончания строительства домов первой очереди (с 4 по 11 дом) сам Иосиф Виссарионович то ли проезжал мимо, то ли намеренно приехал посмотреть на «свою» улицу. Но, по одной версии, ему категорически не понравилось то, что улица заканчивается тупиком (тупиком оказался газончик между школой – тогда она только строилась – и будущим кинотеатром «Ленинград», которого на тот момент еще не было), по другой, его возмутили «низкорослые» дома, которые затем в спешном порядке стали надстраивать: так появились мансардные этажи, напоминающие скворечники. Тогда же Новопесчаная чуть не лишилась своего названия в первый раз.

В 1973 году улице все же пришлось расстаться со своим привычным названием: Новопесчаная была переименована в память о бывшем руководителе ГДР Вальтере Ульбрихте. Надо ли говорить, что жителям нововведение пришлось не по нраву! И только спустя двадцать один год, в 1994 году, улице вернули ее прежнее, историческое наименование.

Архитектурный беспредел!

Так, выражаясь современным языком, пожалуй, мог воскликнуть Никита Сергеевич Хрущев, глядя на Новопесчаную с высоты 1955 года. А все потому, что именно 4 ноября 1955 года он стал инициатором Постановления ЦК КПСС и СМ СССР «Об устранении излишеств

Фонтан на улице Новопесчаной

в проектировании и строительстве». Задержись строительство Новопесчаной на каких-нибудь 5-6 лет, и мы бы с вами увидели совсем другую улицу.

Разработать генеральный план застройки в районе Песчаных улиц поручили архитектору П. Помазанову, строительство, как я уже отмечала выше, велось группой архитекторов во главе с З. Розенфельдом.

Строительство здесь отличалось ударными темпами: каждое здание возводили за три-четыре месяца. И это спустя три года после окончания самой страшной войны XX века! Столь быстрое возведение жилых домов объяснялось прежде всего тем, что для данного проекта специально были разработаны межэтажные железобетонные плиты, которые укладывались в один прием, а в качестве межкомнатных перекрытий использовались гипс и шлакоблок. Хотя, если честно, в домах первой очереди в качестве стен можно обнаружить и дерево. Фасады домов облицованы белым силикатным кирпичом (понятно, что со временем цвет становится далеко не белым, а серым, но так он называется в противоположность красному кирпичу), а все декоративные элементы, будь то руст, наличник или фронтон, также изготавливались на заводе и монтировались одновременно с кирпичной кладкой, что, несомненно, сокращало строки строительства и являлось для того времени безусловным новаторством.

Сегодня во многих путеводителях можно встретить запись, что строительство на Новопесчаной улице осуществлялось с привлечением пленных немцев, но это не так. Их труд использовался при строительстве так называемых чечулинских домов на Хорошевском шоссе. Здесь же постройка домов осуществлялась силами строительных батальонов. Говорили, что дома строили солдаты, но, видимо, истории наложились друг на друга, что и породило это утверждение.

Высокие потолки не менее трех метров, просторные подъезды, широкие лестницы, двухстворчатые окна – после деревянных бараков людям казалось, что они попали в сказку. И не беда, что в первых домах не было лифта (по правилам градостроительства один лифт был положен только в домах высотой не менее 6 этажей, два лифта – в домах не менее 10 этажей), в мансарде летом жарко, а зимой холодно, а в будущем из-за смещения кровли будет протекать крыша. Главное – свой дом!

Неудивительно, что новый квартал облюбовали кинематографисты. Не берусь судить о художественных достоинствах кинокартины «Человек родился», на мой взгляд, сегодня этот фильм интересен тем, что можно увидеть Новопесчаную улицу в ее первоначальном виде.

Московский BAZAR № 2 (32) 2020 г.

Съемки проходили в 1955 году, в кадр попали дома около фонтана, а также строения с номерами 14, 16 и 5. А еще в массовке принимали участие новоселы Новопесчаной улицы. Среди них – мои мама и бабушка, их соседи. Говоря об архитектурных особенностях Новопесчаной улицы, нельзя не упомянуть о доме под номером 11. Его еще называют «Дом с мезонином». Но Чехов, как вы уже догадались, в данном случае ни при чем. Надстройкой в виде башенки это здание заметно отличается от других. Старожилы утверждают, что этот «нарост» нес какие-то особенные,

Кадр из фильма «Человек родился», 1956 г.

наблюдательные функции, вероятно, еще была жива память о минувшей войне: неспроста окна были расположены по всему периметру, что давало обзор на все 360 градусов.

Один из жильцов дома вспоминал, как, будучи еще подростком, лазал туда с одноклассниками по навесной лестнице, ведущей из подъезда наверх. Почему-то ему запомнилась панцирная кровать в абсолютно пустой комнате. Дежурил ли там кто-то на самом деле или дворник оборудовал себе спальное место, сейчас уже не скажет никто.

В списках не значился...

И снова не стоит проводить параллели с литературным произведением. Речь пойдет о самом, пожалуй, необычном, если не сказать таинственном, доме на всей Новопесчаной улице. Как только его не называли: и «жэковский», и «дом с сиреной», и «дом с бомбоубежищем», и просто «четырнадцатый». И каждое свое название он оправдывает с лихвой.

Чем, собственно, необычен этот дом? Только лишь тем, что здесь жили мои дедушки и бабушки, прошло детство моей мамы и юность отца? Да, не скрою, я люблю свой дом. Это мое *место силы*. Иногда мне кажется, что он живет своей особой, самостоятельной жизнью. Что он сам выбирает себе жильцов: одним дарит покой и уют, других, несправедливо завладевших квадратными метрами, наказывает протечками, засорами и холодными батареями центрального отопления.

Здесь испытываешь чувство умиротворения и сопричастности истории: многие из нас, жильцов, – наследники первых новоселов, кто в третьем, а кто уже и в четвертом поколении. И уезжать, поверьте, отсюда не хочется. А те, кто расстанется с нашим домом, делают это весьма неохотно.

Говоря о необычности нашего дома, стоит отметить то обстоятельство, что его изначально не было в генеральном плане застройки Новопесчаной улицы! Вот только представьте себе: напротив сквера с фонтаном – пруд, а чуть правее – парк. И не было бы сберкассы, парикмахерской и магазина «Мясо». Вот такой набор бытовых услуг был в этом доме в советское время. Сейчас арендаторы распилили первые этажи на маленькие закутки, вмещающие в себя мелкую торговлю от одежды до зоотоваров, – дань времени. Как говорится, ничего личного.

Улица Новопесчаная, 14. Зима, фонтан

Но, как вы понимаете, так было не всегда. Строился он по индивидуальному проекту на воде, причем в прямом смысле слова. Именно здесь протекала река Ходынка, по другим данным – Таракановка (первая версия более убедительна), которую ради такого случая, взяли в коллектор. Но так ли было необходимо строить еще один дом, рискуя «подмочить» архитектурную репутацию?

Во-первых, это было интересно в плане архитектурных решений.

В эксплуатацию дом номер 14 вводился последним, в 1955 году. Заказ на строительство дома, в котором планировалось разместить семьи высших чинов ВВС и ПВО, исходил от Минобороны. Ну что делать, если всем места не хватило в доме 75 по Ленинградскому проспекту, более известном как «генеральский дом»? Это был второй решающий фактор.

Почему именно здесь? Ответ напрашивается сам собой: близость к Центральному аэродрому на Ходынке, Первой школе летчиков (ныне «немецкая» спецшкола № 1249) и летному общежитию (в настоящее время – гостиница «Сокол») в Чапаевском переулке определили местоположение нового дома. Здесь же в 1950 году в Чапаевском парке по распоряжению Василия Сталина было начато строительство спортивного центра Дома офицеров ВВС МВО, но в 1952 году, по официальной версии, из-за нехватки средств строительство было приостановлено. И все офицерские вечера по-прежнему проходили в ДК им. Чкалова на улице Правды. Этот особняк имеет давнюю историю. Когда-то им владели Рябушинские, в советское время это был Дом культуры авиаработников, затем здесь были различные игорные заведения, в частности казино «Империал», а сегодня – Китайский культурный центр. Неподалеку от ДК, на Красноармейской улице, располагалась военная поликлиника № 45 МО СССР. Это медучреждение функционирует до сих пор.

Но вернемся к дому номер 14. Близость к Братскому кладбищу дает некоторым основание утверждать, что дом стоит на костях. Это не так. Если посмотреть на довоенную карту района (она помещена в открытом доступе в интернете), то становится понятно, что граница кладбища проходила на уровне кинотеатра «Ленинград». Более того, старожилы помнят, что в конце 1940-х годов была в парке сторожка, которая по традиции строилась у ворот, и располагалась она напротив горки, напротив теперешней часовни.

Все, кто хоть раз побывал в доме, отмечают его обманчивую симметричность. И действительно, по непонятным причинам, левое крыло здания заметно отличается от правого, хотя, предположительно, они должны быть зеркальными. Нумерация квартир осуществляется против часовой стрелки: это не московская, а ленинградская традиция. Возможно, что кто-то из строителей был родом из города на Неве. Интересен и тот факт, что дом был оборудован выходом в бомбоубежище: это было отголоском времени. И сегодня можно спуститься в подвал и увидеть заваренные бункерные двери. Кто-то из старшего поколения рассказывал, что, будучи мальчишками, они доходили до середины Ленинградского парка, а если идти дальше, то можно выйти к станции метро. К сожалению, проверить это утверждение не

Московский BAZAR № 2 (32) 2020 г.

представляется возможным, двери заварили из соображений безопасности еще в далеком 1980 году, перед московской Олимпиадой.

Когда в конце 1970-х годов шло строительство олимпийских объектов, то сноился ряд домов, не отвечающих требованиям того времени. Надо сказать, что Новопесчаная практически не пострадала в отличие от своего соседа – Чапаевского переулка. Там снесли кафе «Сокол» (сегодня оно осталось лишь на открытках да в фильме «Живите в радости») и здание самоуправления села Всехсвятского. Новопесчаная не досчиталась лишь гипсовой балюстрады по периметру крыш: выполненная из гипса, она за тридцать лет пришла в негодность, осыпалась и грозила нанести увечья проходившим по улицам гражданам. Восстанавливать ее не стали, а заменили железным штакетником.

Примечателен и тот факт, что дом был телефонизирован одним из первых, и в отличие от своих собратьев относился к Тушинскому телефонному узлу, тогда как остальные дома по Новопесчаной были приписаны к Ленинградскому. Как вспоминала жительница соседнего дома, первые номера телефонов начинались с ДЗ-75-20, затем телефонистке надо было сообщить добавочный номер из четырех цифр.

Более пятидесяти лет назад из дома исчезли газовые колонки, тогда как в соседних домах они стоят до сих пор. Уже четыре года как из общего коридора убрали дубовый (!) паркет. Второй год идет капитальный ремонт, и с каждым днем дом теряет свою индивидуальность...

И, конечно же, самое главное достояние дома – это его люди. Несмотря на высокие воинские звания, боевые подвиги, они были простыми людьми, умели радоваться жизни и сопереживать человеческому горю. Сегодня сложно представить, чтобы малознакомый сосед завалился к тебе в гости, а тогда двери на замок не закрывались. И радость, и несчастье переживали вместе, совсем как в песне Кирилла Крестошевского:

*Ах, как хочется вернуться,
Ах, как хочется ворваться в городок
На нашу улицу в три дома,
Где все просто и знакомо, на денек,
Где без спроса входят в гости,
Где нет зависти и злости – милый дом,
Где рождение справляют
И навеки провожают всем двором...*

Улица Новопесчаная, 14

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Наталья Абрамцева
(Москва)

КАБЛУЧКИ

Много лет назад – может, двести, а может, и триста – в одном маленьком городке жил Сапожник. Обыкновенный городок: узкие улицы, острые шпили главных зданий. Обыкновенный Сапожник. Хороший Сапожник. Вот однажды под вечер приходит к нему заказчик – самый известный в городе Адвокат. И просит к утру сшить ему сапоги, да как можно лучше, наряднее.

– Завтра, – объясняет, – у меня очень важный суд: защищаю совершенно невиновного человека. Вот я и хочу повнушительнее выглядеть.

– Хорошо, – говорит Сапожник, – очень постараюсь. Не волнуйтесь.

Только ушел Адвокат, бежит Девушка. Спешит, торопится, волосы светлые разлетаются.

– Дорогой Сапожник, помогите! Завтра в парке Большие танцы. Туфельки мне нужны для вальса! Такие туфельки, такие... – запнулась Девушка, покраснев.

– Знаю, знаю, какие нужны тебе туфельки. Приходи утром.

Знал Сапожник и тайну Девушки: она очень хотела, чтобы на вальс ее пригласил один молодой гончар. Только принялся Сапожник за работу, ворвался в мастерскую Мальчишка. Таких рваных башмаков Сапожник за всю свою жизнь не видел.

– Да-а-а, – ни о чем не спрашивая, сказал Сапожник.

– Покрепче, пожалуйста, – попросил Мальчишка, – а то у меня привычка такая: что увижу, все пинаю – и камень, и бревно.

– Ладно, – кивнул Сапожник, – сошью из самой прочной кожи. А привычка плохая. Отвыкай!

Постоял Сапожник возле двери в мастерскую, подождал, – может быть, еще кто зайдет. Нет. Всё на сегодня. Взялся за работу. Быстро работал, умело. Вот готовы чудесные, из мягкой кожи сапоги для Адвоката. Вот розовые с золотыми бантиками туфельки для Девушки. А вот прочнейшие башмаки для Мальчишки. Поставил Сапожник все три пары рядом на рабочий стол, лег спать.

Ночь. Окна темные. Звезды яркие. Луна большущая. И ночь какая-то странная. Что-то волшебное в ней, сказочное. Дело в том, что в эту ночь у одной молодой и легкомысленной Феи был день рождения. Ночью – день рождения? Ну и что? Ведь у Феи и не такое бывает.

Захотелось этой Фее что-нибудь забавное и хорошее сделать. Полетела она по городу, понравилась ей вывеска мастерской Сапожника. Заглянула в мастерскую. На секунду задумалась Фея и рассмеялась. И тут же поменяла каблук на новой обуви. Девушкины каблочки – адвокатским сапогам. Мальчишкины – девушкиным туфелькам. Каблуки Адвоката – мальчишкиным башмакам. Фея так ловко, волшебным образом сделала это, что со стороны ничего не было заметно. Снова рассмеялась Фея-озорница и улетела.

Московский BAZAR № 2 (32) 2020 г.

Утром Адвокат, Девушка и Мальчишка приходят один за другим. Благодарят Сапожника, радуются вместе с ним, что такие внушительные сапоги вышли, такие чудесные туфельки, такие наипрочнейшие башмаки.

И никто не знает их главного, волшебного, подаренного Феей секрета! Дальше все вышло так, как задумала Фея. Надел адвокат новые сапоги (сапоги с девушкиными каблукками) и отправился на заседание суда. Пришла его очередь выступать. Хотел начать речь, а тут каблукки вспомнили, что они с туфелек для вальса. И закружился Адвокат в танце... Совсем неожиданно и для себя, и для всех! Испугался, удивился, а потом ему понравилось! С упоением, напевая, кружился Адвокат вокруг судьи, прокурора, зрителей, невиновного обвиняемого. Только одному танцевать неудобно, вот и подхватил Адвокат судью. Тот сначала сопротивлялся, потом покорился, а потом увлекся, и ему понравилось. Так хорошо танцевал Адвокат! Кружился старый судья в огромном напудренном парике, длиннющей красной мантии и думал: «Да, старик я. Вот как, оказывается, решаются теперь в суде справедливые дела». И чтобы доказать, что он все правильно понял, ударил молотком Закона по столу приговора. И провозгласил: «Обвиняемый признан невиновным!» И хотел, как обычно, сказать в заключение: «Да здравствует Король!» Но почему-то, улыбаясь, добавил: «Да здравствует вальс!»

И вдруг – кр-рак! – отвалился каблук Адвоката. И перестал он танцевать. Чуть смутился, совсем чуть, потому что все были довольны. Ведь обвиняемый и правда был невиновен: просто он вылил чайник холодной воды на соседского петуха, потому что этот зловредный петух каждое утро в три тридцать распевал под его окном. Нарочно будил! Невиновный оправдан. Адвокат больше не нужен. Кр-рак! Фея знает свое дело.

Ну а что с Мальчишкой? Пришел в школу в новых башмаках (с каблуками Адвоката). Учитель вызвал отвечать этого совершенно безнадёжного двоечника. Уроков Мальчишка, как обычно, не учил, а отвечать стал правильно, гладко, убедительно. Учитель от удивления всхлипнул и сказал:

– Я догадывался, что ты способный. Хоть и лодырь.

Никто, кроме веселой Феи, не знал, что в этом каблук Адвоката виноваты. Ведь дело Адвоката – правильные, гладкие, умные речи говорить. Огромную пятерку, сильнее всех прежних двоек, поставил учитель.

И кр-рак – сломался адвокатский каблук на мальчишкином ботинке: не вечно Мальчишке чужими правильными словами говорить. Фея знает свое дело.

Ну а Девушка? Невесело ей. Отменили Большие танцы. Не пригласил ее на вальс молодой гончар. Возвращалась домой опечаленная Девушка. Поблескивали на заходящем солнце золотые бантики новых туфелек (с мальчишкиными каблуками). Идет Девушка мимо футбольного поля, ребята мяч гоняют, по непонятным причинам мяч подкатил к ногам Девушки. И тогда мальчишкин каблук толкнул ее ножку; приподняла Девушка длинную шелковую юбку и изо всех сил ударила розовой туфелькой с золотым бантиком по мячу. Полетел, полетел мяч и в ворота влетел. В воротах – лучший вратарь города: молодой гончар. Удивился он, посмотрел на Девушку и... точно понял, что прекрасней ее нет во всем мире. Заметила это Девушка, рассмеялась весело, почти как Фея.

И кр-рак – сломался мальчишкин каблук. Зачем он теперь? Фея знает свое дело.

А вечером к Сапожнику пришли вчерашние заказчики. Адвокат – гордый победой на суде. Мальчишка – первый раз в жизни получивший пятерку. Счастливая Девушка. Довольные пришли, радостные, хоть и со сломанными каблуками. Ох и удивился Сапожник! Ох и сокрушался Сапожник! Ох и извинялся Сапожник! Первый раз за всю карьеру такой конфуз... К утру как новые будут. А заказчики его успокаивали. А заказчики благодарили. А заказчики радовались.

Московский BAZAR № 2 (32) 2020 г.

Взялся Сапожник за работу. Вот и все готово! Сапоги Адвоката, туфельки Девушки, башмаки Мальчишки.

...Ночь. Темные окна. Яркие звезды. Большая луна. Чудесная ночь. Обыкновенно-чудесная ночь. Ни у одной Феи не было в эту ночь дня рождения. А потому ждали Адвоката внушительные сапоги, Девушку – изящные туфельки, Мальчишку – неразбиваемые башмаки. Отличные вещи, но не волшебные. Молодая веселая Фея уже сделала доброе веселое волшебное дело.

Вот такая история произошла много лет назад – может, двести, а может, и триста – в маленьком обыкновенном городке.

СКАЗКА О ВЕЧЕРЕ

Тебе бывает грустно? Бывает иногда? Чаше вечером. Днем все нормально, столько дел разных, интересных, но вот приходит вечер, и тут все может быть по-разному. Хорошо-хорошо или грустно.

Может быть, это происходит оттого, что лучи вечернего солнца порозовеют и белые-белые розы в саду станут чуть розовыми, а желтые лесные кувшинки будто изнутри засветятся тихим розовым светом. В такой розовый вечер просто невозможно грустить. В розовый вечер хочется рассказывать или слушать добрые сказки и дарить друг другу подарки.

Но не все вечера розовые. Бывают лиловые. В лиловый вечер лучи заходящего солнца гаснут быстро, белые розы окутывает лиловая дымка, желтые лесные кувшинки перестают светиться и тускнеют. Лиловый вечер становится грустным. Что же делать в такой вечер, как не грустить?

Отчего бывает вечер лиловый, печальный? Отчего розовый, веселый? Я думаю, дело вот в чем: наденет старый колдун Вечер розовый плащ, и розовеет все кругом, и появляются розовые облака, а веселые и добрые сказки затевают суматошную игру чехарду. Наденет старик Вечер лиловый плащ, и опускается лиловый туман, и веселые сказки, будто испугавшись чего-то, прячутся в кармашки самых послушных девочек.

Ты, может быть, думаешь, что колдун Вечер злой и ему нравится навевать печаль своим лиловым плащом? Ошибаешься. Я расскажу тебе о Вечере, и ты поймешь, что не злой он. Вечер – старый колдун с седой бородой – жил в лесу в бревенчатом доме, а вокруг дома был маленький сад. Совсем крошечный. В нем росли только те цветы, что распускаются вечером: белый душистый табак, ночная фиалка и петунья. Нежная петунья была двух цветов – розовая и лиловая, как плащи у Вечера.

Днем старый колдун Вечер любил работать в своем маленьком саду. У него была помощница – кошка Бланка. Белая-пребелая. Потому ее и звали Бланка, ведь на языке волшебников «бланка» означает «белая».

Бланка была кошкой старого колдуна, и неудивительно, что она научилась у него некоторым колдовским вещам. Например, варить замечательное клубничное варенье из обыкновенных камушков. Дело в том, что и кошка Бланка, и колдун Вечер очень любили клубничное варенье.

Но не в этом дело, о другом поговорим. Много лет жили старый колдун Вечер и его белая кошка в своем лесном доме. Бланка не только варила варенье. Старый колдун Вечер поручал ей, когда приходило его время, доставать из сундука и приносить один из его вечерних плащей – розовый или лиловый.

Бланка – добрая кошка, и потому она каждый раз старалась принести розовый добрый плащ. Не хотелось ей, чтобы Вечер наряжался в печальный лиловый. Старый колдун заметил это.

– Милая Бланка, – сказал он не сердито, – ты очень рассеянна. Ты, видно, забыла, что у меня есть еще и лиловый плащ. Раз он есть – нужно его надевать. Хотя бы иногда, просто порядка ради. Будь добра, принеси, пожалуйста, лиловый плащ.

– Ах, повелитель, – отвечала хитрая и добрая Бланка, – дело в том, что ваш лиловый плащ, он, видите ли, не совсем в порядке... У него бахрома запуталась.

– Надеюсь, завтра он будет готов? – спрашивал Вечер.

– Конечно, – отвечала Бланка и смотрела в сторону. На некоторое время старый колдун Вечер забывал о лиловом плаще. Ведь ему, в сущности, все равно. Но вскоре цвет лиловой петунии напоминал о себе. И тогда Вечер снова говорил, не сердито говорил, потому что никогда не сердился:

– Милая Бланка, что-то я все в розовом и в розовом, если тебе не трудно, приготовь сегодня лиловый плащ.

– О повелитель, – отвечала добрая и хитрая Бланка, – мне совсем не трудно, но вам так идет розовый цвет.

– Ну что ж, – соглашался Вечер. – Тогда лиловый приготовь завтра. Ведь мне, в общем-то, все равно.

Бланка грустно повиновалась. Грустно, потому что ей не все равно. Не любит она, когда грустят люди в лиловые вечера.

Теперь ты знаешь, отчего бывают вечера розовые и вечера лиловые. Если вечером у тебя хорошее настроение, а вода в озере розовая, и розы в саду розовее, чем днем, значит, позаботилась об этом обыкновенная белая кошка Бланка. Но не совсем обыкновенная, а та, что умеет варить замечательное клубничное варенье из обыкновенных камушков.

НУ ЧТО ТЫ, КОШКА!

Жили-были блестящая сосулька, свисающая с крыши, вредная черная кошка с желтыми глазами, которая любила бродить по этой крыше, и воздушный шарик желтого цвета. Сначала сосулька не была знакома ни с кошкой, ни с шариком. Сосулька была очень красивой, блестящей, искрящейся. Когда на нее падал солнечный луч, она будто загоралась, и казалось, в ней спрятано множество разноцветных елочных игрушек.

Черная кошка с желтыми глазами страшно завидовала красивой сосульке. И напрасно. Ведь у нее, у кошки, такие замечательные горящие желтые глаза.

А потом прилетел желтый воздушный шарик. Откуда он летел – неизвестно. Но, пролетая мимо сосульки, шарик зацепился за нее своей веревочкой.

– Привет! – сказал он сосульке. – Я летал-летал, устал совсем. Можно за тебя зацепиться и немного отдохнуть?

– Конечно, – ответила сосулька. – Цепляйся и отдыхай.

Желтый шарик потуже затянул на сосульке свою веревочку, и они принялись болтать о том о сем. А вредная кошка сидела рядом, перегнувшись через край крыши, упиравшись задними лапами в черепицу, и смотрела на сосульку, блестящую на солнце, и на шарик, который сам был похож на маленькое желтое солнышко. Кошка уже и желтому шарикуну завидовала, забыв о своих собственных желтых-прежелтых глазищах.

Московский BAZAR № 2 (32) 2020 г.

А сосулька и шарик тем временем разговаривали вот о чем. Сосулька рассказывала шариком о том, что скоро пригреет солнце, и она капелька за капелькой слетит вниз, на тротуар, превратится в лужицу, и в ней будут купаться веселые смешные воробьи.

– Это будет очень забавно и приятно. Правда?

– Да, конечно, – согласился желтый шарик. Ведь у него был тоже веселый характер. – Это будет замечательно!

А вредная кошка, свисая с крыши, чуть не задыхалась от зависти уже не только к сосулке, шариком, но и к будущей лужице, и смешным воробьям! Кошка так завидовала, что у нее из глаз чуть искры не сыпались.

И тут ее увидели сосулька и желтый шарик.

– Ой! – сказал шарик. – Какие у тебя красивые желтые глаза! Желтые, как я.

– Ничего подобного, – сказала кошка, пытаясь пограциознее устроиться на покато́й крыше. – Ну ничего подобного! Мои глаза гораздо желтее.

– А сверкают так же ярко, как я на солнце! – восхищенно заметила сосулька.

– Неправда! Вот неправда! – Кошка от возмущения чуть с крыши не свалилась. – Неправда! Ярче сверкают мои глаза!

– Хорошо. Пусть ярче, пусть желтее, – согласились сосулька и шарик, – не сердись. Иди к нам. Поговорим о разных веселых вещах, – позвали они кошку.

Но кошка надменно отвернулась:

– Вот еще! Буду я болтать о разной чепухе!

И она отошла, но совсем недалеко: ведь ей очень хотелось услышать, о чем будут говорить сосулька и шарик.

Ни о чем тайном, секретном они не говорили. Погода была такой солнечной, такой легкой, что не хотелось говорить ни о чем серьезном. Шарик рассказывал сосулке, что, пролетая мимо крыш, он видел много сосуллек, но такой веселой и разговорчивой не встречал. Кошка только насмешливо фыркнула. Сосулька рассказала, как на днях видела маленького мальчика с шариком. Только не с желтым, а с синим, и не с круглым, а с длинным, как огурец. И назывался этот длинный синего цвета все равно – шарик. Сосулке и желтому шариком это показалось очень смешным. И они рассмеялись. При этом шарик подпрыгивал на своей ниточке, а сосулька весело позвякивала. А вредная кошка опять презрительно фыркнула.

Скоро шарик отдохнул, попрощался с сосулкой и улетел. Потом солнышко стало пригревать все теплее и теплее. Капелька за капелькой стала таять сосулька. Вот и превратилась она в лужицу. И стали купаться в ней веселые воробьи. Это действительно было очень весело.

А вредная черная кошка с желтыми-прежелтыми глазищами? Как она? Не вредная уже, а грустная какая-то... Сидит на краю крыши, смотрит на веселую лужицу. По сторонам поглядывает – не видно ли где желтого шарика?.. А что еще ей остается?

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Игорь Калиш/Дядя Игорь
(Нью-Йорк, США)

Полезная пшёнка

Родители мышки
Сыночку мышонку
На завтрак готовят
Полезную пшёнку.
С диетой такой
Драгоценный ребёнок
Быстрее подрастёт,
Наберётся силёнок.
Хвост гладеньким станет
И быстрыми ножки.
Тогда убежать
Очень просто от кошки.

Колыбельная для чудовища

Чудовище-мама,
Чудовищу-крошке,
Вязала носки
На мохнатые ножки.
И ласково пела:
– Спи, детка, бай-бай,
Спи, милый, клыкастый,
Вихрастый Бабай.
Тебя никому я
В обиду не дам.
Любое чудовище
Скушаю – ам!

Взрослый моряк

В деревне однажды
Утёнок отважный
Сказал маме утке:
– Кря-кряк!
Пойду погуляю!

Пойду поныряю!
Я смелый и взрослый моряк!

Ответила утка:
– Пушистый малютка,
Плыви, морячок мой, пока!

Когда нагуляешься,
Когда наныряешься,
Вернись и доешь червяка.

Мартышки

Мартышек-малышек
Мартышка-мамаша
Кормила из ложки
Банановой кашей.
Но есть не хотели
Глупышки-мартышки,
Измазали кашей
Рубашки, штанишки,
Мартышку-братишку
И папу-мартышку.

Мартышкина мама
Сказала:
– Мартышки,
Не буду читать вам
Мартышкины книжки.

Мартышки-плутишки
Тихонечко сели
И сами всю кашу
До капельки съели.

Пират

Мушкет в руке, в другой – палаш.
 Пират пошёл на абордаж!
 Кричал, и прыгал, и стрелял!
 Упал, коленку ободрал...
 И разыгралась драма –
 Пират заплакал:
 – М-а-а-а-ама-а-а!!!

Компот для ёжиков

У ёжиков
 Нежная кожица,
 От холода
 Ёжики
 Ёжатся.
 Чихают
 Ежеминутно:
 – Апчи!
 В лесу неуютно.

А мама-ежиха
 Домой их зовёт:
 – Погрейтесь, готов
 Ежевичный компот!
 Поспите, ежата,
 Теперь до весны,
 И пусть
 Вам приснятся
 Клубничные сны!

Человечек

От слияния сердечек
 И волшебных нежных слов
 Получился человечек.
 Человечек, будь здоров!

Три кило, полметра ростом,
 Голос пробуя, кричит.
 У него всё в жизни просто –
 Мама, папа, аппетит.

Тук-тук-тук –
 Стучит сердечко,
 Изучают мир глаза.
 Он открыт для человечка
 Вот уж целых два часа.

Про бабочку, бабушку и внука

Легко порхает бабочка,
 За ней несётся бабушка
 За ручку с маленьким внучком.
 Внучок бежит с большим сачком!

Летать устала бабочка,
 Бежать устала бабушка,
 На руки просится внучок
 И тащит по траве сачок.

Бежит по лугу бабушка,
 Над ней кружится бабочка.
 В руках у бабушки сачок,
 А на плечах сидит внучок.

Семейная радость

Обрадовался папа
 И хлопает в ладоши,
 Целует в лобик мама:
 – Мой лапонька хороший!
 А бабушка и дедушка
 Сказали:
 – Хо-ро-шо!
 Какой большо-о-ой наш мальчик –
 Сам ходит на горшок!

Всё пройдёт

Когда коленку обдерёшь,
 Не хочешь вроде, а ревёшь.
 А мама чуть подует,
 В макушку поцелует,
 К себе тихонечко прижмёт...
 Ты всхлипнешь раз –
 И всё пройдёт.

Молоточки

Махнула хвостом
 Рыба-молот: – Вперёд!
 Послушно за ней
 Всё семейство плывёт –
 Сыночки и лапочки-дочки,
 Пока что ещё молоточки

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Нина Агошкова

(г. Краснодар, Краснодарский край)

Я буду космонавтом!

Я парень, братцы, боевой,
Поверьте, не шучу:
Когда я вырасту большой,
То в космос полечу.

Комету ухвачу за хвост,
И прокачусь на ней.
Среди красивых, ярких звёзд
Вдвоём-то веселей!

И облечу вокруг Луны
Легко, за пять минут.
Вдруг там, с обратной стороны
Лунатики живут?

Настанет день – вернусь домой,
Переступлю порог,
И скажет мама:
Ты – герой,
Ты – космонавт, сынок!

Дятел и хитрый короед

Солнце ясное встаёт.
Пёстрый дятел клювом бьёт
По сосне: «Тук-тук! Тук-тук!
Выходи на завтрак, жук!»
Жук в ответ из-под коры:
– Обожду я до поры.
Если выйти поспешу,
В клюв голодный угожу.
Дятлы – точно знаю я –
Короедам не друзья!

Вышивает Месяц звёзды

Ночью ясной, ночью росной
У меня над головой
Вышивает Месяц звёзды
Серебристою иглой.

Он и крестиком, и гладью
За стежком кладёт стежок.
И кометам в косы-пряди
Заплетает нежный шёлк.

Вышивает Месяц звёзды
От заката до зари.
А проверить это просто –
Ночью в небо посмотри!

Кого не боятся летучие мыши?

В лесной глуши,
В ночной тиши
Прислушайся, услышишь
Повсюду писк.
То вверх, то вниз,
Порхают, вьются мыши.

Им нет преград.
Снуют, парят,
Среди ветвей кружатся.
Едят жуков.
Боятся сов,
А кошек – не боятся!

К Острову Сокровищ

Вздымаются волны почти в небеса,
 Натянуты ветром, гудят паруса.
 Антошка – Джон Сильвер, я – Флинт,
 капитан.
 Пиратскую шхуну несёт океан.

– Карамба! – кричу я, – сто тысяч чертей!
 Руби-ка, Джон Сильвер, грот-мачту скорей!
 Нас может на дно утащить этот шторм.
 Зачем торопиться акулам на корм?

Вот мачта упала... вот стих океан –
 Команду сумел убересть капитан.
 – Пиастры! Пиастры! – кричит попугай.
 – Вон остров по курсу! Эй, шлюпку спускай!

Там клад мы отыщем, сто звонких монет!
 Жаль, мама домой позвала, на обед...

Про четвёрку

Четвёрка цифрам похвалялась ежечасно:
 Я лучше вас – умна, стройна и так прекрасна!
 Со мною некоторым цифрам не сравниться –
 На два, четыре я легко могу делиться.

И обитателям планеты очень многим
 Дано прожить свой век (да-да) –
 четвероногим!
 Четыре стороны у света, как ни странно.
 Четыре ножки у стола и у дивана.

В году сезонов – вы заметили? – четыре.
 Должны меня считать вы главной цифрой в
 мире!
 – Всё это так – зазнайке цифры отвечали, –
 И мы тебя бы королевою назвали,

Но не одобрит человечество решения –
 Ему ведь цифры все важны, без исключения!

Есть зверёк смешной, ай-ай...

Есть зверёк смешной, ай-ай,
 Он позвал меня на чай:
 – Встречу на Мадагаскаре!
 Соберёшься – прилетай!

Приземлился самолёт,
 Но никто меня не ждёт.
 – Помогите, подскажите:
 Где у вас ай-ай живёт?

Проявили интерес,
 Проводили в дальний лес:
 – Видишь дерево большое?
 Там ай-ай! В дупло залез.

Тормошила я его,
 И будила я его:
 Спит, калачиком свернувшись,
 И не слышит ничего!

– Просыпайся же, ай-ай!
 Где же встреча? Где же чай?
 Но хитрец не отвечает,
 Лишь сопит во сне ай-ай.

Самолёт летит назад –
 Эсэмэски вслед летят:
 – Извини!
 Забыл сказать я:
 Днём ай-ай крепко спят,

А гуляют по ночам...
 Может, снова в гости к нам?
 Я решила: «Не поеду!
 Пусть гуляет ночью сам!»

Водоплавающие свиньи

Свин спросил у Свинки-мамы:
– Как попасть мне на Багамы?
Я на Острове Свиней
Погостил бы пару дней.

Свинка-мать ему в ответ:
– Где взять денег на билет?
Ведь бесплатно самолёт
До Багам не довезёт.

Свинки на Биг Мэйджор Кэй
Важно ходят среди людей,
Их нисколько не боятся
И в воде легко резвятся.

Оглянись – пейзаж не хуже,
А поплавать можешь... в луже!
...Так сыночка Свинка-мама
Не пустила на Багамы...

Арбуз-капитан

Арбуз был удачлив, отчаянно смел –
Он стать покорителем моря хотел.
Вот парус на яхте надули ветра,
И плыть по волнам наступила пора.

Вдогонку усатый кричал Кабачок:
– Ты зря это дело затеял, браток!
И в обморок тыквы попадали вдруг:
– Ах! Этот Арбуз всех берёт на испуг!

– Спокойно! – в ответ им кричит капитан, –
Меня ожидают две тысячи стран.

Обратно вернусь – вам о них расскажу.
Тельняшку морскую не зря я ношу!

Мы мороза не боимся!

У мороза дел хватает:
Он за щёки нас хватает,
Ущипнуть за нос стремится,
Студит руки в рукавицах.

Мы нисколько не боимся,
Насмеёмся, нарежемся,
Потому что знаем мы:
Без мороза нет зимы!

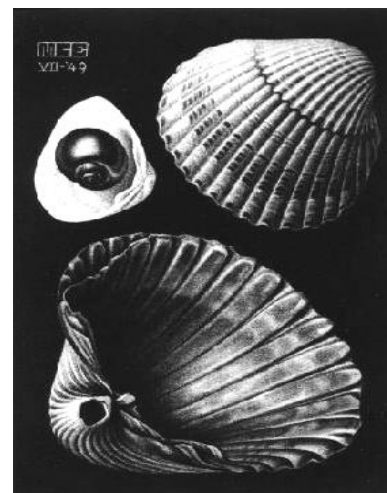

Л. Попова. Архитектурная архитектоника. Холст, масло. 1914–1915 гг.

ФОТОЛАБОРАТОРИЯ

Ольга Рыбакова
(МОССАЛИТ, Москва)

ВОПРОСЫ ИЗ ПРОШЛОГО

Удивительное время рождает удивительных людей. Стоит только задуматься, внимательно взглянуть в скупые строчки биографии, примерить, приложить к собственному жизненному опыту и меркам современного общества, как дух захватывает от восхищения: какую удивительную, насыщенную событиями, вдохновенную жизнь проживали наши соотечественники во времена, которые для нынешнего поколения миллениалов уже неотличимы от эпохи динозавров.

Плотность времени и событий, концентрация энергии и мысли – в этой питательной среде зарождается новая эпоха и человечество делает очередной рывок в развитии. Начало XX века звенит от напряжения: такого количества прорывов во всех сферах общество не знало уже давно.

Две вещи не давали покоя фотографу Алексею Савельеву – тайна цветопередачи на фотографической карточке и боязнь пропустить, не зафиксировать на фото какое-то важное событие из тех, что вихрем закружили Москву в начале 1900-х.

Алексей Иванович Савельев

Алеша Савельев родился в 1883 году в селе Бородино в бедной крестьянской семье. Все могло бы сложиться по-другому, если бы за восемь лет до его рождения именно в этом селе на собранные обществом средства не открылось земское народное училище. Вот что сказано в отчете, напечатанном во «Владимирском земском сборнике», в декабрьском номере за 1884 год: «Помещение наемное, деревянное, отдельное; по свету и теплоте удобное; квартира учительнице есть; классных комнат одна – длиной 11, шириною 7, вышиною 3,5 аршин. Учебных пособий достаточно – на 48 рублей 69 копеек».

Сейчас трудно сказать, что повлияло на судьбу деревенского мальчишки: или талантливые учителя, привившие интерес к учебе, или природный пылкий ум, или искра Божья, дарованная при рождении. Главное – удивительный результат.

Идут на открытие Народной библиотеки в деревню Ясная Поляна: Л. Толстой, А. Толстая, председатель Московского общества грамотности П. Долгоруков, Т. Сухотина, В. Феокритова, П. Бирюков. 31 января 1910. Фото А. Савельева

После нескольких лет работы на Кузнецком мосту он перешел в типографию Сытина, где занялся фотографической иллюстрацией печатных изданий. Работа в типографии открывала новые горизонты, и Савельев всерьез заинтересовался техникой цветопередачи. Он самостоятельно изучил английский и немецкий языки, чтобы читать статьи зарубежных коллег, начал активно ставить химические опыты. Заработанные деньги тратил на аппаратуру, красители и реактивы, превратив свою комнату во флигеле в Тишинском переулке в подобие фотолаборатории. За что чуть не оказался на улице: хозяйка меблированных комнат не хотела терпеть постояльца, который может взорвать или спалить дом. Все закончилось миром, дело решил сделанный Савельевым фотопортрет, который хозяйка повесила у себя в гостиной – она была на нем так хороша и молода, какой не видела себя в зеркале уже много лет.

В. И. Ленин в Кремле на первом Всероссийском субботнике. 1 мая 1920 г. Фото А. Савельева

Откуда Алексей Савельев узнал о фотографическом искусстве, мы не знаем. Почему заболел фотографией – неизвестно. В шестнадцать лет он уехал из Бородина в Москву, устроился подмастерьем в фотоателье А. Грибова на Кузнецком Мосту. Сначала помогал, приглядывался, учился. Попросил попробовать – стало получаться. Грибов доверил Алексею проводить съемку самостоятельно, но работы способного ученика подписывал своим именем.

Талантливому самоучке стало тесно в маленьком фотоателье, хотелось масштаба и перспектив.

Савельев продолжил опыты, и уже через год у него появились конкретные разработки в области передачи цвета на фотографиях. Полиграфическая продукция родной типографии заиграла новыми красками. Новаторские методы злили местных конкурентов, а от зарубежных полиграфистов стали поступали предложения продать «цветные» секреты, но Савельев неизменно отвечал на них отказом.

Когда в типографском деле не осталось непокоренных вершин, Савельев вернулся к фотографии – стал фоторепортером газеты «Русское слово».

Московский BAZAR № 2 (32) 2020 г.

В его снимках пульсировала разноликая жизнь города, серии фоторепортажей беспристрастно фиксировали боль страны – баррикады из дров в 1905-м, беженцев и госпитали с ранеными в годы Первой мировой. Другие же фотографии светились гордостью за свой народ. В дни празднования столетия победы русских войск в Отечественной войне 1812 года лучшими были признаны две фотографии Савельева – одинокая фигура отдыхающего на Бородинском поле пастуха и групповой портрет разысканных фотографом шести москвичей-долгожителей – свидетелей и участников войны.

В. И. Ленин и А. В. Луначарский идут к месту закладки памятника «Освобожденный труд» на Пречистенской набережной. 1 мая 1920 г. Фото А. Савельева

Малая родина не отпускала – село Бородино осталось в сердце.

Савельев слыл среди коллег по цеху одним из лучших фотопортретистов. Портретная съемка сродни искусству, считал Савельев, и, как настоящий художник, сам выбирал, кого прославить в веках. Никто не мог ему здесь указывать. Несмотря на официальный запрет снимать и распространять изображения Л. Н. Толстого после отлучения графа от церкви, Савельев был одним из немногих профессиональных фотографов, снимавших великого соотечественника в последние годы его жизни. Эти фотографии по сей день хранятся в музее писателя. В ноябре 1910 года фотокамера Савельева вместе со всеми скорбела в Астапове и Ясной Поляне.

В годы Первой мировой войны Алексей Савельев снимал раненых, беженцев, благотворительную деятельность в госпиталях. В начале 1917 года снимал фоторепортажи о событиях Февральской революции. После установления советской власти он обратился в Моссовет с предложением о сотрудничестве. Снимал фотохронику первых послереволюционных лет.

Летом 1923 года Савельев простудился, простуда перешла в воспаление легких, от которого он умер.

Плотность времени и событий на сломе эпох спрессовывает жизнь: всего лишь сорок лет отделяют даты рождения и смерти на могиле Алексея Ивановича Савельева. Он рано ушел, но прожил жизнь так, как хотел – достойно, интересно, занимаясь любимым делом.

Вопрос, который не дает покоя по прошествии более чем ста лет: что было особенного в образовательной программе простой земской школы, что позволило простому мальчишке из крестьянской семьи самостоятельно получить необходимые знания и стать специалистом мирового уровня? Там обучали основам чародейства или черной магии? Вручали при выпуске магический кристалл? Простое перечисление покоренных Савельевым вершин заставляет поверить в искру Божью: два самостоятельно выученных иностранных языка, химия на профессиональном уровне, изобретенная и внедренная технология цветопередачи в полиграфии, за которой охотились иностранные конкуренты. И это если не упоминать прикладные навыки: фотография, газетный репортаж, типографское дело.

Савельев не был исключением – он был одним из многих. Что происходило полтора века назад в России – расцвет нации? А что происходит сегодня?

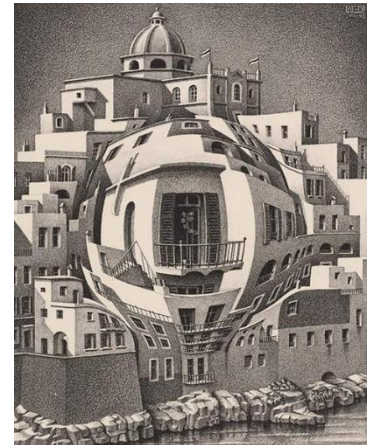
BazArt

Картинки с выставки

Игорь Бурдонов

(МОССАЛИТ, Москва)

水墨最為上。 ТУШЬ ПРОСТАЯ ВЫШЕ ВСЕГО

Год назад я получил письмо от русиста и переводчика, профессора Нанькайского университет Гу Юя (谷羽), который сообщил мне, что перевёл на китайский язык 10 моих стихотворений. Гу Юй разыскал меня через журналистку и поэтессу Ли Цуйвэнь (李翠文), которая больше 20 лет работает в Москве. Тогда же, год назад мы с Ли Цуйвэнь познакомились вживую, встретившись в библиотеке им. Платонова на семинаре МОССАЛИТа о малых жанрах в поэзии и прозе. С тех пор мы с Ли Цуйвэнь провели целый тур выступлений на разных встречах и литературных вечерах, в которых звучали стихи по-русски и по-китайски: 6 раз в литературном клубе «Подвал №1», 2 раза в Отделе Китая Института востоковедения РАН, на Фестивале Литературного Эксперимента (ФЛЭ) у Александра Бубнова и в Союзе литераторов. В «Московском BAZARe» русско-китайские и китайско-русские стихи появились во всех двух номерах 2019 года: апрельском и октябрьском. А летом мы с Ли Цуйвэнь издали книгу. Это книга-билингва и книга-перевёртыш. С одной стороны она называется «118 стихотворений Игоря Бурдонова в переводе Гу Юя 布尔东诺夫诗147首谷羽译», а с другой стороны: «文心诗18首布尔东诺夫译 18 стихотворений Вэнь Синь в переводе Игоря Бурдонова». Вэнь Синь (文心) – это литературный псевдоним Ли Цуйвэнь.

А в сентябре 2019 я поехал в Китай. Это было третье путешествие в Китай, каждый раз 16 дней и 6 человек. А точнее, 7, потому что каждый раз нашу поездку организовывала и сопровождала нас замечательный гид и красивая женщина Мин Хайчжэнь (明海珍). Для русских она взяла себе имя Наташа. Нанькайский университет находится в г. Тяньцзинь – это 100 км от Пекина, население 14 млн. Там мы встретились с Гу Юем и его другом, профессором Политехнического университета и каллиграфом Хао Эрци. Потом было посещение могилы великого поэта Тао Юань-мина в горах Лушань в провинции Цзянси. Потом был домик великого танского поэта Ду Фу в Чэнду в Сычуани. И много другого, о чём я рассказывать сейчас не буду.

Уже зимой я написал картины и под эгидой МОССАЛИТа устроил выставку в библиотеке им. А. Платонова. Дело было так. Пекинская Наташа подарила мне прекрасную бумагу, а Гу Юй – набор остальных трёх из «четырёх драгоценностей кабинета учёного» (文房四宝): кисти, тушь и тушечницу. Там ещё была киноварь для печатей. Одна печать у меня была раньше, я сам её придумал. Сначала просто резиновый штамп, но в первой поездке в Китай мне её вырезали, как полагается, из камня в городе Гуйлинь в Гуанси-Чжуанском районе Китая. Это маленькая квадратная печать внизу картин. Другую печать, побольше и продолговатую, которая видна в верхней части картин, вырезали в сентябре 2019 в старом городе Лицзян провинции Юньнань. На ней написано: «Учусь у господина Пяти ив» — это значит «Учусь у Тао Юань-мина». Пекинская Наташа придумала такой текст. И как раз накануне вернисажа, 17 января 2020 Гу Юй сообщил, что в газете Тяньцзиньжибао опубликовано его эссе обо мне под названием (в переводе на русский) «О китайских печатях русского поэта», в котором рассказывается о моих печатях, о том, как мы с Гу Юем познакомились, приводится несколько строк мои стихов и репродукция моей картины «Гуйлинь», нарисованной ещё в первой поездке в Китай. Когда я послал Гу Юю фотографии нескольких получившихся у меня картин, он ответил: у Вас на картинах раньше была абстрактная каллиграфия, но там иероглифы не настоящие, а Вы напишите настоящие китайские иероглифы. Да, это такая старая традиция в китайской живописи. Я ответил: боюсь! И какой из меня каллиграф. Но всё же решил попробовать. И вот получилось, что получилось. Я написал на картинах строчки из моих стихотворений в переводе Гу Юя. А выставке дал название «ТУШЬ ПРОСТАЯ ВЫШЕ ВСЕГО». Это слова великого китайского поэта и буддиста Ван Вэя, мастера монохромной живописи, он входит в тройку великих поэтов эпохи Тан вместе с Ли Бо и Ду Фу.

Московский BAZAR № 2 (32) 2020 г.

Там душа человека с душою книги в руках
слушает душу музыки южного ветра.

那里人的灵魂与手中书卷的灵魂
倾听清风乐曲的灵魂。

Души китайских картин

На китайских картинах не горы,
а души гор,
не дерево с корнем кривым и серебристою кроной,
а дерева душа – печальна и стара,
не журчащий ручей с ключевой водой,
а играющая душа молодой воды.

Там душа человека с душою книги в руках
слушает душу музыки южного ветра.

Души китайских картин
хранят в особых футлярах,
сделанных мастерами
давно ушедших времен.

Из цикла *Лунный календарь*

хокку

Когда мне грустно
Смотрю на деревья
И они смотрят

当我苦闷时
我就看那些树木
树木也看我

Китайцы с давних времен
удалившись от дел
уходили в горы.

远古时代的中国人
摆脱了日常琐事
为修行进入山区。

Китайцы с давних времен»

*Из цикла "стихов на рисунках".
Но рисунок уже другой.*

Китайцы с давних времен
удалившись от дел
уходили в горы.

Вот и я не противлюсь движенью руки
державшей дрожащую кисть.

Но горы мои
всё так же вдали, вдали.

Что ж ты не спросишь:
– На каком языке тишина?

你怎么不问问:
“哪种语言最平静?”

Поэтесса у окна

Окно. Ветер. Ночь. Луна.

Что ж ты не спросишь:

– Какая страна?

Окно. Ночь. Луна. Ветер.

Что ж ты не спросишь:

– Какое тысячелетие?

Окно. Ночь. Ветер. Луна.

Что ж ты не спросишь:

– На каком языке тишина?

Тает ночь. Тает Ветер. Тает Луна. Пишет стихи у окна.

Когда-нибудь, где-нибудь, кто-нибудь

сможет прочесть письмена?

Московский BAZAR № 2 (32) 2020 г.

Скажи мне, что это значит?
Куда мы с тобой идём?

请问，这是什么意思？
我和你要到哪里去？

Гора Тайшань

Скажи мне, что это значит?
Куда мы с тобой идём?
Мы идём по долине Жёлтой реки,
Мы идём на гору Тайшань.
Скажи мне, зачем это нужно?
Что мы увидим там?
Это нужно нашим потерянным душам,
Это нужно туманам и облакам.
Скажи мне, где наши души?
Где потерялись они?
Наши души в долине Жёлтой реки,
Они на вершине горы Тайшань.
Скажи мне, а кто же мы сами?
Кто движет моими ногами?
Кто говорит моим ртом?
Я ничего не знаю, не задавай вопросов.
Просто двигай ногами – в сторону Жёлтой реки.
Просто гляди глазами – с вершины горы Тайшань.
Скажи мне, что будет дальше?
Скажи мне, что будет после?
А дальше уже не будет,
А после не будет вовсе.
Только туман – в долине последней Жёлтой реки,
Лишь облака – на вершине последней горы Тайшань.

После дождя пасмурным весенним днем

На душе моей печаль не светлая – темная, темная.
А земля в пустынном парке – мокрая, мокрая.
Только птицы поют невпопад!

А деревья влажными
ветвями
успокаивают меня.
И только птицы поют
невпопад!

给我安慰的
是树木潮湿的树枝。
偶尔传来的鸟鸣不合时宜！

Сосны в горах
ветер в вершинах

山上的松树——
山顶的风。

Оклик друга

*Я долго сидел на берегу горного ручья. Я подумал:
тишина природы – это великое множество
нерожденных звуков. И я вспомнил своего самого
близкого и уже ушедшего друга.*

Сосны в горах –
ветер в вершинах.
Вода на камнях –
говор быстрины.
И все кажется, будто меня
окликает друг.

Он потом домой вернется,
Нарисует горы-воды

后来他起身回家,
想要画幅山水画

В Рукуновом переулке

В Рукуновом переулке
Во дворе седого дома
Старый тополь бросил тень.
В той тени сидел китаец
Опечаленный донельзя
От того, что слишком выпил
Нехорошего вина.
Он потом домой вернется,
Нарисует горы-воды,
И в беседке над обрывом
Будет долго созерцать.
И тогда напишет гатху
На углу своей картины
Про вино и тень, и тополь
Во дворе седого дома
В Рукуновом переулке,
Где обрел он просветленье
Неожиданно совсем.

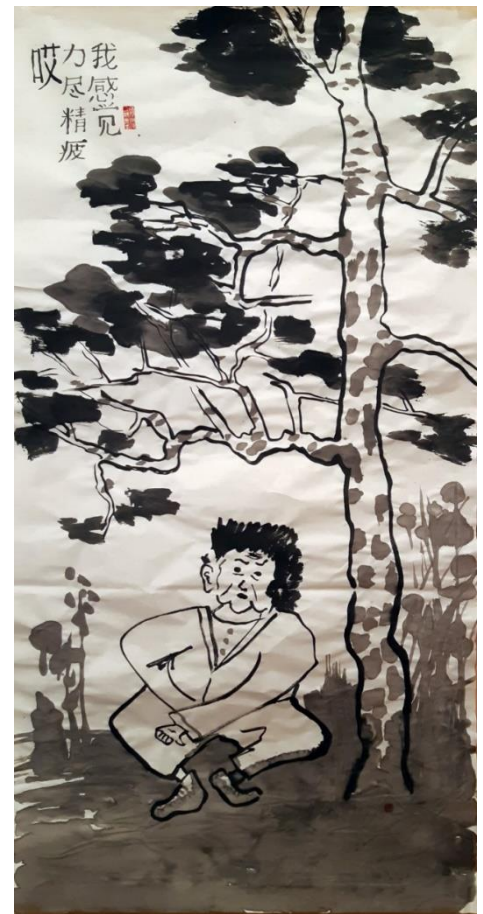
Московский BAZAR № 2 (32) 2020 г.

У меня упадок сил.
Вот.

我感觉力尽精疲
哎！

Упадок сил

Я сегодня гвоздь не вбил
И траву не покосил
И посуду я не мыл
Я купаться не ходил
Даже водку я не пил
Никого не полюбил
Ничьё сердце не разбил
Уравненье не решил
И стихи не сочинил
У меня упадок сил.
Вот.

Разделить одиночество.
Вечно несбыточное желание.

分享孤独。
永远难以实现的心愿。

Китайские поэты

*Вообще-то это у меня была эссеистическая проза,
но Гу Юй перевёл на китайский как стихи.*

Китайские поэты.

Что больше всего любили, и от чего больше всего страдали
– одиночество.

Одиночество.

Стремление к нему и стремление от него, слитые в единое
чувство, освященное авторитетом Лао и Куна.

"Хочу, чтобы Вы остались на осень со мной».

Желание разделить одиночество.

Вечно несбыточное желание.

Московский BAZAR № 2 (32) 2020 г.

Тех, кто остался со мною
на осень, я благодарю.

谁秋天留下陪我，
我想说一声谢谢。

Дали неба

*Хочу, чтобы Вы
Остались на осень со мной.*
Ван Вэй в пер. А. Штейнберга

Под широкими далями неба
осенних лесов полоса,
дубов опустелая роща
и оставшихся птиц голоса.

Времени темные воды
уносят в прошлое многих.
Тех, кто остался со мною
на осень, я благодарю.

Сон камня

*Посвящено классическому китайскому роману "Сон
в красном тереме", известному также
под названием "История камня".*

石头做梦。梦见很多花鸟。
梦见手掌和面庞并不牢靠。
梦见溪流的水并不平静。
还梦见沉入水中的眼睛。

Сон камня
Снятся цветы и птицы
Непрочных созданий ладони и лица
Ручья незадумчивая водица
И чья-то упавшая в воду ресница
И шёлк рукавов небесшумно струится.
И кто-то глядит и увидеть боится.
Истории камня печальны и светлы страницы.
Порывистый ветер то кружит, то вдаль устремится.
Каменных снов он не может нарушить границу.
Тот, кто умер, ещё раз не может родиться.
Если он не цветок и не птица.

BazArt

Светлана Сударикова

(МОССАЛИТ, Москва)

ВАРВАРА СТЕПАНОВА И ЛЮБОВЬ ПОПОВА – АМАЗОНКИ РУССКОГО АВАНГАРДА

В июле 1999 года в Берлине открылась выставка «Амазонки авангарда» (*Amazons of the Avant-Garde*), организованная музеем Гуггенхайма. Идея выставки принадлежала известному искусствоведа – ведущему мировому специалисту по музейному проектированию потомку русских эмигрантов первой волны Николасу Ильину. Кураторами стали Джон Э. Боулт, Мэтью Дратт и Зельфира Трегулова. На выставке было представлено 70 полотен из различных музеев и частных коллекций пяти художниц русского авангарда: Александры Экстер, Натальи Гончаровой, Любви Поповой, Ольги Розановой, Варвары Степановой и Надежды Удальцовой.

В ноябре выставка перебралась в Лондон, в феврале 2000-го в Венецию, в июне в Бильбао (Испания), в сентябре 2000 года в Нью-Йорк и, наконец, в 2001 году в Москву. Выставка имела оглушительный успех. В общей сложности выставку посетили более миллиона человек, тогда как Венецианскую биеннале в два раза меньше. Это неудивительно, поскольку для западного зрителя русский авангард такой же бренд, как балет и водка, кроме того, концепция, провозглашающая ценность женского искусства, тесно вплелась в набирающую популярность новую волну феминизма. Что касается самих представительниц русского авангарда, то их было гораздо больше, чем пять заявленных художниц. Вера Мухина, Ксения Богуславская, Анна Лепорская, сестры Синяковы и другие представительницы русского искусства начала XX века так же входят в плеяду «амазонок, скифских наездниц», как назвал их поэт Бенедикт Лифшиц, однако их работы не были представлены на выставке. Принцип отбора, безусловно, понятен лишь самим кураторам выставки, однако то, что Степанова и Попова просто не могли не оказаться на этой выставке совершенно очевидно. И не столько потому, что их художественные полотна имеют большую ценность, как раз в этом случае Степанова во многом проигрывает своим современницам, сколько потому, что именно Попова и Степанова, как никто другой, близко подошли к заявленной русским авангардом – и прежде всего конструктивизмом – цели: превратить искусство из созерцательного в полезное, из прекрасного в нужное.

Художницы, дизайнеры одежды, разработчики принтов тканей, преподаватели, оформители книг и театральные постановки, плакатисты, Попова и Степанова были в авангарде строителей молодой советской республики, одними из тех, кто искренне верил в революцию и исповедовал заявленные ценности.

Варвара Степанова и Любовь Попова происходят из разных социальных кругов. Их объединила революция, которую они приняли с восторгом, и авангард.

Московский BAZAR № 2 (32) 2020 г.

Любовь Сергеевна Попова родилась в 1889 году в богатой купеческой семье в подмосковном имении Красновидово в селе Ивановском. Ее дед, Максим Ефимович Попов, был купцом первой гильдии, почетным гражданином и кавалером, имел фирму «Максим Попов и сыновья», торговавшую сукном, служил в Московском коммерческом суде, был старшиной Московского биржевого комитета и членом Московской конторы Государственного банка, членом

Варвара Степанова и Любовь Попова

учетного комитета Московского купеческого банка, самого крупного московского банка. Его сын и отец Любви, Сергей Максимович Попов, унаследовал от своего отца суконное производство наравне с другими детьми, однако к моменту рождения дочери уже отошел от дел и стал меценатом. Он был настоящим русским интеллигентом, высокообразованным и высокодуховным человеком. Рабочие на его фабрике имели восьмичасовой рабочий день, медицинское обслуживание и даже народный театр. Он много жертвовал и занимался благотворительностью.

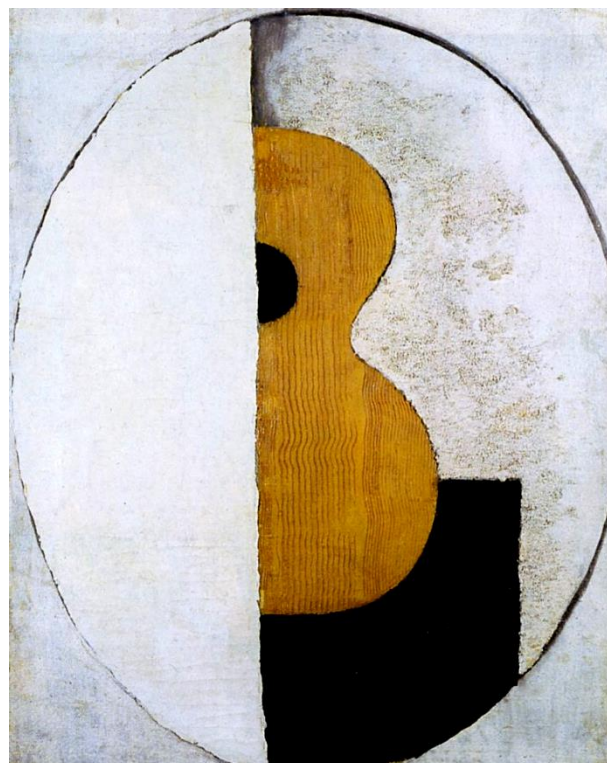
Мать художницы, Любовь Васильевна (в девичестве Зуева), также происходила из богатой купеческой семьи. Ее отец был купцом первой гильдии, владел мануфактурой в Александрове, был известным коллекционером музыкальных инструментов. В его коллекции были скрипки Страдивари, Гварнери, Амати. Сейчас эти инструменты хранятся в Государственной коллекции уникальных музыкальных инструментов. Его сын, дядя художницы, Павел Васильевич в 1990 году передал в дар Императорскому Российскому историческому музею нумизматическую коллекцию мусульманских и сасанидских монет. Родители будущей художницы были большими любителями и ценителями музыки и живописи и прививали эту любовь детям. Первым учителем живописи маленькой Любы был один из друзей ее отца, художник.

До 1906 года Любовь жила в Ялте, по возвращении в Москву поступила в гимназию С. А. Арсеньевой – женское учебное заведение, где воспитанницы получали законченное среднее образование. Одновременно Любовь изучала живопись в рисовальной школе Станислава Жуковского.

В 1908 году Попова поступила в частную художественную школу Константина Юона и Ивана Дудина. Уже там Попову отмечает стремление к самовыражению и постоянный поиск собственного творческого почерка. Она вполне могла состояться как отличный портретист или пейзажист. Однако ей было этого недостаточно. Ее творческая натура требовала иного самовыражения. Этот творческий поиск продолжался на протяжении длительного времени, вплоть до 1914 года и выставки «Бубновый валет», где, по словам историка искусств Дмитрия Сарабьянова, она «прощалась со своим робким прошлым». А до этого момента она много путешествовала по Италии, Франции, русским городам: Псков, Новгород, Петербург,

Л. Попова. Скрипка

Л. Попова. Гитара

Ростов Великий, Ярославль, Суздаль, Юрьев-Польской, Переславль-Залесский, Киев. Ее интересует древнерусская живопись и иконография, русское прикладное искусство. Необыкновенно сильное впечатление производят на нее фрески Врубеля в Кирилловской церкви в Киеве.

В Италии Попова берет частные уроки живописи, изучает произведения итальянских мастеров XIV и XV веков, особенно Джотто, Пинтуриккио и Гвидо да Сиена, архитектурные памятники Готики и Возрождения; в Париже занимается в студии «Ла Палетт», берет уроки живописи у Жана Метценже, Анри Ле Фоконье и Андре де Сегонзака. Она постоянно пребывает в творческом поиске. Ей интересно всё. Особенно новые направления в живописи, которыми был богат XX век. Она пишет картины под влиянием Сезанна и Пикассо, создает хороший кубофутуристические композиции.

В 1915–1916 годах она выставляет эти работы на «Первой» и «Последней» футуристических выставках: одиннадцать произведений на выставке «Трамвай В» и шесть на «0,10». Критики лестно отзывались о ее работах. Это были серии натюрмортов: «Часы», «Гитары» и «Скрипки». Постепенно она движется к беспредметной живописи и в 1916 году создает собственный вариант таких композиций, которые называет «живописной архитектурной». Это 40 работ, ни одна из которых не повторяет другую. Цветовое разнообразие, различное расположение геометрических фигур и супрематических плоскостей, наслаивающихся одна на другую, делают каждую картину динамичной, яркой, наполненной цветом и энергией.

В этот же период Попова подпадает под влияние Казимира Малевича и его супрематизма, участвует в создании общества «Супремус», активно разрабатывает идеи конструктивиста Владимира Татлина, ее контррельефная работа «Кувшин на столе» это типичная пластическая живопись, где органичное сочетание и единство цвета и фактуры как на плоских, так и выпуклых частях создают иллюзию именно живописного объекта.

Московский BAZAR № 2 (32) 2020 г.

Абсолютно во всех работах Попова проявляет яркую индивидуальность и талант. Она не подражает, она создает собственную живопись, она находится в постоянном движении и развитии. Экспериментом был пропитан весь воздух того времени, и Попова была одной из тех, кто стал не просто частью этого эксперимента, а его создателем и активным участником. Вера Мухина, с которой Любовь Попову связывали близкие дружеские отношения, сказала о ней: «У нее была невероятная острота восприятия жизни и искусства, чудесное ощущение краски. Она первая начала раскрывать мне сущность искусства. До сих пор я передавала только то, что видела. Попова все делала решительно и смело, легко расставалась со старым – привычками, привязанностями, живописной манерой, даже бравировала этим».

После революции в жизни художницы происходят трагические события и потрясения. Она выходит замуж за историка искусства Бориса Николаевича фон Эдинга, автора исследования «Ростов Великий. Углич», вошедшего в серию «Памятники художественной старины», рождает сына и уезжает в Ростов-на-Дону. Там оба заболевают тифом. Муж умирает, а Любовь Попова чудом остается жива, но здоровье ее сильно подорвано. В Москву она возвращается с больным сердцем, и только поддержка друзей позволяет ей постепенно выкарабкаться. Пережитые страдания отражаются на ее живописи. Ее картины больше не яркие и жизнеутверждающие. Последняя ее «Конструкция» напоминает скорее обломки некоего сооружения, в котором просматриваются кресты, острые черные воронки, наслоенные друг на друга. Красно-черно-белая тональность усугубляет тревожное настроение. Этой картиной она словно ставит точку в своих бесконечных творческих поисках.

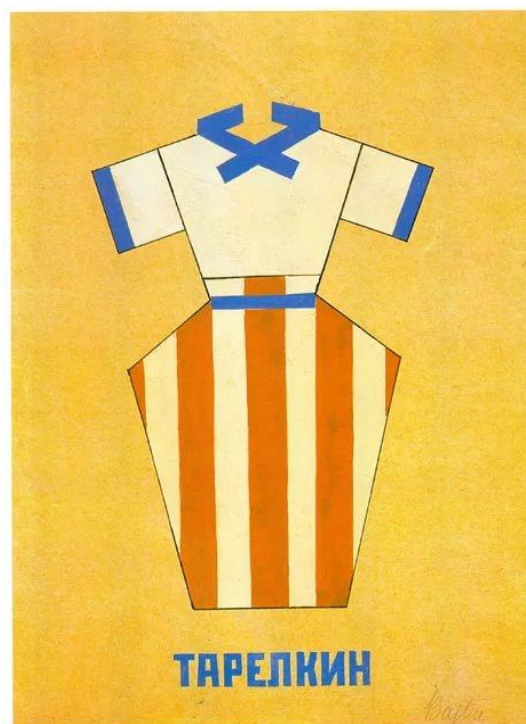
Больше она не будет заниматься живописью, считая это искусство буржуазным. С 1920 года она начинает преподавать во ВХУТЕМАСе, работает в ИНХУКе, занимается оформлением книг, журналов, создает плакаты и участвует в оформлении спектаклей, в частности работает с Мейерхольдом, который высоко оценил сконструированную Поповой функциональную установку для смены декораций в спектакле «Великодушный рогоносец» и пригласил ее читать его студентам в Государственных высших режиссерских мастерских курс «Вещественное оформление спектакля». Это период, когда Попова тесно сближается с конструктивистами, считавшими, что искусство должно быть тесно связано с производством. Свои театральные конструкции она создает в стиле конструктивизма, и именно в этот период жизнь тесно сближает ее с Варварой Степановой.

В. Степанова. Три фигуры. 1921 г.

В. Степанова. Обложка рукописной книги «Ртны хомле»

В. Степанова. Эскиз костюма к спектаклю «Смерть Тарелкина»

Варвара Степанова родилась в 1894 году в семье обедневших дворян в городе Ковно (Литва). Ее отец был чиновником, семья часто переезжала с места на место и в начале XX века обосновалась в Казани. Там Варвара, с детства мечтавшая стать художником, поступила в Казанскую художественную школу. Там же она познакомилась с Александром Родченко, ставшим не только ее мужем, но и соратником на всю жизнь. Не окончив школу, Степанова уезжает вместе с мужем в Москву, где продолжает обучение в частных студиях Михаила Леблана и Константина Юона, там и знакомится с Любовью Поповой. Однако в тот период дружеских отношений между ними не завязывается.

В Москве Степанова работает секретарем на фабрике, увлекается супрематизмом. Ее супрематические работы не так удачны, как у Поповой. Критики отмечали, что работы перегружены краской, а фигуры на ее картинах называли «головастиками». Но в отличие от Поповой Степанова была более удачливой писательницей. Под псевдонимом Варст она пишет «визуальные стихи». Стихи писались заумью, языком, придуманным футуристом Велимиром Хлебниковым, и художественно оформлялись при помощи яркой графики, разноцветных букв, иногда вместо фона использовала газетные страницы, создавая тем самым единое произведение, синтез звука и цвета. Книги она создавала от руки, поскольку издательства отказывались от ее визуальной поэзии. Сделанные собственноручно книги своих беспредметных стихов «Гауст Чаба», «Ртны хомле», «Зигра ар» и «Глоболкым» Степанова дарила друзьям.

В 1916 году у Степановой и Родченко появилась собственная мастерская. Родченко оказал большое влияние на окончательный творческий выбор своей жены, именно благодаря ему она постепенно отошла от визуальной поэзии, символистских пейзажей и графики в духе Обри Бёрдслея, и в 1921 году она пишет свои последние абстрактные работы «Фигуры» и создает вместе с Родченко «Рабочую группу конструктивистов», к которой присоединяется и Любовь Попова.

Московский BAZAR № 2 (32) 2020 г.

Конструктивисты видели роль искусства в тесном единении с промышленным производством. *«Техника и индустрия выдвинули перед искусством проблему Конструкции как активного действия, а не созерцательной изобразительности. Разрушена “святая” ценность произведения как единственной уники»*, – гласил Манифест конструктивистов. По мнению конструктивистов, живопись изжила себя, поскольку потеряла внутренний смысл, Родченко пишет «последнюю картину» – квадратное полотно, покрашенное красным цветом. Революция, с восторгом принятая Степановой и Родченко, требовала свежего дыхания и перемен не только в обществе, но и в искусстве. И таким новым революционным искусством они считали конструктивизм. По мнению создателей нового направления, станковая живопись изжила себя социально и творчески и превратилась исключительно в музейное искусство, возникла необходимость объединения искусства с промышленностью и производством. Николай Тарабукин в эссе «От мольберта к машине» писал, что деятельность конструктивистов «выходит из рамок станковизма и перекидывает мост к производству».

Именно в этот период творческие судьбы Поповой и Степановой пересеклись окончательно.

В 1922 году в газете «Правда» появилось объявление, в котором на Первую ситценабивную фабрику, бывшую до революции мануфактурой товарищества «Эмиль Циндель», приглашались художники для создания современных принтов тканей. На объявление откликнулись Варвара Степанова и Любовь Попова. И директор фабрики Александр Архангельский пошел на риск, пригласив женщин-авангардисток. Однако на тот момент они уже были хорошо известны в Москве своими работами в театральной области, в частности с Мейерхольдом. Художницы выдвинули жесткие условия: они хотели быть не просто художниками-дизайнерами, а участвовать в производственном процессе. Это именно то, к чему стремились конструктивисты – объединить искусство и производство. Для Любви Поповой участие в работе на фабрике было по-своему возвращением к семейным традициям.

На фабрике Попова и Степанова проработали всего один год. За это время они создали около сотни орнаментов. Это были орнаменты, где доминировали геометрические фигуры, обыгрывалась тема научного прогресса, присутствовала четкая ритмическая структура. Для удешевления производства использовалось не более трех цветов. Однако это несколько не упрощало ткани. Ткани пользовались огромной популярностью. Их с удовольствием раскупали по всей стране Советов, особенно в восточных регионах, где подобные рисунки во многом совпадали с традиционными орнаментами. Представители Татарии и Узбекистана заказывали вагоны мануфактуры Поповой и Степановой.

В. Степанова. Текстильные проекты

Работы В. Степановой

Это было время НЭПа. Государство вступило в конкуренцию с частным бизнесом. Вновь появились модные журналы, на которых женщины позировали в красивых платьях. Возродился дореволюционный «Журнал для хозяек», где на нескольких страницах была представлена парижская мода. Попова и Степанова требовали контактов с модными ателье и журналами для продвижения своих работ в прессе. В статье «От картины к ситцу» Осип Брик писал: *«Укрепляется убеждение, что картина умирает, что она неразрывно связана с формами капиталистического строя, с его культурной идеологией, что в центр творческого внимания становится теперь ситец, что ситец и работа на ситец являются вершиной художественного труда».*

Ткани Поповой и Степановой были повсюду, их широко использовали и частники. В витринах ГУМа висели именно эти ткани. Как писал искусствовед Яков Тугендхольд, «прошлой весной, даже не подозревая об этом, вся Москва была одета в ткани, разработанные Поповой». Ситценабивная фабрика впервые достигла дореволюционных объемов производства. А некоторые текстильные эскизы были представлены на парижской Международной выставке декоративного искусства и художественной промышленности. По просьбе жены Родченко документирует наличие тканей в витринах, сама Варвара позирует ему в одежде из собственной ткани.

Однако только разработка дизайна тканей не удовлетворяет художниц. Попова и Степанова создают модели одежды. Это соответствовало конструктивистским целям художниц. И если модельер Надежда Ламанова шила свои костюмы из штор, постельного белья и полотенец из-за дефицита тканей, то Попова и Степанова шили одежду из тканей собственного производства, поскольку основной задачей советского модельера видели массовое производство одежды промышленным способом.

Однако представление о моде у художниц было различным.

Варвара Степанова считала, что «костюм сегодняшнего дня – прозодежда» (статья в журнале «ЛЕФ» № 2 за 1923 год). Декоративность и украшательство более не нужны, одежда должна быть удобной и целесообразной. Поэтому если и нужны застежки и карманы, то исключительно для удобства использования и хранения. Она создавала одежду, «организованную для работы в различных отраслях труда, для определенного социального

Московский BAZAR № 2 (32) 2020 г.

действия», одежду для машиниста в типографии, на паровозе или фабрике, костюм инженера-конструктора, костюмы хирурга, пилота, пожарного, спорتكостюмы.

Причем различий между мужской и женской одеждой Степанова не видела, поскольку в молодом советском государстве все равны. В таком же стиле она создает и плакаты, где мужчин невозможно отличить от женщин. Гендерные и социальные отличия остались, по мнению художницы, в прошлом. Степанова считала, что художник должен участвовать во всех этапах создания одежды, начиная с разработки принта ткани и кончая готовой вещью. Она внимательно следила за всеми тенденциями в мире тканей, своих студентов просила тщательно записывать в блокнот все рисунки тканей, которые они встречали на улице. В 1926 году Степанова ушла с фабрики, поскольку руководство больше не хотело видеть геометрически-машинизированные рисунки, в моду снова входила «травка».

В отличие от Степановой Попова не отрицала моду. Она создавала элегантные пальто и стильные платья. Основной целью советского модельера-конструктивиста она считала создание массовой одежды по ценам массового рынка. Однако эта одежда должна была быть не только практичной, но и красивой. Тем не менее ее одежда строго следовала идеям конструктивизма. Платья Поповой скрывали женские формы, они были простые и свободные, однако ее модели изящны и выразительны, тканевый узор тщательно продуман и увязан с кроем изделия. Модели одежды Поповой не лишены декоративных элементов, она делает изящные воротники и красивые пояса. Свои модели Попова создает не для пролетарок, а для служащих советских учреждений, которые следят за модой и в то же время нуждаются в удобной и практичной одежде, которая должна при этом оставаться красивой и элегантной. Всего она создала около 20 эскизов одежды, которые вошли в историю моды и занимают там достойное место.

В 1985 году студентка Архитектурного института Елена Худякова по сохранившимся эскизам воссоздала костюмы Степановой и Поповой.

Работы Л. Поповой

Московский BAZAR № 2 (32) 2020 г.

В мае 1924 года Любовь Попова скоропостижно умерла от скарлатины вслед за своим маленьким сыном. За день до смерти, тяжело больная, уже потеряв сына, она искренне радовалась, когда ей сообщили, что ее модели носят сельские женщины. Она говорила, что ни один творческий успех не приносил ее такого глубокого удовлетворения, как вид крестьянки или работницы, покупающей ее ткань. До конца жизни она оставалась верна принципам конструктивизма и революции, которая, по сути, отобрала у нее все.

2-й номер журнала «ЛЕФ» вышел со статьей о Любви Поповой на развороте. «Л. С. Попова принадлежала к тем людям, которые, раз вступив на избранный путь, не колеблются, не отступают, не изменяют. Таких не так уж много. А без них никакая революционная борьба не мыслима».

Варвара Степанова пережила свою соратницу и подругу на 34 года. Она умерла в 1958 году, и тоже в мае. Степанова вела активную преподавательскую деятельность, была профессором текстильного отделения ВХУТЕМАСа, разрабатывала модели одежды, была художественным редактором в различных журналах, оформляла агитационно-политические альбомы, стала членом Московского Союза художников. В 1934 году Сталин объявил курс на развитие социалистического реализма, и из-за усилившейся цензуры Степанова не могла больше заниматься экспериментаторской деятельностью, как раньше. Она вернулась к станковой живописи. Однако былого духа в ее картинах уже не будет никогда.

*В. Степанова. «Три фигуры. Музыканты».
Картина № 23 из серии «Фигуры». Холст, масло. 1920 г.*

СОБИРАЕМ ЧЕМОДАНЫ

*Зинаида Кокорина
(МОССАЛИТ, Москва)*

ПАРИЖСКИЕ СТАРТЫ

*Когда Богу на небе скучно, он открывает окно
и смотрит на парижские бульвары.
Г. Гейне*

На старт!

В июле 2008 года мне посчастливилось совершить турне Кёльн – Париж – Амстердам. В Германии и Голландии я была раньше. Заветной мечтой было попасть в Париж. И вот – мечта сбылась! Есть много в мире городов, поражающих своей историей и красотой. И каждым из них можно восхищаться. Но есть ли люди, равнодушные к величию Парижа, история которого совершала неожиданные повороты, пересекающиеся с событиями разных эпох? Поэтому рассказ мой об этом чудном городе будет повествовательным, ведь здесь каждый шаг – это история. Я поделюсь только тем, о чем узнала за три дня – малый срок для великой истории.

Наша туристическая группа выезжала в Париж из Дрездена в десять вечера.

На автостанции, недалеко от вокзала, группировались кучки туристов. Мы прислушивались к речи. Наша группа была от русского турбюро, то есть, русскоговорящая. К удивлению, русская речь была слышна в нескольких местах. Русские, как выяснилось позже, в основном из Израиля, совершали отсюда вояж по Европе разными маршрутами.

Определившись, мы вместе со всеми туристами, беспокойно обозревали прибывающие автобусы. Давняя мечта попасть в Париж не давала душе покоя. Скорей бы... Скорей!.. И вот появился двухэтажный автобус, из которого выпрыгнул молодой человек в желтой бейсболке, как было условлено. «Это наш!» – единым выдохом воскликнула группа и ринулась к автобусу. Ох уж эта русская суетность: а вдруг, неувязочка с местами... Наконец чемоданы уложены в багажное отделение и туристы чинно разместились на этажах. Я удовольствовалась вторым – лучше обзор. Свободных мест, кстати, оказалось еще много, так как маршрут проходил через Кёльн и Дюссельдорф.

Групповод Андрей проинформировал нас о том, что у водителей есть горячий кофе, чай, сосиски, свежее пиво и тому подобное – голодными не останемся. В час ночи, когда вся группа была в сборе, он ознакомил нас с программой маршрута и пожелал хорошо отдохнуть, так как в шесть утра по прибытии в Париж к нам присоединится гид и спать будет некогда до следующей ночи. После каждой фразы он добавлял «Окей», это словечко прилепилось к его имени, и мы прозвали его Андрей-Окей. К концу поездки имя укоротилось до второй половинки.

Париж встретил нас сонными улочками, с тесно прижавшимися, как будто согревающими друг друга, домами-утюжками. Беспросветно-серое небо грозило в любой момент выплеснуть накопившуюся влагу. Но нас не смущала его нахмуренность. Все туристы были очарованы видом города-мечты.

Вскоре к нам присоединилась гид Лили и сразу внесла ясность: Париж живет ночной жизнью, а утром просыпается поздно. Обилие на улицах туристических автобусов и пешеходов наводило на мысль, что в этом городе с двенадцатимиллионным населением число туристов чуть ли не удваивает его численность.

Как выяснилось чуть позже, Лили – уроженка Питера, уже двадцать лет живет и работает в Париже. Специализация почти по всем экскурсиям показала ее профессионализм. Экскурсии, проведенные ею, были насыщены не только знанием истории, но и дополнениями из архивов и вспомогательной литературы. Заканчивая вводное слово об очередной экскурсии словами «На старт!», она резко разворачивалась и «летела» впереди группы. Попробуй тут понять, что ступни не привыкли ни к «массажному» пробегу по булыжникам, коими вымощены все улицы и площади Парижа, ни к ускоренной трусце вверх и вниз почти по всем его семи холмам...

Первым нашим стартом был подъем на самую высокую точку Парижа – Монмартр. На вершине белели купола великолепной церкви Сакре-Кёр.

Лавируя по узким улочкам и крутым подъемам с барами и кафе, куда раньше приходили знаменитые художники, писатели и поэты, автобус пробрался до стоянки. Дальше – пешком. До церкви предстояло преодолеть множество ступенек величественной лестницы. Лили предложила по желанию (пожилым и слабым) воспользоваться фуникулером.

Маршрут наш начат... Первый старт –
И взят туристами Монмартр!
Под куполами церкви Сакре-Кёр –
Париж Великий! Каждый взор
Однажды устремляется сюда
К святыне Франции – «Сердцу Христа»!

Во время передышек на площадках гид рассказывала предание о первом епископе Парижа, святом Дионисии, поселившемся здесь со своими четырьмястами пятьюдесятью учениками и обезглавленном на этом месте. Монмартр – холм мученика (*mons* – гора, *martyrum* – мученик). Интересно было узнать от Лили и о судьбе Жанны Д’Арк...

И вот перед нами: слева – церковь «Сердце Христа»; справа – высокие белые стены величественной Сакре-Кёр! Над входом конные статуи двух исторических личностей: Людовика IX Святого и Жанны Д’Арк. Над четырьмя маленькими куполами возвышаются огромный купол и колокольня, в которой находится один из самых крупных колоколов мира, весом 19 тонн. Налюбовавшись интерьером базилики, насыщенным декоративными элементами – мозаикой, мрамором, статуями, – мы поднялись на купол. Сердце замирает! Перед нами величие Франции – Париж! Внизу, насколько охватывал взор, расстилался город – 13 километров в длину и 9 километров в ширину (со всеми двадцатью районами), архитектурный облик которого, в стиле ренессанса и классицизма, складывался на протяжении многих веков.

Там, внизу, история королей, дворцовой знати, полководцев, архитекторов, скульпторов, художников, ученых.

Все еще впереди

В восторге от экскурсии, но измученные непривычным марш-броском (учитывая почти бессонную ночь), мы почти скатились в объятия автобуса. Так хотелось сесть на уютное сидение и расслабить ноги. Предстояла автобусно-пешеходная экскурсия по городу. Сочувственно-учитивые водители подготовили горячий кофе. Однако впечатления быстро прогнали усталость. Да и оптимизм гида не позволял расслабиться. Мы уже готовы были к следующему старту.

Когда часа полтора назад выходили из автобуса для подъема к церкви и проходили через небольшую площадь, то обратили внимание на кучку художников, сидящих возле своих мольбертов и выставленных на показ картин. Это площадь Тертр. Когда-то здесь хозяйничала богемная публика. На площади нет памятников. Время здесь как бы остановилось на рубеже

девятнадцатого и двадцатого веков, что придает площади свое обаяние, свой шарм. Здесь так же живут и работают, а вечером встречаются в кафе и ресторанчиках художники. Теперь, когда мы возвращались назад, площадь была многолюдной, пестрящей полотнами и прочими поделками. Длинные кисти, красиво расставленные веером, издали напоминали камышинки в вазах. Лили пояснила, что это не великие произведения живописи, но в них вложена большая любовь к Парижу

У подножья Монматра на площади Бланш красуется красная мельница. Это знаменитый театр «Мулен-Руж». В начале XIX века здесь зародился знаменитый французский канкан.

Этот танец произвел настоящий фурор в Париже. Великолепными афишами художника Тулуз-Лотрека, постоянного посетителя этого театра, артисты были прославлены далеко за пределами Монматра. По сей день в водевилях и опереттах канкан зажигает публику своим темпераментом.

Далее нам предстояло знакомиться с Парижем, не выходя из автобуса до Люксембургского дворца. Восхищались красотой и величием церкви Сен-Сюпис. Спроектированная в неоклассических формах, она строилась многими архитекторами почти век, с семнадцатого до восемнадцатого. Гид пояснила, что в интерьере, над входом, помещен один из самых знаменитых органов мира и что церковь по величине уступает только Нотр-Дам.

Совершенно по-иному смотрится самая старая церковь Парижа Сен-Жермен-де-Пре.

Построена она в романском стиле (XI–XII веков). Церковь была освящена папой Александром III в 1163 году. Белая, с высокими длинными окнами и величественной романской колокольной, она напоминает церкви Санкт-Петербурга. Стоит эта церковь на одноименной площади – одном из самых оживленных уголков старого Парижа, в чем мы убедились по ее многолюдности. Из-за множества припаркованных машин автобус наш не остановился и мы поехали дальше. Со слов гида узнали, что, начиная с послевоенного периода, писатели всех национальностей стали стекаться сюда и целые дни проводили за столиками, чем прославили многие здешние кафе.

Позже еще пару раз с высот Парижа мы любовались тем, что плотно застроенные районы его разделяются берегами извивающейся, принимающей цвет и настроение неба Сены. Зеленые просветы садов и Марсова поля геометрическими фигурами разных размеров и форм своей яркостью вносят свежесть в великолепное панно города... И вот теперь мы подъехали к одному из этих зеленых красот, обширному городскому парку – Люксембургскому саду.

Ох уж эта ограниченность во времени... Мы могли полюбоваться только большим восьмиугольным водоемом, окруженным клумбами с яркими цветами, высаженными орнаментом. Вокруг стоят статуи французских королей и знаменитых женщин. Статуи просвечивают среди деревьев в густой зелени парка. По публике заметно, что она приходит сюда отдыхать. За водоемом во всей красе виден Люксембургский дворец. Возведен он по воле Марии Медичи. Жена короля Генриха IV была родом из Флоренции и хотела, чтобы дворец

Московский BAZAR № 2 (32) 2020 г.

напоминал ей о флорентийской атмосфере. Дворец всегда был собственностью королевской семьи вплоть до революции. Здесь работает Сенат республики. Наслаждаться красотой и свежестью парка у нас не было времени. До размещения в гостинице предстояло еще посетить Пантеон, Собор инвалидов и Военную школу.

С 512 года на этом месте покоится прах св. Женевиевы, которая собрала всех женщин города и спасла Париж от варваров. Ее могила стала объектом паломничества. В 1774 году, после обращения к Женевиеве за помощью, Людовик XV оправился от тяжелой болезни и после этого дал обет воздвигнуть в честь святой церковь. В 1776 году королем был заложен первый камень. Так возник храм Нации – Пантеон. Фасад здания, после подъема по лестнице, опоясан двадцатью двумя колоннами в классическом стиле и украшен рельефом «Отечество между Историей и Свободой, вручающее венки выдающимся горожанам».

При входе в светлый и просторный зал ощущается атмосфера торжественности. Объемность зала подчеркивается колоннами, приподнятыми над уровнем пола. На треугольных сводах изображены аллегории нравственных и гражданских ценностей: Слава, Смерть, Родина, Справедливость. Живописные холсты, скульптуры, росписи – творения великих художников и скульпторов. В центре зала мерно, как пояснила гид, раскачивается маятник Фуко.

Сразу за хорами лестница, которая ведет к крипте, где в склепах покоятся тела двадцати семи великих граждан Франции, удостоенных чести быть погребенными в этом храме. Среди них политики, писатели, ученые, борцы сопротивления. В их числе Виктор Гюго, Эмиль Золя, Жан Монэ, Мария и Пьер Кюри, Вольтер и Руссо. Залюбовавшись сводом, украшенным фреской, и памятником Дидро, я едва успела догнать группу, спускающуюся в крипту...

Впечатляет здание Собора инвалидов. Квадратную структуру венчает позолоченный купол. Строгий фасад с колоннами в верхней части украшен статуями королей: «Карл Великий» и «Св. Людовик». На втором этаже – группа «Ангелы с орудиями страстей». Под куполом интерьера расположена крипта, в центре которой находится могила Наполеона. Впечатляет монументальностью, величиной и красотой!

Большой саркофаг из красного финского порфира установлен на пьедестале из зеленого гранита. Как пояснила Лили, этот гранит (извините, если ошибаюсь, массой более семи тонн), был доставлен сюда россиянами.

Тело Наполеона, одетое в форму гвардейского стрелка, хранится внутри шести гробов: первый сделан из железа, второй – из дерева акации, третий и четвертый – свинцовые, пятый – из эбонита, шестой – дубовый. По кругу крипты – хранители: двенадцать статуй «Победы». Скончался Наполеон 5 мая 1821 года, и только через девятнадцать лет, в сентябре 1840 года, останки императора были возвращены во Францию.

Московский BAZAR № 2 (32) 2020 г.

В капеллах интерьера находятся усыпальницы родственников и полководцев Наполеона. Стены расписаны фрагментами из картин, повествующих о военных подвигах Наполеона. Впечатляет пышность Собора! Французский народ чтит память Наполеона Бонапарта – первого консула (1799–1804 гг.) и императора Франции; человека огромной личной одаренности, сильного трезвого ума и непреклонной воли, беспощадного в достижении цели и великого полководца.

Военная школа – это величественное здание, расположенное в глубине Марсова поля. Когда-то здесь проходили военные маневры. От центрального здания по обе стороны разместились два боковых корпуса, в которых проживало одновременно 7,5 тысяч человек. Пред зданием «Двор чести». В левом крыле учились военные всех сословий, в правом – офицеры высшего сословия. В столовой питалось одновременно 4,5 тысяч человек, остальные 3 тысячи – обслуга. Все строение венчается куполом. Над центральным входом – огромные солнечные часы. Интерьер здания для туристов недоступен; туда можно войти только с разрешения военных властей. Правая сторона предназначена теперь для младшего офицерского состава, а в левой живут инвалиды.

Очень интересна и впечатляюща история этой школы. Большой вклад в ее открытие внесла маркиза Помпадур, желанием которой было обучить военному искусству юношей из малоимущих семей и дать им возможность сделать военную карьеру. Здесь один год обучался Наполеон, окончивший школу в звании лейтенанта артиллерии. Интересную историю рассказала гид о посещении школы Петром I. Когда он выступал перед военным составом с лестницы школы, у тех создалось впечатление, что русский царь – человек огромного роста (сами французы не высоки). Позже, при посещении Петром школьной столовой, военные не признали в нем царя. Из дневника Меншикова: Петр I заказал себе одежду французов (парик, кружева...), надел короткие штаны-кюлоты и сапоги с десятисантиметровыми каблуками (стал ростом 2 метра 32 сантиметра). С таким ростом он и остался в истории для многих.

Военные, получившие инвалидность при участии в боевых действиях, имели и имеют возможность остаться пожизненно для проживания в Доме инвалидов, при определенных строгих условиях и порядках, дабы не просить милостыню.

Все эти наши экскурсии продлились до 16 часов. Теперь нам предстоит разместиться в гостинице, отдохнуть два часа и снова – на старт!

По городу (без старта)

После двухчасового отдыха в отеле *Le Manhattan*, хоть и трехзвездочном, но очень уютном и комфортном, хотелось уже скорее очередного старта... Но теперь нам предстояло продолжить поверхностную автобусно-пешеходную прогулку по городу в сопровождении Андрея (без Лили).

За время путешествия по Парижу мы имели удовольствие много раз пересекать площадь Согласия. Отсюда можно любоваться панорамой города, Елисейскими полями, мостом Согласия с фасадом Бурбонского дворца, а также садом Тюильри, оазисом тишины и спокойствия, как отозвалась о нем гид. Вот так удачно расположена в центре города эта великолепная площадь. Трудно представить, что все эти места когда-то были обыкновенным болотом. Начиналось строительство здесь в XVII веке. Взор прежде всего устремляется на обелиск, расположенный в центре площади, который на всю свою двадцатитрехметровую высоту покрыт ажурным орнаментом. Оказывается, это не орнамент, а высеченные иероглифы,

Московский BAZAR № 2 (32) 2020 г.

из которых составлен текст о доблестных делах фараона Рамзеса. Обелиск был подарен Луи Филиппу египтянином Мехметом Али и установлен здесь в 1836 году. По углам площади красуются восемь статуй – символы главных городов Франции (Лион, Марсель, Бордо, Страсбург и др.). Впечатляют, а скорее даже завораживают два чудных фонтана с бассейнами, в которых установлено множество статуй – речных аллегорий! Всякий раз, проезжая мимо, не могла отвести глаз от этих фонтанов.

В 1661 году Мария Медичи приказала проложить в болоте дорогу для карет. Так возник знаменитый проспект Елисейские поля. Нет теперь той былой аристократичности, коей был наделен проспект и пересекающийся с ним квартал, когда в прошлых веках здесь проживало и вращалось светское общество. Перед нами современный, красивый район с богатыми магазинами, ресторанами, кинотеатрами и кафе... В самом начале проспекта стоят знаменитые «Кони Марли» скульптора Гийома Кусту, далее просматривается великолепный мост Александра III. С восхищением мы слушали рассказ гида об одном из самых красивейших мостов Парижа. Строительство его было предпринято в честь союза, заключенного между Францией и Россией (1890–1896 гг.). Мост носит имя царя Александра III. Первый камень для застройки моста заложил его сын – Николай II. Мост украшен богатым декором в виде гирлянд цветов, красивыми фонарями, которые как бы поддерживают аллегорические морские духи. Светлые тона, позолота, пышность украшений... Вид моста впечатляет!

Елисейские поля заканчиваются озелененной площадью де Голля.

От площади радиально расходятся двенадцать улиц, образующих звезду (Этуаль). Очень хорошо эта панорама просматривается с высоты. В центре площади возвышается Триумфальная арка. Построена она по воле Наполеона (1806 – 1836 гг.), который желал прославить императорскую армию. Арка высотой 50 метров и шириной 45 метров стала символом гордости французов и алтарем Отечества. Все четыре стороны ее украшены большими скульптурами из мрамора. О наполеоновских победах, о названиях крупных сражений, о военных походах – обо всем можно узнать, вчитываясь в надписи на барельефах, на щитах, на стенах внутренней части арки. Под каменной плитой в центре арки покоятся останки Неизвестного солдата, павшего в Первую мировую войну (1914–1918 гг.).

Прогулявшись по присыпанному песочком подножью арки, мы полюбовались издали на Лувр, который нам предстояло посетить на следующий день, и на автобусе поехали через Вандомскую площадь к театру «Гранд-Опера».

Вандомская площадь в форме большого прямоугольника получила свое название от расположенного здесь дворца герцога Вандома, родного сына Генриха IV. В центре площади стоит колонна со статуей Наполеона. Статуя установлена так высоко, что без пояснения гида понять, кто там наверху, невозможно. А было время, когда там стояла и фигура Генриха IV. Впечатляют 66 спиралевидных барельефов, которыми украшен ствол колонны. На них изображены подвиги Наполеона 1805–1807 гг. Памятник является гордостью Франции. Все туристы непременно приезжают сюда.

...И вот мы возле знаменитого театра «Гранд-Опера»!

Кто не слышал об этом самом большом в мире театре, который может вместить 2000 зрителей! На его огромной сцене могут находиться одновременно 450 актеров. Снаружи здание украшено множеством декоративных элементов, венчает его широкий сплюснутый купол. Перед двумя пилястрами первого уровня стоят статуи. Скульптурная группа «Танец», расположенная в центре, между статуями, завораживает красотой и тонкостью переданных движений.

В том, что сегодня в театре будет аншлаг, мы убедились по публике, которой была занята вся высокая лестница, ведущая в театр: на верхних ступеньках разместились желающие продать или приобрести билеты, на нижних – присевшие отдохнуть. Огромных размеров афиши перед зданием театра оповещали о том, что сегодня заключительные гастроли Московского Большого театра, идет опера «Борис Годунов». Нам оставалось только позавидовать и артистам, и посетителям, так как мы не могли попасть внутрь, хотя бы только для того, чтобы взглянуть на богатый и пышный интерьер «Гранд-Опера».

Теперь нам предстояло полюбоваться Эйфелевой башней. Построена она инженером-мечтателем Эйфелем к Всемирной выставке 1889 года как памятник, соединяющий небо с землей. Конструкция высотой (с телевизионной антенной) 320 метров и весом 7000 тонн, состоит из 15 тысяч металлических деталей. После открытия выставки на Эйфеля посыпался град критики и насмешек в адрес его творения: башню называли «гигантским неуклюжим скелетом» и награждали прочими нелестными эпитетами... Парижане же устроили инженеру настоящий триумф! На лифте или пешком (1652 ступеньки) желающие поднимаются до одного из трех уровней (57 метров, 115 метров и 274 метра), где можно отдохнуть в ресторане, обозревая сверху все великолепие Парижа.

В этот день мы, естественно, просто даже физически не могли выстоять огромную очередь, чтобы насладиться этим впечатлением. Но Лили сообщила ранее, что у желающих такая возможность будет в последний (третий) день. Чуть забегу вперед старта... Увидеть город с высоты первого уровня мы смогли уже на следующий день – с башни Монпарнас, подъем на которую осуществляется на самом быстром лифте в Европе (60 метров за 38 секунд). Прямо скажу, что ощущение подъема с такой скоростью не из приятных – уши закладывает. Зато восхищает сам эффект: нажал на кнопку «пуск» – и ты уже на той высоте, с которой только птицы в полете могут любоваться городом!

Но это будет завтра. А сегодня мы медленно бредем от подножия башни к автобусу по зеленому ковру Марсова поля и с улыбкой наблюдаем за отдыхающей публикой, расслабленно расположившейся в расслабленных позах на каждом свободном метре этого облюбованного парижанами и туристами места.

Андрей информирует о том, что завтрак будет в 8.00. При этом он без улыбки добавляет, что французы утром едят только булочку с кофе. «Окей!» Нам бы до постели...

С замиранием сердца

Собравшись утром в кафе на завтрак, мы оценили юмор нашего Окея. Шведский стол был уставлен яствами от разного рода напитков до всевозможных кулинарных шедевров. На теплых плитах грелись колбасные изделия. Нарезки колбас и сыров нескольких сортов, уложенные в виде причудливых фигур, приглашали полакомиться с аппетитом. Ах, как жаль, что даже булочку нельзя с собой взять... Опыт предыдущего дня, когда не было свободной минутки ни перекусить, ни выпить чашечку чая или кофе, так и подталкивал прихватить с собой аппетитную булочку. Тем более что небезразмерный желудок даже и попробовать-то всей этой прелести не позволил... Но уважающие себя туристы соблюдают этикет!

К концу завтрака появилась Лили и познакомила нас с программой дня. Сегодня мы стартуем в Нотр-Дам и в музей Огюста Родена, поднимаемся на башню Монпарнас и, после полуторачасового перерыва на обед, гуляем по Лувру.

По своей истории Париж, упомянутый Юлием Цезарем еще в I веке до н. э., можно отнести к городам среднего возраста, если считать, к примеру, что он ровесник Бухаре, моложе Рима, но старше Москвы...

Первое население Парижа формировалось на одном из самых больших островов реки Сены – острове Сите. В период средневековья остров стал центром светской и религиозной жизни города. Здесь и был воздвигнут Собор Парижской Богоматери (Нотр-Дам де Пари).

Сердце замирало в момент появления пред нашим взором этого памятника Франции, под сводами которого происходили величайшие события национальной истории. О некоторых из них нам напомнила гид: здесь получил корону Франции Генрих VI Английский (XV век) и спустя семнадцать лет праздновал освобождение от английского господства Карл II Французский; здесь Наполеон был коронован как император Франции и здесь в 1944 году генерал де Голль отпраздновал освобождение города от четырехлетней фашистской

оккупации... Строительство Собора было начато в 1163 году и завершилось только в 1345 году. Повествование обо всех событиях, которые веками слагали историю этого великолепного памятника Франции, о красоте этого храма как одного из лучших памятников готического стиля и о его интерьере, может занять намного больше времени, чем длилась наша экскурсия...

Поэтому «спущусь на землю», а точнее, на тот небольшой кружок-пяточок, возле которого задерживаются туристы перед входом в Собор. Считается, что если встать на этот кружок и загадать желание, то оно обязательно сбудется. Посмотрим...

Невозможно передать словами ощущение, возникающее при входе в храм. Кажется, что сознание растворяется, уплывает под своды этого великолепия!

Мне раньше случалось заходить в католические церкви (храмы), и всегда я обращала внимание на располагающую доброжелательность к присутствующим. Время посещения не установлено и не ограничено. Никто не будет давать наставлений. Можно спокойно присесть отдохнуть, расслабиться... Что привлекло мое внимание здесь – это свободный доступ к свечам, просто расставленным возле стен. Они не про-да-ются. Где-то в сторонке ненавязчиво приютились ящички, в которых ты сознательно можешь оставить (или нет) монеты за свечу. Никто не обратит на тебя внимания, не сделает замечания.

Время, выделенное нам на посещение Собора, пролетело мгновенно, но невозможно было оторвать взгляд от этой завораживающей красоты, поэтому осталось чувство какой-то неудовлетворенности. В глазах стояли лики святых, озаренные подсветкой; изящные орнаменты; цветные стекла витражей, изображающие месяцы, знаки Зодиака; добродетели и пороки...

Покидая Собор, взглядом еще раз устремляешься на круглое кружевное окно-розу диаметром около десяти метров над входом, перед которым расположена статуя Мадонны с младенцем и с ангелами по бокам.

Проезжая вдоль набережной Сены, мы любуемся комплексом зданий Дворца правосудия. Территория, занимаемая им, благодаря своей защищенности была выбрана в качестве резиденции римских правителей и королей. После того, как в середине XIV века Карл V был вынужден переселить королевскую резиденцию в Лувр, здесь разместился парламент. К Дворцу пристроены другие здания, такие как Сент-Шапель и Консьержери. Когда Дворец был резиденцией короля, в апартаментах жил королевский офицер – консьерж. Позже это здание было приспособлено под тюрьму. Во время революции сюда были брошены тысячи людей, в том числе Дантон, Робеспьер и Мария-Антуанетта... На кухне с четырьмя огромными каминами можно было жарить мясо для двухсот-трехсот человек. В помещении верхнего этажа собирали заключенных, чтобы подготовить к гильотине. Вот такую историю имеет этот красивый комплекс с вытянутыми узкими окнами, башенными пролетами и черными крышами со шпилями на башенках.

О взлете на вершину башни Монпарнас я уже упоминала раньше. Только дополню, что на этом старте сердце замирает не от вида современного небоскреба (восхищает только его высота), а от самого процесса взлета и панорамного обозрения Парижа.

Когда планировала поездку в Париж, одним из заветных желаний было посетить музей Огюста Родена. Прочитанный в студенческие годы биографический роман о нем в серии «Жизнь замечательных людей» произвел на меня такое впечатление, что желание увидеть гениальное творение его рук осталось в мечтах. Значит, правда, что мечты сбываются! Минувя длиннущую очередь в кассу, мы проходим во двор музея. Вот он, Роден! Скульптура из бронзы и мрамора поражает своей жизненной силой и мощью. Я стараюсь не пропустить ни одного слова Лили. Мне кажется, что только для меня она с таким воодушевлением и восторгом рассказывает о шедеврах, об эпизодах жизни Родена.

Из-за смелого выражения в скульптурах сильных человеческих эмоций многие работы (к примеру, пронизанная тонкой поэзией группа «Поцелуй») не принимались на выставках – как парижских, так и мирового значения – чуть ли не до последних лет жизни Родена. В гипсе, бронзе, мраморе передана сложность и энергичность движения. Самые известные из его творений выставлены в саду: «Граждане Кале», «Мыслитель» и – вот они! – «Врата ада». С сорока лет и до конца жизни (скульптор умер в 1917 году) Роден работал над этой композицией, навеянной «Божественной комедией» Данте, воплощая в ней мир человеческих страстей. Излюбленный мотив ваятеля – творения, выходящие из необработанного материала («Рука Бога», «Крик»). Они выставлены среди множества работ в интерьере. Гений скульптора раскрылся полностью в обнаженных фигурах («Св. Иоанн Креститель»). Так и хочется прикоснуться рукой к этим фигурам, чтобы ощутить их тепло.

В музее выставлены полотна Моне, Ренуара, Ван Гога, а также несколько картин одной из самых важных женщин в жизни скульптора – Камиль Клоде.

Теперь нам предстоит пообедать, передохнуть и – стартуем в Лувр.

Все то, что увидим мы здесь и услышим – фиксируем памятью, текстами пишем.

Это теперь я перелистываю и перечитываю блокнот с записями, просматриваю фотографии и раскладываю по полочкам все услышанное от гида. А в дни наших пробежек по маршрутам Парижа в голове все настолько перемешалось... Казалось, что вряд ли будет возможно когда-то весь этот калейдоскоп эмоций сложить в последовательную цепочку. На удивление, перевозбужденная от всего увиденного зрительная память зафиксировала даже вскользь промелькнувшие сюжеты.

Подкрепившись и отдохнув, мы в предвкушении встречи с шедеврами Лувра с воодушевлением стремимся к новому старту. Автобус высаживает нас на улице Риволи. Свое название улица получила после победы Наполеона над австрийцами при Риволи в 1797 году.

Перед нами Лувр – художественный музей. Еще 200 лет назад это был королевский дворец, построенный Филиппом II Августом в 1214 году для укрепления городских крепостных стен. Занимало тогда здание дворца всего четверть сегодняшней площади. Веками оно достраивалось, расширялось. Были пристроены западный корпус и часть северного. В XVII веке Лувр перестал быть королевской резиденцией. Он стал национальным музеем, основу которого составляли королевские собрания экспонатов. Музей пополнялся за счет Наполеоновских походов, закупок, пожертвований.

Еще вчера, любуясь стеклянной пирамидой на площади Лувра, мы думали, что скоро попадем в ее недра. Эта пирамида была построена на площади Наполеона в 1989 году. Она покрывает обширный вестибюль подземного входа (холл Наполеона), откуда эскалаторы доставляют посетителей в различные части музея. Лувр состоит из 198 залов, поделенных на семь департаментов, шесть из которых представляют экспонаты древних восточной, египетской, греческой, римской культур, культуры средневековья, эпохи Возрождения и более позднего времени, а также богатой картинной галереи.

Большое значение в музее уделяется искусству Франции. Чтобы посетители могли ориентироваться в лабиринтах различных разделов музея, на стенах установлены указатели-стрелки с условными обозначениями маршрутов следования. К примеру, указатель с изображением Джоконды указывает путь в картинную галерею. Естественно, что за четыре часа экскурсии по Лувру даже бегом не пробежать по всем залам. Со времен Древней Греции существует понятие, что только в прекрасном теле может быть прекрасна душа. Поэтому очень

Московский BAZAR № 2 (32) 2020 г.

хотелось увидеть фигуры, воплощающие идеал человека. Но чтобы увидеть картины «Венера Милосская», «Копьеносец», «Дискобол», то есть попасть в греческий зал, пришлось познакомиться с шедеврами этрусского искусства – многочисленными терракотовыми статуями.

Неплохо было бы задержаться в зале прикладного искусства, чтобы внимательней разглядеть «Сокровищницы аббатства Сен-Дени», церковную утварь Средневековья, итальянскую майолику, драгоценности французских королей... В отделе французской скульптуры впечатлили шедевры Италии: «Три грации» Пилона, «Амур и Психея» Антонио Кановы...

Поплутав по нижним этажам Лувра, я поняла: на то, чтобы что добраться до вожделенной картинной галереи, у меня нет ни сил, ни времени. Наконец-то добираемся до верхнего этажа с залами картинной галереи. Из окон просматриваются изумительной красоты участки сада Инфанты, разбитого по желанию Марии Медичи в 1611 году. Влившись в поток туристов, мы, не сопротивляясь, брели вдоль зала, подгоняемые любопытством увидеть «Джоконду». Издали мы любовались шедеврами, о которых были слышаны со школьных лет: «Вирсавия» Рембрандта, «Мадонна в скалах» Леонардо да Винчи, «Кающаяся Магдалина» Жоржа де Латура, «Коронация Наполеона» Жака Луи Давида...

Бесполезно было искать удобное место, чтобы внимательно разглядеть какое-то полотно. Туристы всего мира в неопишуемых позах изощрялись запечатлеть на фото- и видеокамеры всё подряд. С вымученными от усталости улыбками, они плотно держали позиции, и подступить к картинам было практически невозможно. Всегда раздражает любое стадное скопление людей, даже в очередях... Но вот, по заметно уплотненной массе, я почувствовала, что где-то впереди объект моих мечтаний. Метров за десять от «Джоконды» с двух сторон было натянуто канатное ограждение, внутри которого молодые люди – 8-10 человек в строгих черных костюмах – как от мух отмахивались от навешивающихся на ограждение туристов. Даже пытаться проскользнуть поближе было выше моих сил.

Желание, поколебавшись, уступило разуму, и мы начали пробивать себе дорогу на выход из галереи. Хотелось только одного – поскорее, не плутая в лабиринтах, выбраться из Лувра. Говорила же нам Лили, что эта картина совсем не тот портрет, который когда-то писал Леонардо да Винчи с Моны Лизы и пронес его через всю жизнь, пока не попал во Францию. Ничего общего с его картиной почти не осталось в этом многократно реставрированном полотне. Но, как известно, искусство надо уметь ценить!

До закрытия музея двадцать минут, а на остановке в ожидании нашего автобуса уже бродила почти вся группа. Уставшие, полные восторга от посещения Лувра, все обменивались впечатлениями. Андрей предложил желающим ознакомиться с метрополитеном Парижа, раздал маршрутные карты. Мне кажется, что все вернулись автобусом в гостиницу и отдохали до утра.

Счастливого пути!

Тоскливо рано утром покидать отель и укладывать чемоданы в автобус. Но предчувствие ожидаемых впечатлений от предстоящих в этот день стартов, улыбчивое лицо приветливого гида мгновенно выводит нас из полудремотного состояния сов.

Для начала получасовая экскурсия по просыпающимся улицам и площадям центра Парижа, и знакомство с кварталом Бастилии. Теперь это современный, постоянно перестраиваемый район города. О произошедших здесь величайших событиях напоминает только колонна де Жуйе в центре площади Бастилии. Свое название площадь получила от знаменитой крепости, построенной в конце XIV века по воле Карла V. Сначала крепость была военной цитаделью, затем превратилась в тюрьму, куда были заточены среди прочих Вольтер и герцог Орлеанский.

После восстания 14 июля 1789 года и взятия Бастилии все заключенные были освобождены, управляющий тюрьмой был зверски убит, а само здание было разрушено в течение одного года. Площадь была приведена в порядок Наполеоном в середине XIX века и стала ареной кровавых событий. На вершине колонны де Жуйе стоит четырехметровая статуя «Дух Свободы». Строгой критике подвергалось монументальное здание оперного театра Оперá Бастилия – современное украшение площади, в огромном зале которого на 2700 зрителей проходят все оперные спектакли. Теперь этот театр, гордость парижан, считается самым современным в Европе. В старой Оперá Гарнье проводятся только балетные спектакли.

Наш автобус направляется в пригород Версаль. Этот старт, судя по настроению группы, мечта всех туристов! Мы покидаем автобус на большой стоянке, перед входом на Оружейную площадь. Минуем два серых здания по обе стороны центральной аллеи. В левом здании жили мушкетеры – военная свита королей (Людовика XIII, Людовика XIV), а в правом гвардейцы кардиналов (Ришелье, Мазарини). Так вот где жили легендарный д'Артаньян и его друзья! Подведя к большому маршрутному стенду, Лили знакомит нас с расположением зданий, площадей и парков Версаля.

Немного истории. В 1632 году король Людовик XIII построил здесь охотничий замок. С 1662 года замок начал расширяться Людовиком XIV. Так появился дворец с конюшнями, площадями и парками. В Большой и Малой конюшнях могли помещаться одновременно до 2500 лошадей и 200 карет. С 1682 года дворец стал столицей королевства и оставался ею до

Московский BAZAR № 2 (32) 2020 г.

1789 года. Во времена революции он был разграблен и оставался покинутым. Луи Филипп в 1837 году отреставрировал здание, превратив его в музей. После Первой мировой войны Версаль был вновь восстановлен на средства Рокфеллера.

Чтобы попасть к зданию грандиозного Дворца, нужно, войдя в шикарные, с позолоченной отделкой, ажурные ворота, пройти через три двора. В глубине «Двора министров» стоит статуя Людовика XIV. Второй двор – «Королевский». Через него въезжали королевские кареты. Третий двор – «Марбр» – окружен первоначальными постройками Людовика XIII. Центральный павильон Дворца предназначался для королевской семьи, правое боковое крыло для кровных принцев, а левое для официальных фавориток. С «Королевского двора» вход во дворец, теперь в первую галерею Исторического музея, рассказывающего об эпохе Людовика XIII и его сына Людовика XIV. Продвигаясь по дворам Версаля вдоль длиннющей очереди в кассу, которая, как мне показалось, была протяженнее очереди в Эрмитаж, мы увлеченно слушали интересный рассказ гида о Людовике XIV. Легенда приписывает ему изречение «Государство – это я», а льстецы-придворные звали его «король-солнце». Из-за аллергической болезни кожи король мылся в своей жизни всего три раза. Тем не менее это не мешало ему быть любвеобильным и прожить 72 года. Каждая из официальных фавориток короля: Луиза де Лавальер, Франсуаза де Монтеспан, Маркиза де Ментенон и позже принцесса Юрсен, имела положение при дворе. Все 126 детей от фавориток получали титулы герцогов и графов, занимали генеральские и адмиральские должности, обладали большим личным состоянием. Содержание фавориток и их детей дорого обходилось казне.

Два боковых крыла и окончателная отделка здания выполнены по проекту Жюль Ардуэна-Мансара. До наших дней закрепился в строительстве термин «мансарда», произошедший от его фамилии. В «Салоне Геркулеса» хранятся два великолепных полотна Веронезе «Ужин Христа в доме Симона Фарисея» и «Елизар и Ребекка».

Поражает красотой и роскошью галерея зеркал. Зеркала отражают свет, который проникает сюда через 17 расположенных напротив них окон. Взгляд постоянно устремляется на красивейший пейзаж за окнами Дворца. Это Версальские сады – гармоничное соединение природы и искусства! К сожалению, вход в Малый и Большой парки был для туристов закрыт. А так хотелось полюбоваться фонтанами со скульптурами богини Латоны с Апполоном и Дианой, фонтаном «Аполлон» с колесницей бога, запряженной четырьмя конями... Каждое помещение: залы, спальни, столовые, впечатляет роскошью, белой и золотой лепниной, шедеврами декоративного искусства.

Время, отведенное гидом на знакомство с Версалем, проскочило как-то уж очень незаметно. На первом этаже при выходе из дворца туристов ожидают ларьки с поделками, сувенирами и парфюмом, которым пользовались светские парижане того времени. На моем запястье почти полдня сохранялся въевшийся насыщенный запах капельки духов... Понятно, каким образом не любившие, да и не имеющие возможности мыться парижане, в париках и в нарядах из плотных тканей, маскировали тяжелые запахи на балах.

Теперь группе было предложено с двух до шести вечера провести время на свое усмотрение: посетить Эйфелеву башню или поехать в Диснейленд Париж. Далее ужин, вечерняя прогулка на корабле по Сене и отъезд. Мы предпочли познакомиться с Диснейлендом, который находится в 32 километрах к востоку от Парижа, то есть по пути из Версаля. И не пожалели.

Вечером, как было условлено, мы, уже немного отдохнувшие в автобусе от прогулок по «лендам» Диснеевского парка, возбужденные и с чудесным настроением, подъехали к Марсову полю. Погуляли, встретились с группой и поехали ужинать в итальянский ресторанчик, где нас уже ждали накрытые столы.

Теперь до десяти вечера прогулка по Сене. Вечерний Париж завораживал! Ярко освещенные окна роскошных, уже знакомых нам зданий, в бликах от иллюминации и подсветки ярких или же мерцающих фонарей выглядели совершенно иначе. Гиды на четырех языках информировали нас о пути следования. Мост Инвалидов, мост Александра III, здание МИД, мост Согласия, квартал Сен-Жермен, Новый мост... То с левого, то с правого борта постоянно встречались или обгоняли нас ярко освещенные катера и теплоходы с сидящими за столиками в кафе и барах отдыхающими. Все приветствовали друг друга взмахами рук и возгласами. Публика разных национальностей и возрастов восторгалась Парижем.

Последний – и неожиданный – сюрприз ждал нас у автобуса на мосту. Лили была с нами в этот вечер до конца. Андрей поторапливал группу подтянуться дружно к автобусу, где он встречал нас с шампа-а-а-нским!

Ровно в двадцать два ноль ноль, под выстрелы пробок, Эйфелева башня засветилась голубыми огнями! Они мерцали, кружились, сновали вверх и вниз...

А в центре хоровод из звезд подмигивал нам: «Счастливого пути!»

Московский салон литераторов (МОССАЛИТ)

www.mossalit.ru

mos.bazar2011@yandex.ru

© МОССАЛИТ, 2020